Эволюция ислама в СССР

Нугман Аширов

Нугман Аширов

Эволюция ислама в СССР

Издательство
политической литературы
Москва . 1973

29
А98

Аширов, Нугман.

А98 Эволюция ислама в СССР. Изд. 2-е.
М., Политиздат, 1973.

152 с.

В книге кандидата философских наук Н. Аширова раскрываются те процессы, которые происходят в современной мусульманской религии, все еще сохраняющей приверженцев в нашей стране. Подвергая критическому анализу богословскую литературу, проповеди служителей культа, автор показывает, как под влиянием огромных преобразований, совершающихся в СССР, меняется сознание верующих, что вынуждает мусульманское духовенство пересматривать традиционные религиозные установления, по-новому интерпретировать многие положения ислама.

Книга рассчитана на пропагандистов научного атеизма, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также на всех читателей, интересующихся атеистической проблематикой.

А $\frac{0158—334}{079(02)—73}$ БЗ — 38—1—73 29

© ПОЛИТИЗДАТ, 1973 г.

Классики марксизма-ленинизма убедительно показали, что религия, как и другие формы общественного сознания, подвержена изменениям. «...С каждым великим историческим переворотом в общественных порядках,— писали Маркс и Энгельс,— происходит также и переворот в воззрениях и представлениях людей, а значит, и в их религиозных представлениях» [1].

Не составляет исключения в этом отношении ислам, претерпевший значительные изменения в последнее время. Они коснулись ислама и в СССР. Изменилась политическая ориентация религиозных центров и духовенства, по-новому толкуются многие социально-этические проблемы и богословско-догматические вопросы. Ветер перемен коснулся даже наиболее консервативной части религиозного комплекса — мусульманских обрядов.

Задача полного преодоления религиозных пережитков в сознании людей, поставленная Коммунистической партией, требует от работников идеологического фронта всемерного совершенствования атеистического воспитания трудящихся. А этого нельзя добиться без глубокого анализа современной религиозной идеологии, тех тенденций, которые характерны для различных религиозных направлений в наши дни. Поэтому изучение особенностей современного мусульманского модернизма имеет важное теоретическое и практическое значение.

В предлагаемой книге на основе анализа новейших материалов из практики проповеднической деятельности мусульманского духовенства в различных районах страны, выступлений служителей культа, их усилий по «совершенствованию» обрядности предпринята попытка рассмотреть процесс приспособления

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 211.

ислама к новым социально-экономическим условиям, возникшим в нашей стране в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и успехов коммунистического строительства.

XX век ознаменовался огромными социальными переменами и значительным ускорением общественного и научно-технического прогресса. Мировые процессы захватывают в свою орбиту все больше стран и народов. Проблемы дальнейшего социального развития стали актуальными для всех идеологических систем, стремящихся оказывать влияние на массы. В этих условиях мусульманские идеологи не могут пройти мимо актуальных вопросов современности, не высказать своего отношения к ним. Естественно, они вынуждены пересматривать многие устоявшиеся взгляды и представления. В этом смысле мусульманские деятели разных стран оказываются в схожей ситуации, что стимулирует обмен идеями между ними. И никто сегодня не удивляется, если новая позиция, занятая по актуальным вопросам общественного развития духовенством той или иной страны, довольно быстро находит себе последователей среди мусульманских деятелей ряда других стран.

В силу этого автор счел возможным, рассматривая процесс эволюции ислама в нашей стране, отметить по многим проблемам схожесть позиций мусульманского духовенства в СССР с соответствующими позициями исламских богословов в зарубежных странах.

Однако, каким бы многосторонним ни было взаимовлияние богословских концепций, модернизация ислама происходит неравномерно. Многое здесь зависит от социально-экономических условий, от культурного уровня населения. На процесс модернизации религии заметное воздействие оказывают степень религиозности верующих и уровень подготовки богословов. Есть и другие факторы, оказывающие влияние на уровень модернизации ислама. Поэтому даже в пределах одной страны, особенно такой большой, как Советский Союз, в различных районах, где сохраняется влияние ислама, толкование предписаний Корана и соблюдение традиционной обрядности имеет свои особенности.

Вот почему глубокий и всесторонний анализ эволюции ислама в СССР можно осуществить лишь коллективными усилиями философов, историков, социологов. В данной работе ставится задача осветить некоторые важные стороны проблемы, имеющие значение прежде всего для практики атеистического воспитания в нашей стране. Автор опирался на исследования, проводившиеся в последнее время в ряде научных учреждений, высших учебных заведений республик и областей страны, где в той или иной степени сохраняет свое влияние ислам. Это помогло дать достаточно широкий критический анализ проповеднической деятельности мусульманского духовенства, показать сегодняшний день мусульманской религии в нашей стране, выявить характерные для нее тенденции.

Глава первая

Основные факторы эволюции ислама в СССР

Среди религий, сохраняющихся в СССР, ислам занимает по числу последователей второе место, после православия. Его приверженцы живут в Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье и в ряде других районов страны. В разное время и по-разному шло проникновение ислама в эти районы. В некоторых из них население приняло мусульманские идеи и обряды без борьбы, в других они внедрялись силой оружия или экономического давления.

Ислам, имевший огромный опыт освящения частнособственнических порядков, нашел свое место и в условиях царской России. Самодержавный строй и ислам взаимно нуждались друг в друге. Несправедливый социальный строй самим своим существованием неизбежно и постоянно порождал и питал религиозность населения. В свою очередь религия, религиозные организации защищали устои эксплуататорского строя, внушали верующим мысль о божественном характере его происхождения, а следовательно, о его вечности и неизменности.

После Великой Октябрьской социалистической революции ислам в нашей стране, как и другие религии, оказался в принципиально новых социально-экономических и идеологических условиях. Прежде всего новый социальный строй не нуждался в поддержке религии. Революционные преобразования вытеснили религию, и ислам в том числе, из основных сфер общественной жизни — религия перестала быть регулятором политических, социальных, этических отношений,— оставив за ней лишь одну сферу деятельности — удовлетворение религиозных потребностей верующей части населения.

Ликвидировав эксплуатацию человека человеком и национальный гнет, социализм уничтожил наиболее глубокие причины воспроизводства ислама. Строи-

тельство социализма сопровождалось массовым отходом мусульман от религии.

Социологические исследования, проведенные в районах традиционного распространения ислама в нашей стране, свидетельствуют о том, что квалифицированные рабочие, сельские механизаторы, ученые, инженерно-технические работники, а также молодежь в целом в весьма незначительной степени подвержены в настоящее время влиянию ислама. Это констатируют и зарубежные авторы, занимающиеся изучением состояния религии в СССР. «Создается впечатление, что в крупных городах Средней Азии молитвы по пятницам собирают значительное число верующих, большинство из которых — люди старше 60 лет... Рабочие, служащие и студенты редко посещают мечеть»,— пишут западные исследователи А. Беннингсен и Ш. Лемерсье-Калькаже в книге «Ислам в Советском Союзе», вышедшей в 1967 г. в Англии. Подобный вывод делает и председатель Ассоциации улемов Марокко, редактор газеты «Ал-Мийсак» Абдулла Каннун, посетивший СССР в мае 1968 г. в составе делегации мусульманских деятелей Марокко. Публикуя на страницах редактируемой им газеты (№ 67—73 за 1968 г.) свои впечатления от поездки, он отмечает, что большинство молящихся в мечетях СССР — люди преклонного возраста. Он сетует: «Да и вообще в настоящее время это мировая проблема. Не только в Советском Союзе, но и в других мусульманских странах молодежь меньше всего интересуется мечетями».

Массовый отход трудящихся от ислама, господство в нашей стране атеистической марксистско-ленинской идеологии и все возрастающее влияние этой идеологии на сознание верующих побуждает мусульманских руководителей религиозных центров и рядовых служителей культа искать выхода из кризисного состояния религии на путях активизации деятельности мечетей, на путях модернизации вероучения и культа применительно к новым условиям.

Огромные социально-экономические преобразования, осуществленные в нашей стране, величайшая в истории культурная революция изменили духовный облик и тех граждан социалистического государства, которые еще остались в лоне религии. Мировоззрение

значительной части современных верующих испытывает на себе влияние материалистических идей. Поведение верующих в обществе определяется не столько религиозными, сколько советскими нормами.

Небывалый рост культуры населения, широкое распространение в массах марксистско-ленинских идей, раскрывающих закономерности развития природы и общества, не могут не оказывать влияния на верующих. Мусульманин, принимающий участие в коммунистическом строительстве, вносящий свой вклад не только в материальное производство, но и в управление делами общества, получает возможность учитывать социальные последствия своей деятельности, приучается вносить плановое начало и в свою личную жизнь. Естественно, такого верующего нельзя сравнить с забитым и задавленным социальным и национальным гнетом и жизненными заботами, темным и неграмотным мусульманином дореволюционной России.

Процесс освобождения верующих от религиозных представлений постоянно прогрессирует. В последние десятилетия в связи с научно-технической революцией заметно ускорились темп и ритм жизни человека, во все отрасли народного хозяйства бурно внедряются наука и техника, широкое развитие получают печать, радио, телевидение, кино. Возрастает объем информации, получаемой населением. Современный человек получает знания из самых различных областей техники, естествознания, искусства, международной жизни, такие знания, которые до революции были недоступны многим людям, ибо образовательный уровень масс был весьма низок.

Все это не может не сказываться на эволюции религиозного сознания приверженцев ислама. Многие коранические представления о мире, о взаимоотношениях людей в обществе, предписания, касающиеся семьи, прав и обязанностей супругов, не укладываются в сознании современного верующего. Это отчетливо понимает и мусульманское духовенство.

Современный верующий уже не может замыкаться в узких рамках религиозных догматов. Его интересуют проблемы строительства коммунизма, вопросы международной жизни, ход национально-освободи-

тельной борьбы в еще сохраняющихся колониях и зависимых странах. Мусульманское духовенство не может не учитывать всего этого. Выступая не столь давно перед служителями культа Азербайджана, бывший заместитель председателя Духовного управления мусульман Закавказья муфтий Вели-заде Шариф отмечал, что в изменяющемся мире нельзя придерживаться всех норм шариата. «Нам пора понять,— заявил он,— что многое в шариате устарело и, больше того, стало отталкивать верующих от религии». Муфтий заверял своих слушателей, что, отбрасывая не соответствующие современным условиям положения шариата, служители культа не совершают греха, наоборот, укрепляют позиции религии.

Мусульманское духовенство вынуждено считаться и с тем, что при социализме резко изменился социальный состав верующих. В нашей стране нет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых. Все верующие, как и неверующие,— равноправные члены общества, в равной степени заинтересованные в успешном строительстве коммунизма.

Учитывается и то, что существенно меняется место религии в жизни современного мусульманина. В дореволюционный период ислам для верующего был определяющим всю его жизнь учением, а мечеть во главе с имамом — земным судьей правильности или неправильности всех поступков человека. События, происходящие в окружающей жизни, рассматривались через призму религиозного учения. Все ритуальные действия, предписанные исламом и закрепленные традицией, были для мусульманина строго обязательными. Религиозное мировоззрение в его сознании занимало центральное место.

Преобразования, происшедшие в нашей стране, внесли серьезные изменения в жизнь и взгляды мусульман. Советский образ жизни оказывает сильное влияние на их поведение и умонастроение. Сверхъестественные идеалы ислама все больше вытесняются из их сознания реальными земными человеческими идеалами, в борьбе за осуществление которых верующие участвуют вместе со всем народом. Верующий, как правило, рассматривает в настоящее время мечеть лишь как место удовлетворения своих религиозных

потребностей, а имама — как лицо, помогающее в этом

Можно привести конкретные примеры, свидетельствующие о том, как изменение религиозного сознания верующих оказывает заметное влияние на религиозную жизнь.

Не столь давно в Ленинградской соборной мечети произошел следующий случай. Настоятелем мечети (имам-хатыбом) был назначен окончивший Бухарское медресе новый служитель культа. Став во главе прихода, он начал наводить свои порядки, например запретил женщинам участвовать в похоронном обряде. Ранее в мечети нередко произносились проповеди, в которых говорилось о том, что верующим отнюдь не возбраняется посещать кино, театр, смотреть телевизор, ибо эти зрелища полезны для людей. Более того, когда в Ленинград приезжали артисты татарской эстрады, билеты на концерты продавались прямо во дворе мечети. Новый имам запретил продажу билетов. В своих проповедях он стал внушать прихожанам, что посещать театр грешно. Верующие, возмущенные действиями имама, засыпали различные инстанции жалобами, в которых отмечали, что «нельзя больше терпеть в Ленинграде, одном из культурнейших центров страны, такого отсталого имама-фанатика».

Исполнительный орган мечети внял просьбам прихожан и обсудил на своем заседании поведение имама. Было принято постановление, которым имам строго предупреждался о недопустимости в будущем «извращений учения ислама и нарушения постановлений исполнительного органа мечети».

Если раньше имам был хозяином мечети, чуть не святым человеком, а его авторитет среди верующих непререкаемым, слово — законом для правоверных, то теперь он во многих религиозных объединениях превратился фактически в наемного служащего, деятельность его в настоящее время протекает под руководством избираемого прихожанами исполнительного органа, состоящего из верующих. Этот исполнительный орган (мута валлиат) подчас не ограничивается ведением финансово-хозяйственных дел мечети и учетом совершаемых обрядов, но и пытается заниматься

некоторыми вопросами, связанными с совершением религиозных обрядов.

Осуществляя самостоятельно руководство финансово-хозяйственными делами мечети, верующие стремятся идти еще дальше в «демократизации» жизни религиозного объединения. Они добиваются того, чтобы и служители культа и руководители исполнительных органов систематически отчитывались перед прихожанами мечети о своей деятельности.

Таким образом, верующие, впитавшие в себя демократические принципы советского образа жизни, стремятся вносить их и в жизнь религиозных организаций, не останавливаясь перед ломкой веками существовавших в мечети порядков. Такая тенденция, естественно, сказывается на положении служителей культа.

Имеются случаи, когда активисты мечети, ее исполнительный орган проявляют довольно активно свое отношение к тематике и содержанию проповедей, читаемых служителями культа. После окончания проповеди и намаза по пятницам верующие нередко собираются группами и обсуждают услышанное. Случается, что они критически высказываются по адресу имамов, слишком усердствующих в устрашении пасомых «адскими муками» на том свете. Не случайно с мимбаров зачастую звучат призывы к тому, что после молитвы следует немедленно расходиться по своим делам, что излишнее пребывание в мечети есть нарушение предписаний ислама.

Известное влияние на эволюцию ислама оказывает и то обстоятельство, что за годы Советской власти изменилось само мусульманское духовенство. Большая его часть выросла и сформировалась в условиях советской действительности и не могла не почувствовать на себе влияния советского образа жизни. На формирование его миросозерцания наложила известный отпечаток и советская школа, ибо многие служители культа окончили либо начальную, либо среднюю школу уже в советское время.

Специфика мусульманского культа такова, что во главе общины может становиться любой верующий, знающий основы вероучения и обрядность. Обряды рукоположения и принятия сана здесь отсутствуют.

Не случайно поэтому среди современных служителей мусульманского культа крайне мало людей, которые всю жизнь занимались только религиозной деятельностью. Значительная их часть стала выступать в качестве профессиональных служителей культа сравнительно недавно. Раньше эти люди работали в различных отраслях нашего народного хозяйства. Что же касается не зарегистрированных в местных органах власти служителей культа, то многие из них и сейчас отправление культа совмещают с работой в общественном производстве. Это обстоятельство не может не влиять на позиции духовенства.

Наконец, есть еще момент, который нельзя сбрасывать со счетов, когда анализируются причины, побудившие мусульманское духовенство изменить свое отношение к коммунизму. В исламе нет целибата, обета безбрачия. Всем мусульманам предписывается обзаводиться семьями, и, действительно, подавляющее большинство мусульманских богословов и служителей культа имеют семьи, детей, внуков. Многие из взрослых членов семей служителей ислама, их родственники являются рабочими, колхозниками, агрономами, инженерами, врачами, учеными. Их жизнь, труд, будущее их детей неразрывно связаны с движением нашего общества к коммунизму. Естественно, участвующие в общественно полезном труде члены семей служителей культа оказывают на них соответствующее воздействие.

В условиях господства социалистических производственных отношений, когда большинство населения порвало с религией, а верующие в массе своей являются сторонниками социализма, продолжать, как и раньше, призывать верующих вести «священную» борьбу против «неверных» и восхвалять эксплуататорский строй было бы просто невозможно. Сама жизнь заставила мусульманское духовенство стать на путь приспособления идеологии и культа ислама к условиям социализма.

Названные причины приспособления религии к новым условиям, пожалуй, являются общими для всех основных религиозных направлений, существующих в нашей стране. Но кроме указанных общих причин есть и специфические, характерные для ислама.

Большинство народов, исповедовавших ислам, до революции находилось в полуколониальной зависимости; к социальному гнету прибавлялся гнет национальный. В условиях царской России эти народы были бесправными, отсталыми, прозябали в нищете, а некоторые из них (такие, как туркменский, киргизский, башкирский народы) были обречены буквально на вымирание. Однако это не мешало мусульманскому духовенству верой и правдой служить самодержавию, способствовать сохранению и упрочению колониального режима, получая за это определенные блага от царской администрации. Вместе с тем оно не могло не испытывать на себе влияние масс единоверцев, задавленных национальным и социальным гнетом и никогда не прекращавших борьбы против своих угнетателей.

Православное духовенство в массе своей встретило в штыки первые законодательные акты молодого социалистического государства, касающиеся религии и религиозных организаций [1]. У него для этого были известные причины. Православие перестало быть государственной, привилегированной религией, опирающейся на всю мощь государственного аппарата, ибо все религии были уравнены в правах. Впервые получил такое же правовое положение, как и все другие религии, и ислам. Его последователи сразу же были уравнены в правах со всеми гражданами Страны Советов. В «Обращении к трудящимся мусульманам России и Востока», подписанном В. И. Лениным, говорилось: «Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это» [2]. А еще через несколько дней по предложению Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина хранившаяся в России бесценная реликвия приверженцев ислама — «Коран халифа Османа» был передан мусульманам.

[1] Вопрос об отношении духовенства страны к первым законодательным актам социалистического государства, касающимся религии, подробно изложен в работе: *М. М. Персиц.* Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР. М., 1958.

[2] «Декреты Советской власти», т. I. М., 1957, стр. 114.

Вслед за этим последовали многие мероприятия Советской власти, направленные на ускоренное развитие экономики и культуры отсталых районов. В тяжелейшее для страны время X съезд партии признал одной из важнейших задач создание в ранее отсталых районах промышленных очагов с максимальным привлечением к работе в них лиц местной национальности [1].

Были приняты меры по подъему сельского хозяйства, развитию национальной культуры. И все это проводилось в жизнь при самом внимательнейшем отношении В. И. Ленина, Коммунистической партии к верованиям, обычаям и традициям мусульман. Партия, В. И. Ленин не раз возвращались к вопросу о необходимости исключительно тактичного отношения к религиозным чувствам мусульман. Достаточно в этой связи напомнить высказывания В. И. Ленина, сделанные им в «Докладе о партийной программе» на VIII съезде РКП(б). Он говорил, что «по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл», нужно особое внимание, «надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно» [2].

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что весьма важно завоевать доверие трудящихся мусульман, «трижды и четырежды завоевать; *доказать,* что мы *не* империалисты, что мы *уклона* в эту сторону *не* потерпим» [3].

Та же мысль подчеркивается в его телеграмме на имя Г. К. Орджоникидзе, который тогда был на Кавказском фронте. Ленин пишет ему: «Еще раз прошу действовать осторожно и обязательно проявлять максимум доброжелательности к мусульманам...» [4]

В марте 1921 г., когда Г. В. Чичерин внес в ЦК РКП(б) предложение обратиться к партийным организациям республик и областей с мусульманским населением с особым циркуляром о необходимости при

---

[1] См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 560.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 158, 159.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 53, стр. 190.

[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 51, стр. 175.

проведении антирелигиозной пропаганды соблюдать тактичность и не оскорблять религиозных чувств мусульман, В. И. Ленин выразил полное согласие с ним и дал указание проект такого циркуляра внести в ЦК [1]. Он даже предложил включить в этот циркуляр речь Н. Н. Нариманова, которая представляла собой, по выражению Г. В. Чичерина, «образец тактичного подхода к мусульманской публике» [2].

Советская власть за короткий срок подняла народы национальных окраин России до высот цивилизации, помогла им создать национальную государственность, обеспечила невиданный расцвет экономики и культуры.

Ленинская национальная политика Советского государства, направленная на обеспечение свободного развития всех народов — и больших и малых, обеспечила социализму уже в первые годы симпатию и признательность трудящихся национальных окраин. Не могли не высказать своего отношения к такой политике и служители культа, которые вольно или невольно должны были признать положительное значение всех мероприятий Советской власти на ранее отсталых окраинах царской России.

Весьма примечательна в этом отношении телеграмма мулл бывшего Спасского кантона Татарии в связи с провозглашением Татарской республики: «Мусульманское духовенство уезда,— говорилось в телеграмме,— с радостью встречает объявление Татарской республики. Обещаем помочь ей окрепнуть, стать на твердую почву путем пропаганды среди темного населения и считаем Советскую власть *единственной защитницей интересов мелких народностей.* (Курсив наш.— *Н. А.*) Переживаемое ныне время — явление временное, которое послужит прологом для счастливой жизни пролетариата. Да здравствует всемирная революция» [3].

Уже в первые годы Советской власти некоторые мусульманские религиозные деятели в нашей стране

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 52, стр. 120.

[2] См. там же, стр. 120, 382.

[3] Цит. по кн.: *Т. Касимов.* Очерки по религиозному и антирелигиозному движению среди татар до и после революции. Казань, 1932, стр. 28—29.

стали выступать в поддержку Великой Октябрьской социалистической революции и социалистических преобразований в районах, где преобладало мусульманское население.

Так, в послании, направленном В. И. Ленину 3 декабря 1921 г. от имени съезда ходжей Аджаристана, говорилось, что съезд «убеждает трудящихся Аджаристана в необходимости признания единственной власти, могущей освободить угнетенных всего мира от ига капитализма,— власти Советов. Съезд выражает глубокое уверение о грядущем торжестве всех трудящихся Востока и искренне желает, чтобы (Вы) вели всемирный пролетариат по пути к воплощению великой идеи — коммунизму и созданию всемирной семьи советских республик с их высоко поднятым священным знаменем революции» [1].

Не менее определенно высказался и Всероссийский съезд мусульманского духовенства, открывшийся 25 октября 1926 г. в Уфе. В телеграмме на имя руководителей Коммунистической партии и Советского правительства заявлялось: «Съезд выражает от имени всех мусульман благодарность и преданность советской власти, защитнице угнетенных народов Востока, и обещает поддерживать советскую власть в ее мероприятиях по укреплению завоеваний революции» [2].

Уже в те годы отдельные мусульманские служители культа говорили о том, что Октябрьская революция «осуществлена по всем правилам, установленным Кораном и с соблюдением заветов Мухаммеда», что те, кто противодействует Советской власти, должны быть признаны «противодействующими богу и пророку» [3].

В настоящее время, когда достижения народов национальных советских республик и автономных об-

---

[1] Цит. по кн.: «В. И. Ленин — друг народов Востока». Сб. документов и материалов 1917—1924 гг., кн. 2. Баку, 1967, стр. 212.

[2] Цит. по кн.: *Л. Климович.* Социалистическое строительство на Востоке и религия. М.—Л., 1929, стр. 54.

[3] Было бы, однако, неверно считать, что все мусульманское духовенство занимало такую позицию. Значительная часть его выступила против социалистического строя и призывала правоверных с оружием в руках бороться против Советской власти. См. об этом в следующей главе.

ластей вырисовываются еще более четко, мусульманское духовенство тем более вынуждено выступать за социализм. Служители культа говорят в своих выступлениях, обращенных к прихожанам, а также к зарубежным братьям по вере, что готовы содействовать успехам нового общественного строя. «Мы, мусульмане Советского Союза, с большим удовлетворением констатируем,— пишут богословы Средней Азии,— что политика Советского государства с самого начала была направлена на всестороннюю поддержку национально-освободительного движения народов стран Азии, Африки и Латинской Америки. Неоценимую помощь этим народам в усилении их освободительного движения оказала Великая Октябрьская социалистическая революция, 50-летие которой недавно было отпраздновано всем советским народом, в том числе и мусульманами. Эта великая революция была всенародной революцией, поэтому для бывших колониальных народов она послужила могучим толчком в развертывании национально-освободительного движения» [1].

Именно огромные преобразования, которые произошли в жизни народов ранее отсталых районов России, обусловили переоценку ценностей служителями мусульманского культа. Большинство из них ищет пути сближения коммунизма и религии, пытается, с одной стороны, показать общность идей социализма и исламских поучений, с другой, найти место религии в строительстве нового общества, в решении задач коммунистического строительства, не останавливаясь даже перед обновлением религиозного учения.

Стремление многих мусульманских богословов приспособить ислам к современным условиям в ряде случаев способствует оживлению религиозных пережитков. Это учитывают служители мусульманского культа. Это должны учитывать и атеисты.

Наряду с названными причинами, оказывающими решающее влияние на эволюцию ислама в СССР, нужно упомянуть и о некоторых других факторах.

---

[1] «Мусульмане Советского Востока» (журнал Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана на узбекском и арабском языках), 1968, № 1, стр. 6.

Следует заметить, что обновленческие тенденции в исламе проявились еще в дореволюционное время. Это не случайно. Ислам, обслуживая потребности угнетенных народов, имел определенные стимулы для обновления. Они особенно возросли в связи с развитием капитализма в районах традиционного распространения ислама и ростом национальной буржуазии. В этой связи достаточно вспомнить развернутую религиозно-реформаторскую программу, выдвинутую известным татарским муллой — историком Ш. Марджани в середине XIX века.

Отражая настроения мусульманской буржуазии, он решительно требовал повернуться лицом к Европе. Марджани и его сторонники доказывали, что ислам не противоречит овладению мусульманами светскими науками, достижениями европейской культуры.

Существо программы Ш. Марджани сводится к следующему: каждый мусульманин должен углубленно изучить Коран, с тем чтобы самому находить в нем ответы на возникающие религиозные вопросы, а не руководствоваться слепо мнениями других; следует изъять из духовных учебных заведений «старые» и «бесполезные» мусульманские книги схоластического содержания; необходимо ввести в медресе преподавание хадисов, перевода Корана и истории ислама; не возражать против изучения в медресе светских наук и русского языка; вернуть мусульман к основам древнеисламской культуры времен Мухаммеда [1].

Некоторые идеи программы Ш. Марджани и его сторонников были использованы модернизаторами ислама уже в советское время. В новых социально-экономических условиях в видоизмененной форме модернизм занял ведущее место в официальной политике мусульманских организаций.

Другим фактором, способствовавшим относительно быстрому распространению модернистских тенденций в мусульманстве, следует признать значительную раздробленность ислама на различные течения, сложившуюся еще в период его становления и распро-

---

[1] См. *А. Саади.* История татарской литературы. Казань, 1926; *А. Аршаруни* и *Х. Габидуллин.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

странения. Последователи каждого нового течения считались в мусульманстве сторонниками ортодоксального ислама. Это само по себе служило прецедентом для различных реформаторов. И сейчас, обращаясь к истории ислама, мусульманские богословы стремятся найти в ней примеры того, как основатели различных течений приспосабливали мусульманское учение к конкретным условиям своего времени.

Весьма интересным в этом плане является стремление автора статьи, опубликованной в журнале «Мусульмане Советского Востока», подчеркнуть, что основатель наиболее распространенного в нашей стране ханифитского толка ислама Абу Ханифа «стремился к чистоте веры и ее свободе от всякого рода примесей», что «омеядские и аббасидские халифы заставляли его работать над тем, чтобы фикх служил интересам господствующих классов», в то время как «он хотел, чтобы шариатский закон исходил из реальной жизни, чтобы он учитывал объективное положение, существовавшее в обществе...». Одну из важнейших заслуг Абу Ханифы автор видит в том, что «при толковании аятов, хадисов и поступков Мухаммеда и его сподвижников он учитывал и местные условия мусульман Ирака, Персии и других смежных с ними стран, которые коренным образом отличались от условий Аравии, где жили пророк Мухаммед и его сподвижники» [1].

Анализируя эту статью, нельзя не увидеть, что подробное описание стремлений Абу Ханифы истолковать ислам с учетом новых условий, существенно отличавшихся от тех, в которых жил и создавал учение Мухаммед и его сподвижники, предпринято для того, чтобы примерами из истории развития мусульманства обосновать необходимость и возможность пересмотра ряда его устаревших положений, не соответствующих нынешнему состоянию общества.

На приспособленческую деятельность мусульманских служителей культа, по нашему мнению, заметное влияние оказывает тот факт, что у последователей ислама в нашей стране, в отличие от русской православной церкви, не было и нет единого координи-

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 2, стр. 7—8.

рующего и направляющего центра, строго стоящего на страже традиций и порядков, освященных веками. В силу этого у верующих в том или ином районе распространения ислама больше возможностей для влияния на духовенство. Неудивительно поэтому, что в разных районах в рамках ислама сложились различные традиции, в мусульманское вероучение, в обрядность были привнесены особенности, которые в религиозном сознании последующих поколений стали рассматриваться как требования или нормы ортодоксального ислама. Это, в частности, можно видеть на примере ношения ритуального женского покрывала или на посещении мечети женщинами.

Как известно, в районах с развитыми феодальными отношениями (равнинные районы Средней Азии, Азербайджана) с распространением ислама затворничество женщин, ношение ими ритуальных покрывал стало обязательной религиозной и бытовой нормой. Иные традиции сложились у горцев Кавказа, у кочевых народов Средней Азии, у башкир. Необходимость для женщин принимать участие наравне с мужчиной в производственном труде заставила общественное мнение не признавать ритуальное покрывало, мешавшее движениям. Мусульманское духовенство не могло не считаться с этим мнением [1].

Еще более характерен подход различных духовных управлений мусульман к вопросу о посещении женщинами мечетей. Если Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири считает, что в соответствии с учением ислама женщина-мусульманка не только имеет право, но и обязана участвовать в богослужениях в мечети, то Духовное управление мусульман Северного Кавказа строго придерживается правила о том, что женщины-мусульманки не должны вообще посещать мечеть. И это правило тоже выводится из учения ислама.

В ряде республик Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения) служители культа запрещают женщинам принимать участие в похоронных

---

[1] См. подробнее об этом: *Н. А. Смирнов.* Чадра. М., 1929; *Е. А. Беляев.* Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965; *М. В. Вагабов.* Женщина и ислам. М., 1968.

процессиях, даже во время похорон близких родственников. Во многих же районах РСФСР, Казахской ССР, Азербайджана женщинам разрешается провожать умерших в последний путь на кладбище.

Заметим, что подобные различия в религиозной практике порождают порой разногласия между служителями культа и верующими, особенно если новый служитель культа прибывает после окончания Бухарского медресе в мечеть, находящуюся на территории РСФСР или Казахстана. Молодой мулла, проучившийся в медресе 7—9 лет, вместе с теоретическими знаниями усваивает и те традиционные нормы, которые сложились в религиозных организациях Средней Азии, а получив приход где-нибудь в РСФСР или в Казахстане, пытается действовать в соответствии с ними. Но эти его действия часто противоречат традициям, издавна существующим в местной мечети. В таких случаях исполнительный орган, выражая волю прихода, требует от муллы учитывать сложившиеся в данной местности традиции.

Можно привести и другие примеры. Например, в соответствии с установками Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана на обряд разговения (ифтар), проводимый верующими в месяц рамазан, должны приглашаться исключительно верующие, причем только те, кто постится согласно предписаниям Корана. В фетве Духовного управления от 9 декабря 1966 г. так и говорится: «Одним из богоугодных дел в месяце рамазан является ифтар, т. е. угощение постившихся верующих. Шариат предписал, что ифтар должен предназначаться только для неимущих и материально необеспеченных людей. Однако этот принцип шариата был нарушен превращением ифтара в своеобразный вид пиршества и расточительства с приглашением на него нецеломудренных и ненабожных людей, отчасти людей, не соблюдающих обряда поста в рамазане».

Духовное управление предложило служителям культа и исполнительным органам религиозных объединений «вести непримиримую борьбу против таких явлений, как наносящих ущерб чести священного шариата, и искоренять их из жизни наших верующих мусульман».

Совершенно по-иному относятся к проведению этого же обряда во многих религиозных объединениях Дагестана, Татарии и Башкирии. Отвечая на вопросы верующих о порядке его проведения, имам-хатыб Казанской соборной мечети К. Яруллин заявил, что на ифтар вполне можно приглашать всех, включая и убежденных атеистов и лиц, исповедующих другие религии, «если они не мешают мусульманам соблюдать ифтар и молиться».

Несколько лет назад Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана специальной фетвой предписывало служителям культа растолковать всем верующим, что Мавлюд (день рождения пророка Мухаммеда) должен отмечаться только в мечети, и обязательно в тот день, когда, согласно преданию, родился пророк.

Служители же культа на Северном Кавказе, в Татарии и Башкирии, подчиняющиеся в канонических вопросах Духовному управлению мусульман Северного Кавказа и Духовному управлению мусульман европейской части СССР и Сибири, не препятствуют тому, чтобы верующие отмечали Мавлюд на дому на протяжении целого месяца, и сами не упускают случая принять участие в каждом маджлисе, посвященном этому событию, и произнести там соответствующую проповедь.

Ф. Энгельс справедливо отмечал, что люди, создающие религии, «сами ощущают потребность в ней и понимают религиозные потребности масс» [1]. Нечто похожее, пожалуй, можно было бы сказать о людях, пропагандирующих религиозные идеи, о современных служителях культа и богословах. Они понимают потребности верующих и осуществляют свою культовую и проповедническую деятельность с учетом этих потребностей. Изменение сознания верующих, вытеснение из него многих религиозных представлений и замена их элементами материалистического мировоззрения, а также значительное снижение интереса к ритуалистической стороне не могли не отразиться на эволюции всей религиозной жизни.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 308.

Вместе с тем, стремясь удовлетворять запросы современного верующего, внося определенные изменения в религиозный комплекс, мусульманское духовенство не может далеко заходить в своей модернизаторской деятельности, не подрывая самих основ, на которых покоится ислам.

Традиция в исламе имеет, как известно, особое значение. Все основные мусульманские догматы и предписания объявляются установленными самим аллахом, а следовательно, вечными и неизменными. Более того, на протяжении столетий господствующим в мусульманстве было мнение о том, что любое новшество не только в религии, но и в общественной жизни и в быту является нарушением предписаний ислама (бидгат). Поэтому современные модернисты, по-новому толкуя давно установленные догматы, предписания и нормы, приспосабливая их к изменившимся условиям, выступают под флагом борьбы за «очищение» ислама от искусственных наслоений, от «нововведений, примешанных к нему позднейшими невеждами». Подчас эти «очистительные» работы приобретают довольно широкий размах, и при новом истолковании тех или иных норм и предписаний им придается далеко не тот смысл, какой они имели в первоначальном исламе. Однако и в этом случае говорить о том, что современные модернизаторы ислама отбрасывают догматы веры, будет неправильно. Правильнее будет сказать, что новые веяния, идущие от жизни, пропускаются духовенством через призму традиционных представлений, сложившихся в течение столетий, и оформляются им в понятиях существующей догматики.

Таковы некоторые из основных факторов, оказывающих влияние на эволюцию ислама в СССР.

Глава вторая

Эволюция социальных позиций ислама

Приобщение основной массы верующих в СССР к идеям социализма и коммунизма, рост их общеобразовательного уровня, сочетание в их сознании религиозных представлений с материалистическими, почерпнутыми из современной жизни, заставляют служителей мусульманского культа уделять больше внимания поискам новых доводов в защиту ислама, которые звучали бы для верующих убедительнее, чем традиционное толкование тех или иных аятов Корана. Современное мусульманское духовенство нередко придает своим проповедям наукообразную форму. Ссылки на научно-популярные издания, на выступления ученых в прессе довольно часты в проповедях имамов городских мечетей.

Желая усилить свое влияние на окружающих, мусульманские проповедники идут на расширение тематики своих выступлений, стремятся освоить новейшую социальную проблематику. Наряду с темами чисто религиозными в них очень часто затрагиваются вопросы истории, мира и войны, дружбы народов, строительства коммунизма. Разумеется, муллы дают свое толкование этих вопросов, волнующих прихожан, рассматривают происходящие события с позиций ислама. Внимательное изучение таких выступлений (как устных, так и письменных) показывает, что социальные позиции ислама претерпели за годы Советской власти значительные изменения, что мусульманские богословы сделали многое для приспособления идеологии ислама к условиям социализма.

Отношение современного ислама к вопросам общественного развития

В условиях эксплуататорского строя большинство мусульманского духовенства России защищало несправедливый социальный строй, внушало верующим

идею вечности социального неравенства и невозможности изменить существующие порядки. Служители культа призывали мусульман смириться с невзгодами и готовить себя к вечной загробной жизни. Победа Октябрьской социалистической революции, ликвидация эксплуататорских классов, успехи социалистического строительства и активное участие в этом строительстве подавляющего большинства населения заставили мусульманское духовенство внести коррективы в проповедуемые им социальные принципы ислама, приспособить их к новым социально-экономическим условиям. Теперь даже прошлое ислама в России рассматривается в ином свете.

Обращаясь к истории нашей страны, мусульманское духовенство в самых черных красках изображает царизм, как притеснителя мусульманской религии, подрывавшего ее основы. И все время проводится мысль о том, что руководители мусульманских религиозных организаций якобы стремились вести массы к прогрессу, чуть ли не к революционным преобразованиям общества. И только господство царизма, его вмешательство в дела мусульманских религиозных организаций будто бы не давало возможности практически осуществить эти замыслы. «Мусульманские народы постоянно угнетались царизмом,— читаем мы в журнале Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана.— В таких исламских центрах, как Бухара, Самарканд и Коканд, из религии усиленно устранялись элементы, способствовавшие росту национального самосознания мусульман и их общению с прогрессивными людьми своей эпохи» [1].

В изложении современных мусульманских богословов история выглядит весьма своеобразно. Получается, что именно ислам и его деятели стремились приобщить народные массы национальных окраин царской России к современной культуре, всемерно стремились распространять даже через религиозные школы светские знания. «В царской России,— заявляют богословы,— христианство было господствующей религией. Положение исламской религии, являвшейся верой угнетенных наций и колониальных наро-

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 2, стр. 9.

дов, было очень тяжелым. Царские чиновники и их агенты устанавливали строгий контроль над мусульманскими школами и учебными заведениями, запрещали преподавание в них светских наук. Во всех мечетях было организовано постоянное наблюдение за верующими» [1].

О царизме, пожалуй, здесь сказано все верно. Но ни слова не говорится о том, что мусульманское духовенство верой и правдой служило царскому самодержавию, помогало ему держать в темноте и бесправии народы, проживавшие в районах традиционного распространения ислама. За верную службу и примерное поведение царской администрацией были установлены определенные льготы и привилегии для мусульманского духовенства. Наиболее видные служители ислама награждались царскими орденами, получали дворянские права, а рядовые служители культа довольствовались почетным гражданством. Мусульманское духовенство было освобождено от повинностей и податей.

Небезосновательно рассматривая мечети и мусульманское духовенство как надежную опору эксплуататорского строя, царское правительство оказывало им поддержку и помощь. В ряде мест властью царских сатрапов населению предлагалось под страхом строжайших наказаний соблюдать все предписания ислама. Власти поощряли издание мусульманской религиозной литературы.

Об истинном отношении мусульманского духовенства к царскому самодержавию можно судить по прошению, направленному на имя министра внутренних дел небезызвестного Столыпина 20 июля 1908 г. 12 татарскими имамами от имени всего татарского народа. В этом документе, в частности, говорилось: «Мы, мусульмане — татарский народ, с древних времен составляли общество, которое чистосердечно относилось как к своему великому государю, так и к правительственным лицам. Мы, имамы, совершали молитвы... желали долгого благоденствия как своему великому государю, так и его верноподданному высокому российскому правительству. Как было нам не молиться,

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 2, стр. 9.

когда нам от нашего великого государя дарована во всех отношениях полная свобода...».

Царское самодержавие использовало как важное орудие борьбы против национально-освободительного движения народов окраин не только православную церковь. Серьезным подспорьем в этой борьбе был и ислам. Служители ислама молили бога (и призывали к этому правоверных) о здоровье царя-батюшки и его верноподданного правительства. Режим угнетения и насилия преподносился верующим как установленный аллахом и потому нерушимый.

Духовенство, с одной стороны, утверждало, что царское самодержавие обеспечило достаточно свобод мусульманам и усиленно заботится об их благополучии, а с другой, призывало верующих терпеть тяготы земного существования, рассматривать их как испытание перед райским блаженством, которое откроется перед ним в потустороннем мире.

В наши дни исламские богословы заявляют, будто царское самодержавие не доверяло мусульманам, боялось их и потому в мечетях было организовано постоянное наблюдение за верующими. Но они умалчивают, что такое наблюдение осуществлялось не кем иным, как мусульманскими духовниками, исполнявшими роль платных агентов царской администрации.

Говоря о стремлении мусульманского духовенства к прогрессу, свободе, установлению социального равенства (которому всегда препятствовали эксплуататорские классы), служители культа «забывают» о враждебном отношении к идеям социализма видных мусульманских деятелей, которые до Великой Октябрьской революции его и не скрывали. О нем можно в известной мере судить по тому прошению, которое было направлено ими министру внутренних дел в 1906 г. и имело целью получить разрешение на проведение третьего всероссийского мусульманского съезда. В прошении говорилось: «Мы, мусульмане России, будучи самыми верными Российскому самодержавию и боясь распространения... идей панисламизма и идей, разрушающих жизнь народа, социализма и анархизма, и вследствие противности этих идей основам нашего ислама, решили законным путем бороться с этими вещами. Мы, российские

мусульмане, чисты от всяких новых идей (идей свободы), пришедших из разных других государств. Мы будем служить нашему белому царю и его трону так же верно, как служили ему наши отцы и деды...» [1]

Не менее красноречиво отношение мусульманского духовенства к революционным преобразованиям выражено в отчете о черносотенной демонстрации в Казани по случаю поражения Московского вооруженного восстания 1905 г. В нем говорилось, что «почетный представитель мусульманского населения г. Сайдашев явился перед губернатором выразителем тех чувств, которыми было одушевлено казанское мусульманское духовенство. В краткой трогательной речи он высказал, что его единомышленники и единоверцы непоколебимы в своей преданности законному русскому государю и никакие революционные происки не в состоянии ослабить эту преданность...» [2].

Современное мусульманское духовенство, обращаясь к истории, иногда пытается представить дело так, что, мол, в прошлые эпохи только наиболее консервативная часть мусульманских деятелей выступала против социального прогресса, против идей социализма. В подобной интерпретации история выглядит так, что значительная часть мусульманских богословов, так называемых «новометодников» (джадидов), выступала против застоя в общественных отношениях, чуть не за их преобразование на социалистических началах. «Новометодники» действительно выступали против схоластики, боролись за преподавание светских наук в медресе, за сближение мусульман с европейски образованными людьми. Подобные выступления были продиктованы интересами мусульманской буржуазии. Но во всем этом не было ничего от социализма.

У первых татарских реформаторов ислама, таких как Марджани, Камали, мы встречаем призывы заниматься делами, не находиться долго попусту в мечети. Это были в первую очередь призывы к трудя-

[1] Цит. по кн.: *А. Аршаруни* и *Х. Габидуллин.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России, стр. 27—28.

[2] Цит. по кн.: *А. Калаганов, П. Светлов, Ш. Сайфутдинов.* На пути к атеизму. Казань, 1967, стр. 10—11.

щимся, которым надлежало работать на буржуазию, всемерно способствовать ее обогащению.

Наряду с этим единомышленники и последователи Марджани находили в учении ислама много мест, которые, по их мнению, поощряли развитие промышленности и поддерживали предпринимательскую деятельность.

«Нет религии, которая бы стояла так близко от жизни, как ислам,— писал мусульманский богослов-джадид А. Баязитов в конце XIX века.— ...Социальные законы его совместимы с задачами общежития. Признание Корана за трудом священного значения любопытно сопоставить с современной трудовой теорией экономистов; принцип ислама — предоставление права владения потрудившемуся... равно сильному государственному поощрению промышленности. В этом отношении социальные законы ислама можно назвать демократическими» [1].

Богословы твердили о «благоприятном учении ислама, о совместимости его со всеми разумными гражданскими реформами, признанными потребностью времени...» [2].

Выражая интересы «мусульманской буржуазии», джадиды были далеки от провозглашения идей социального равенства. В их программе нельзя найти ни слова о необходимости бороться против эксплуатации человека человеком.

Джадиды не верили в возможность установления полного равноправия всех членов общества, да и не стремились к нему. «Абсолютная равноправность полов и вообще людей — прекрасная теория,— писал один из идеологов джадидизма,— но принесет ли практическое осуществление ее хорошие результаты — судить трудно. Это проблема будущего. Пока же нам приходится сомневаться...» [3]

«Спасение нации», которое отождествлялось джадидами с укреплением религиозности населения, они видели в сочетании исламского воспитания населения с некоторой пропагандой светских знаний. Эту мысль

---

[1] *А. Баязитов.* Ислам и прогресс. Спб., 1898, стр. 9—10.
[2] Там же, стр. 6.
[3] Там же, стр. 69.

ярко выразил один из руководителей джадидов Средней Азии Бехбуди, вложив в уста героя своей пьесы «Убийца Отца», узбекского интеллигента-националиста, следующие слова: «Нам, мусульманам, следует понять, что мы живем в иных условиях, в новую эпоху, когда единственным средством обогащения и укрепления религии, веры выступают знания и ремесла. Нам нужны двоякого рода ученые («олим»): ученые по религиозно-теологическим вопросам («олим дини») и ученые по светским знаниям. Первого типа ученых мы должны готовить с целью воспитания народа в религиозном духе, в мусульманской этике в Туркестане, Бухаре, а потом для завершения образования направлять их в Мекку, Медину, в Египет, в Стамбул; второго типа ученых можно готовить путем обучения детей богатых в гимназии, в университетах Франции, Америки и Турции...» [1].

Будучи сторонниками реформ в религиозной и общественной жизни, эти мусульманские деятели не могли подняться выше требования буржуазных преобразований.

Высказываясь за создание «новометодных» школ и изучение мусульманами светских наук, джадиды тем в основном и ограничивали свою программу нововведений. В то же время они самым решительным образом выступали против идей социализма, говорили о несовместимости этих идей с исламом. «Для нас, мусульман, вступление в эту партию принесет огромный вред,— писал Бехбуди в 1906 г.— Программа социал-демократов стоит вне шариата» [2].

Так же как и традиционалисты, джадиды своей деятельностью объективно затемняли классовое самосознание трудящихся мусульман. Проповедуя идеи классового сотрудничества всех приверженцев ислама, они отвлекали внимание масс от борьбы против эксплуататоров, от совместного выступления с трудящимися, исповедующими другие религии или являю-

---

[1] Цит. по кн.: *И. Муминов.* Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане в конце XIX и начале XX в. Ташкент, 1955, стр. 73.

[2] Там же, стр. 65.

щимися атеистами, против строя эксплуатации и угнетения.

Мы уже отмечали, что мусульманское духовенство приветствовало ряд первых актов молодого социалистического государства. Нет сомнения в том, что часть служителей культа, особенно рядовых, делала это искренне.

Да и как им было не приветствовать уравнение всех граждан в правах, независимо от национальной и религиозной принадлежности, если в массе своей мусульмане стонали от национального гнета. Как было не принять решения ленинского Совнаркома, в котором мусульманам предлагалось устраивать жизнь так, как они хотят.

Однако далеко не ко всяким актам социалистического государства столь благожелательно отнеслись служители мусульманского культа. Значительная их часть встретила в штыки декреты Советского государства, направленные на национализацию земли, обобществление средств производства. Не по душе пришлось мусульманскому духовенству уравнение в правах женщины с мужчиной и отделение обучения детей и подростков от мечети. Ведь эти акты Советского государства выводили из-под беспрекословного повиновения и беспредельной зависимости от служителей культа огромные слои населения, причем те слои, от поведения которых в решающей степени зависели будущее мечети и доходы служителей культа.

Верхушка мусульманского духовенства приложила немало усилий для сокрушения Советской власти — от проклятий по адресу правительства и государственных органов до организации контрреволюционных мусульманских полков и батальонов в помощь злейшим врагам советского народа — Колчаку и Деникину, от распространения злобных слухов о колхозах и травли борцов за ликвидацию неграмотности населения до участия в басмаческих бандах, зверски вырезавших целые селения, ставшие на сторону Советской власти.

В наше время мусульманские служители культа предпочитают или совершенно обходить молчанием эти подлинные факты, или вопреки истории представлять дело таким образом, будто мусульманское духо-

венство сразу и безоговорочно приветствовало Советскую власть и все преобразования, которые она с собой несла.

В специальном послании Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, направленном во все мечети по случаю 50-летия Советской власти, говорится: «Трудно переоценить колоссальное значение Великой Октябрьской социалистической революции в деле всестороннего развития народов среднеазиатских республик и Казахстана, которые в течение нескольких десятилетий достигли такого уровня экономического и культурного развития, что за короткий срок обогнали многие развитые государства Западной Европы». Далее в послании выражается глубокая признательность всех мусульман за все, что сделала Советская власть для них, и высказывается уверенность, что мусульмане увеличат свой вклад в общенародное дело строительства нового общества.

Обращаясь к фактам истории, мусульманские богословы стараются обходить стороной и вопросы, связанные с позицией, которую занимали мусульманские организации по отношению к Советской власти, когда закладывался фундамент социализма, когда в Средней Азии осуществлялась земельно-водная реформа, создавались колхозы, когда женщины сбрасывали ненавистные ритуальные покрывала. Такой подход духовенства на фоне многочисленных высказываний о тождественности социальных принципов ислама и социализма, о наличии в Коране «большого количества стихов, гармонирующих с учением коммунизма», объективно служит обелению и приукрашиванию деятельности мусульманских религиозных организаций в дореволюционный период и в первые годы Советской власти.

Большое место в исламе занимают вопросы соотношения земной жизни и жизни загробной. В разные периоды истории эти вопросы мусульманскими деятелями толковались по-разному. Через все толкования красной нитью проходила мысль о временном характере земной жизни и вечности загробной. Земная жизнь рассматривалась лишь как подготовительный этап к «вечной жизни».

Однако это вовсе не значит, что ислам совершенно игнорирует земную жизнь. Не совсем точными являются утверждения многих авторов, будто ислам призывает людей к бездеятельности, что учение ислама о предопределении ориентирует человека на полнейшую пассивность.

Уже ранний ислам призывал своих приверженцев к активной борьбе на земле для обеспечения мусульманской религии господствующего положения, для ее широкого распространения. О земной ориентации ислама свидетельствует и то, как подробно регламентируется в Коране не только религиозная, но и «мирская» жизнь верующих. Мусульманину вменяется в обязанность жениться и иметь семью, ему даются предписания, как вести себя с женой и детьми, какими должны быть отношения собственности, как следует относиться к властям и т. д.

Разумеется, всемерно регламентируя земную жизнь правоверного, ислам на каждом шагу подчеркивает, что человек всегда должен помнить о преходящем характере жизни земной и о вечности загробного существования. В Коране сказано: «Кто стремится к посеву для будущей жизни, тому мы увеличим его посев, а кто желает посева для ближней,— мы дадим ему его, но нет ему в последней никакого удела!» (42, 19). В другом месте можно прочитать: «Кто желает жизни близкой и ее украшений, тому... нет в будущей жизни ничего, кроме огня, и тщетно то, что они совершили здесь, и пусто то, что они творили» (11, 18, 19).

Таким образом, именем бога человеку внушается мысль, чтобы он не увлекался благами земной жизни.

Из сочетания учения о земном существовании как о подготовке к достижению райского блаженства с принципом абсолютного совершенства всего созданного аллахом мусульманские богословы делали вывод о неизменности общественных структур и даже греховности всяких попыток изменить существующие общественные отношения. На протяжении многих веков мусульманские богословы объясняли общественную жизнь, исходя из принципа законченности божественного творения. Общественный строй считался установленным самим аллахом, и никакие изменения

в нем не допускались, ибо «все существующее произошло по его могуществу, желанию и творению» [1].

Многие мусульманские деятели и в наши дни продолжают стоять на этих позициях — так сильны традиционные взгляды и представления.

Было бы, однако, неверно утверждать, что традиционная мусульманская религиозная философия совершенно не рассматривает вопросы, связанные с будущим человека и человечества. Но рассматривает она их, связывая будущее человечества не с активной и сознательной преобразующей деятельностью людей, а только с потусторонним миром.

Если судьбы завтрашнего дня, непрерывно развивающегося мира, по Марксу, рождаются в результате творческого труда человека, путь которому освещает научная теория общественного развития, то, в соответствии с идеологией ислама, судьбы завтрашнего дня созданного аллахом неизменного мира завершаются в царстве всевышнего. Исторический процесс якобы давным-давно предопределен всевышним. Конечной его целью являются страшный суд и милость аллаха. К этой цели движутся каждый отдельный индивид и все общество в целом.

А допускает ли исламское вероучение какое-либо социальное развитие, совершенствование общественных структур, движение к какому-то социальному идеалу в рамках земного существования людей? Ни Коран, ни Сунна не дают такого идеала. Единственный идеал, который рисовали перед верующими мусульманские богословы,— это социальные порядки времен основателя учения ислама пророка Мухаммеда. К ним не раз призывали правоверных мусульманские деятели.

Раздаются подчас такие призывы и в наше время. Мусульманские деятели некоторых развивающихся стран, ищущих пути дальнейшего развития, предлагают установить в своих странах такой строй общественной жизни, который существовал в раннеисламской общине Мухаммеда. В этой общине они видят панацею от всех бед, принесенных миру империализмом, колониализмом, угнетением народов. Но исто-

[1] *Г. Баруди.* Основы ислама. Казань, 1906, стр. 8.

рию нельзя повернуть вспять. Между периодом зарождения ислама и нашим временем прошло почти 14 веков. Жизнь ушла далеко вперед. И это понимают многие мусульманские деятели как в нашей стране, так и за рубежом, довольно определенно высказываясь на сей счет. Они отмечают, что такой подход к истории наносит вред сегодняшним делам самих же мусульман. Доктор Рашид Ахмад Джуллундхри в книге «Абу ал-Касим ал-Кушаири» отмечает: «Улемы считают первые правительства исламского государства своим идеалом и детально обсуждают его характер. Они считают Омейядов и Аббассидов законными правителями и наделяют их божественными правами королей. Такое слепое преклонение перед королями и полное нежелание касаться проблем конституционного правительства принесли мусульманскому обществу только катастрофу» [1].

Доктор Джуллундхри далее подчеркивает, что «любая попытка мусульман произвести критический анализ политической системы ислама и в наши дни встречает противодействие улемов» [2].

Для доктора Джуллундхри, как и для многих других мусульманских деятелей наших дней, нет сомнений в том, что нужно критически пересмотреть многие стороны исламской системы, приспособить их к новому времени. «Мусульмане сейчас просыпаются после длительной спячки, и исчезают старые традиции и обряды. Нынешняя социальная и религиозная система мусульманского мира является продуктом многовековой коррупции, поэтому она не смогла дать обществу здоровую идеологию. Мусульмане должны критически пересмотреть свое культурное и религиозное наследство, глубоко изучая при этом Коран» [3],— пишет он.

Развитие событий общественной жизни в будущем, по утверждению мусульманских богословов, лежит за пределами человеческого познания. Человек не только не может предвидеть будущего, он не может знать и не знает даже своих потребностей, а в силу этого не способен создать такую общественную

[1] "The Islamic Review", 1969, № 11-12, p. 39.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

систему, которая могла бы удовлетворить его природу. Все его попытки бесперспективны. «Все системы, созданные людьми, как индивидуально, так и коллективно, не могут удовлетворить потребностей человека,— читаем мы в исламском журнале «Vaqeen international».— Человек от природы слаб, и он не может создать совершенной системы, ибо он не знает ни своей слабости, ни своих настоящих потребностей».

Главная цель человека на земле, в соответствии с этой концепцией,— терпеливо ждать и готовиться к тому неизбежному часу, когда аллах призовет его к себе. Чтобы заслужить райское блаженство, он должен молиться, исполнять все предписания ислама, обряды, на деле доказывая свою веру.

Подобные поучения вполне отвечают интересам господствующих классов, стремящихся сохранить систему эксплуатации навечно. В. И. Ленин отмечал: «Того, кто всю жизнь работает и нуждается, религия учит смирению и терпению в земной жизни, утешая надеждой на небесную награду» [1].

Можно было бы к этому добавить, что ислам не только утешал угнетенных надеждами на награды в потустороннем мире, он заготовил для них массу тягчайших наказаний, которыми угрожал тем, кто не смирится со своим положением, а попытается собственными силами переделывать мир. Мусульманское право в числе самых опасных преступлений «против бога и общества» называет преступления против правителей и хищение частной собственности. За эти преступления предусмотрены самые строжайшие меры наказания, вплоть до смертной казни через повешение, четвертование, закапывание заживо. К совершившим эти особо опасные преступления помилование не применяется [2].

Ссылаясь на Коран, духовенство отвергало как богомерзкую даже мысль о возможности социальных перемен. Особенно опасным признавалось стремление к изменению существующего строя путем народных выступлений. Главный ахунд Петербургской мечети

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 142.

[2] См. об этом более подробно в кн.: *М. И. Садагдар.* Основы мусульманского права. М., 1968, гл. IV — «Уголовное право ислама».

имам Атаулла Баязитов по этому поводу писал в свое время: «Самым дурным качеством считается возбуждение среди народа всякого рода смут (эль-фетня). Зачинщиков подобных волнений народных Магомет проклинал, а в Аль-Коране это считается даже тяжелее убийства. Самым грозным, самым тяжким грехом считается возбуждение восстания против власти, даже в случае, если бы сама власть притесняла народ и тем самым подавала повод к подобным восстаниям» [1].

И далее, разъясняя, почему так решительно ислам выступает против народных выступлений, он пишет: «Это объясняется тем, что последствия восстания гораздо хуже и тяжелее зла, причиняемого притеснениями власти» [2].

Наряду с требованиями смириться с существующими порядками мусульманские идеологи прошлого проповедовали идеи о богоустановленном характере власти царей, эмиров, ханов и султанов и призывали правоверных неустанно молиться за благополучие династии Романовых, просить аллаха о продлении дней жизни местных властителей. В нашей литературе приведены многие верноподданнические документы мусульманских деятелей Поволжья, Средней Азии и Северного Кавказа, в которых достаточно определенно раскрываются позиции служителей ислама, зарекомендовавших себя верными прислужниками царизма [3].

Не в меньшей степени, чем русского царя, мусульманские деятели именовали посланцами всевышнего «своих», «мусульманских», властителей и внушали правоверным, что необходимо всегда молить бога об их многолетии, здоровье и процветании.

Всякая мысль о революционном преобразовании общественных отношений объявлялась мусульманскими идеологами кощунственной, а «сеятели смуты» — богоотступниками, заслуживающими всяческих нака-

---

[1] *А. Баязитов.* Отношения ислама к науке и к иноверцам. Спб., 1887, стр. 47.

[2] Там же.

[3] См. об этом подробно: *В. В. Бартольд.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 176 и последующие; *Л. Климович.* Ислам в царской России. М., 1936, гл. II; *А. Аршаруни* и *Х. Габидуллин.* Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

заний в этом мире, обреченными на адские муки в мире загробном.

В наши дни взгляды служителей мусульманского культа существенно отличаются от взглядов их предшественников. Ханы и эмиры, султаны и беки объявляются «невежественными эксплуататорами, попиравшими принципы ислама», а народные выступления против эксплуататорского строя — вполне законными, вытекающими из учения Корана и Сунны. На смену утверждениям о том, что общественный уклад есть нечто завершенное, ибо он преподан «свыше», пришли представления, что социальные отношения в обществе не стоят на месте, а меняются под влиянием изменений, происходящих в жизни, и что динамизм в общественных отношениях не только не противоречит учению ислама, но и вытекает из него. При этом современные мусульманские деятели подчеркивают, что наряду с постепенными эволюционными изменениями социальных структур вполне правомерными являются и радикальные, революционные их изменения. Требования Корана подчиняться существующей власти, говорят они, вовсе не исключают возможности выступить против нее, если она является тиранической и несправедливой.

В докладе на Ташкентской конференции мусульман Советского Союза «За единство мусульман в борьбе за мир, против империалистической агрессии» в октябре 1970 г. имам-хатыб Московской соборной мечети Ахмедзян Мустафин прямо говорил о том, что «ислам представляет народу право на революцию» [1].

Хотя многие рядовые мусульманские служители культа в своей повседневной проповеднической деятельности и не поднимаются до обобщений такого порядка, однако их трактовка вопроса об отношении к конкретным историческим событиям, в частности к борьбе эксплуатируемых против эксплуататоров на территории дореволюционной России, к Великой Октябрьской социалистической революции, дает основание судить об определенной и весьма существенной эволюции во взглядах на целый ряд проблем общественного развития.

---

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 3-4, стр. 33.

Для примера можно взять проповедь имама-хатыба Казанской соборной мечети Рахматуллина, произнесенную 5 ноября 1965 г. Он говорил: «Прихожане! Если аллаху будет угодно, послезавтра, 7 ноября, будет праздник Великой Октябрьской социалистической революции. В этот день празднуется революция, давшая всему пролетариату свободу, направившая угнетенные народы всего мира к освобождению, сделавшая людей разных наций равноправными гражданами и передавшая управление государством в руки народов, свалив господство буржуазии России!»

Далее имам объяснял, почему мусульмане России радостно встречают этот праздник. Он отметил, что для этого есть большие основания, ибо Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила многое из того, что предначертано в Коране: земля отдана тем, кто обрабатывает ее своим трудом; уравнены в правах все нации, мужчины и женщины; во всех сферах жизни восторжествовали свобода, дружба, справедливость; каждому народу дана свобода вероисповедания; на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах каждому обеспечивается достойная работа; заработки трудящегося человека хороши, сам он в почете; созданы самые благоприятные условия для выполнения призыва пророка: «Стремление к знаниям — обязанность каждого мусульманина — мужчины и женщины»; повсеместно введено всеобщее обязательное бесплатное образование.

В изложении некоторых мусульманских служителей культа сам аллах, заботясь о судьбах народов, об общественном прогрессе, решил облагодетельствовать человечество и «подарил» миру К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, которым суждено было возглавить трудящихся в борьбе против всех форм угнетения и несправедливости. Именно благодаря их усилиям сначала в Советском Союзе, а потом в целом ряде стран якобы восторжествовали идеи Корана о справедливости, равенстве, дружбе и гуманизме.

«Угнетенные и эксплуатируемые искали выхода из своего тяжелого положения,— говорил в проповеди 7 ноября 1969 г. имам-хатыб Ленинградской соборной мечети Ф. Саттаров.— Однако, кроме учения Корана, никто не мог указать путь к достижению этой

цели. Никто не мог сказать, как можно вырвать власть из рук буржуазии и помещиков, как ликвидировать частную собственность на землю и другие средства производства. Были люди, прекрасно знавшие Коран и пытавшиеся говорить народу правду. Однако имущие, использовавшие религию в своих интересах, губили таких людей.

Аллах не торопился, но дело свое делал. Первыми, кто в истории человечества ответил на поставленные вопросы, были К. Маркс и Ф. Энгельс... Таким образом, впервые в истории теоретически был разработан вопрос о том, как построить социализм и достичь коммунизма. Дело оставалось за практикой... И всемогущий аллах подготовил полководца, подобного К. Марксу и Ф. Энгельсу. Дело было передано в руки нашего великого полководца В. И. Ленина».

Как видим, отталкиваясь от коранического тезиса о том, что все в мире происходит только по воле бога, современный мусульманский проповедник пытается втиснуть в религиозную схему сложнейшие вопросы революционного преобразования общества. Оказывается, сам бог избрал великих атеистов для руководства действиями масс по осуществлению его предначертаний о замене строя угнетения и эксплуатации новым общественным строем. Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить.

От положительного отношения к революционным процессам, протекающим в отдельных странах под воздействием событий, происходящих в мире, богословы пытаются подниматься до обобщающих выводов, разрабатывая своеобразную «философию революции». В выступлениях мусульманских религиозных деятелей все чаще звучит мысль о богоугодности социальных революций и их огромном значении для ускорения темпов общественного развития.

«Социальные революции, происходящие в разных странах, несут за собой новые формы управления, что безусловно в интересах нации, и это считается одним из основных принципов в исламе,— говорил в уже цитированном докладе на Ташкентской конференции мусульман СССР имам-хатыб Московской соборной мечети Ахмедзян Мустафин.— История не раз подтверждала правильность этого исламского принципа

и огромное значение социальных революций для прогрессивного развития человечества. Это можно видеть на примере Великой Октябрьской социалистической революции, на примере революций в Египте, в Йемене, Ливии и во многих других странах» [1].

Смена одних общественно-экономических формаций другими, по мнению некоторых богословов, есть процесс закономерный, проистекающий по воле самого аллаха, который выступает против эксплуатации и несправедливости. «Без всякого колебания и со всей категоричностью можно утверждать, что капиталистический строй, основанный на несправедливости и эксплуатации, не минует падения и его заменит социалистический строй, основанный на справедливых законах,— говорил на Ташкентской конференции мусульман в октябре 1970 г. ахунд Хачмасской мечети Азербайджанской ССР М. М. Агаев.— Законы божьи неумолимы, и справедливость восторжествует на земле!»

Признавая неизбежность социальных изменений, современные служители ислама выступают против тех реакционных сил, которые хотят остановить прогрессивное развитие общества. «Вознося свои благодарственные молитвы аллаху, мы просим его ниспослать свое божье благословение всем патриотам, ведущим с оружием в руках борьбу за самое священное в жизни — свою свободу, которую Коран провозгласил вечным и неотъемлемым правом каждого человека,— заявил в одной из своих проповедей бывший имам-хатыб Ленинградской мечети А. Исаев.— В то же время мы просим аллаха, да ниспошлет он свою божью кару и вечное проклятье всем темным силам, пытающимся остановить колесо истории!»

Идея богоустановленности социализма находит все большее распространение в проповеднической деятельности мусульманского духовенства. Эта проповедь есть своеобразное осмысление и отражение богословами исторической реальности, свидетельство того, что мусульмане в СССР восприняли идеи социализма как свои собственные идеи и участвуют в их практическом осуществлении. В сознании многих из

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 3-4, стр. 33.

них социалистическое строительство ассоциируется с осуществлением идеалов ислама, которые предстают перед ними как самые светлые идеалы трудящегося человека.

Попытки некоторых мусульманских богословов дать религиозное толкование и оправдание социалистической революции хотя и свидетельствуют о пересмотре ими прежних взглядов о невозможности силами простых смертных изменить общественные порядки, установленные свыше, однако сводятся опять же к утверждению, что только по воле божьей люди могут изменить социальный строй. Таким образом, естественные причины социальных преобразований подменяются сверхъестественными, что мешает верующим разобраться в механизме социальных преобразований.

Провозгласив «богоугодность» социалистической революции, мусульманские богословы не могли не признать основных социально-экономических преобразований, которые осуществляются в ходе этой революции, как соответствующих учению Корана. Важнейшим из этих преобразований является обобществление средств производства. Как ни трудно было мусульманскому духовенству признать соответствие этого акта учению ислама, однако поставленное перед фактом экспроприации крупной земельной собственности в пользу трудящихся, оно вынуждено было это сделать еще в конце двадцатых годов. «По мазхабу хазрета имам аль-А'зама,— указывалось в фетве, изданной крупным духовенством Средней Азии в 1927 г.,— незаконно и предосудительно получать урожай с земли и пользоваться ею, не занимаясь сельским хозяйством лично, а сдавая землю для посева другому лицу... Правительство вправе отобрать излишки земли у крупных землевладельцев и раздать их крестьянам, которые нуждаются в земле и в состоянии обрабатывать ее собственными силами» [1].

Нелегко пришло духовенство к подобным утверждениям. Ведь многие представители мусульманского духовенства незадолго до того сами были крупными

[1] Цит. по кн.: «Вопросы научного атеизма», вып. 2 — «Модернизация религии в современных условиях». М., 1966, стр. 79.

собственниками земли, да и мечети располагали значительными земельными угодьями.

Для мусульманских служителей культа наших дней, в основном выросших в условиях социализма, «богоугодность» обобществления средств производства не вызывает никаких сомнений.

В изложении современных богословов получается, что именно ислам впервые выступил за обобществление средств производства. Они заявляют, что в свое время сам пророк Мухаммед указывал на общественный характер земли, воды и огня. Из этой посылки делается вывод о том, что в наше время под этими тремя элементами следует понимать землю со всеми ее богатствами, находящимися как на поверхности, так и в недрах, а также электростанции, современные предприятия тяжелой и химической промышленности и т. д., которые символически выражены в словах пророка, как огонь и вода. Таким образом «доказывается» предусмотренность в исламе национализации средств производства.

Нетрудно видеть, насколько искусственный характер носят попытки связать учение Мухаммеда с социально-экономическими преобразованиями нашей эпохи. Изречения пророка о земле, воде, огне и пастбищах в прошлом вовсе не толковались мусульманскими проповедниками как указания на возможность и необходимость национализации средств производства. При эксплуататорском строе духовенство строго стояло на страже частной собственности на средства производства. Новые же толкования обусловлены не мусульманским вероучением, а теми процессами, которые происходят в обществе.

Приведем еще один пример богословского истолкования происходящих в наше время процессов. Стремясь доказать, что идея коллективного ведения хозяйства уходит своими истоками в ислам, некоторые мусульманские служители культа Туркменистана используют легенды о древнетуркменских духах — покровителях земледелия, связанных с мифами о более древних явлениях первобытнообщинного хозяйства. В туркменской мифологии с древнейших времен жил образ Баба дайхана — духа — покровителя земледельческого труда. Во многих селах крестьяне засе-

вали в честь его особое поле. На нем сообща выращивались пшеница или ячмень, которые становились собственностью туркменской сельской общины. Часть урожая раздавалась вдовам и сиротам, другая часть продавалась, и на вырученные деньги устраивалась общая ритуальная трапеза. Впоследствии этот обычай был заимствован исламом, и совместная трапеза превратилась в составную часть религиозного обряда с молитвами и другими мусульманскими ритуалами — «худай елы». И хотя данный обычай является пережитком первобытнообщинного, т. е. доисламского, хозяйства, некоторые служители культа, именуя его мусульманским, ссылаются на него, пытаясь представить дело таким образом, будто нынешние колхозы есть не что иное, как продолжение «доброй старой мусульманской традиции».

Мусульманские богословы и принципы справедливости, равноправия и братства пытаются представить как впервые получившие развитие в исламе. Об этом говорится в многочисленных проповедях с мимбаров мечетей, в специальных исследованиях богословов. Обосновываются подобные утверждения прежде всего ссылкой на то, что в Коране сказано, будто аллах создал всех людей из одной души (4, 1), т. е. от одних родителей. А между родными не должно быть никакого неравенства, никакой дискриминации. Все они равны между собой и связаны узами братства.

Ислам всегда стремился установить социальную справедливость, заявляют современные богословы. Однако, учитывая, что у разных людей различные возможности, нельзя отрицать, что один может быть богатым, другой — бедным. Но богатые должны делить свое богатство с бедными в форме закята, т. е. узаконенной милостыни. Закят рассматривается в исламе не как подачка бедным, а как узаконенное справедливое распределение среди бедных денег, которые богатые отдали в казну.

Ахунд мечети Казахлар в Кировабаде (Азербайджанская ССР), доказывая якобы существующее родство между идеями коммунизма и исламской идеологией, в проповеди, произнесенной 27 сентября 1966 г., говорил: «Коран гласит, что все люди равны перед богом и что все собранные людьми богатства должны

быть потрачены на благо человека». Далее он продолжал: «Через своих пророков аллах руководит поведением, воспитанием людей, призывая их к миру, справедливости, братству, добру, правде и смирению».

Любому непредубежденному человеку должно быть видно, насколько отличается равенство в понимании мусульманского духовенства от коммунистического равенства. При всем желании эти два понимания равенства людей несопоставимы.

Мусульманские богословы в нашей стране и за рубежом пытаются утверждать, будто уравнивают людей и мусульманские обряды. Прежде всего это якобы имеет место во время уразы. Ведь одинаково постятся богатый и бедный, белый и черный, мужчина и женщина. Кроме того, во время поста богатые должны отдавать бедным часть своих богатств в виде пожертвований.

Во время тараух-намазов, праздничных и пятничных богослужений, люди разного достатка, разных национальностей стоят в одном ряду, читают одни молитвы, делают одинаковые поклоны, возносят свои мысли и взоры к единому богу — аллаху. Хаджж (паломничество к «святым» местам) также способствует будто бы уравниванию всех правоверных, ибо все паломники должны быть одеты одинаково, будь то простой рабочий или какое-либо влиятельное лицо. В хаджже стираются классовые и расовые различия между людьми. Все они предстают как «рабы аллаха».

В действительности же мусульманское равенство — это иллюзия для приверженцев ислама.

«...Равенство есть пустая фраза,— писал В. И. Ленин,— если под равенством не понимать уничтожения классов» [1]. Что бы ни твердили богословы о равенстве и справедливости, привнесенных исламом в человеческое общество, это в лучшем случае было лишь равенство людей перед богом или формальное равенство людей перед законом. Ни о каком социальном равенстве людей не могло быть речи. Несправедливость же деления общества на богатых и бедных, эксплуатато-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 353.

ров и эксплуатируемых, имущих и неимущих никогда не ставилась исламом под сомнение, оно закреплялось и увековечивалось.

Сегодняшние высказывания мусульманских служителей культа о том, что ислам выступает против эксплуатации человека человеком, против социального неравенства, за обеспечение полного равенства всех людей в обществе не согласуются с учением Корана. Ведь Коран утверждает, что социальное неравенство установлено самим аллахом и, следовательно, будет существовать всегда (2, 254; 12, 76; 20, 131; 43, 31; 16, 73). Коран обязывает мусульманина давать подаяние из своего имущества, «несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов...» (2, 172). Следовательно, «священная» книга мусульман исходит из того, что бедные, нищие и рабы были и будут всегда. Иначе у мусульманина не было бы возможности выполнить предписанное самим аллахом.

Приведенные и многие другие места из Корана прямо и недвусмысленно оправдывают классовое неравенство и нищету и доводят до сведения всех людей, что так будет вечно. Именно так всегда и понимали их мусульманские богословы и духовенство.

В соответствии с преданием милостыня вводит правоверного в рай. Именно поэтому одна из первейших обязанностей мусульманина — подавать милостыню бедным. Об этом не раз говорится в Коране. Но еще лучше давать в долг, поясняют богословы. Милостыня, в соответствии с преданием, равняется десяти добрым делам, а дача в долг — гораздо большему числу добрых дел. Один из мусульманских богословов пишет: «...бог в Коране обещал воздать за одно благодеяние десятью, за одолжение же обещал неограниченное множество вознаграждений» [1].

Заметим, что мусульманские богословы заявляют о необходимости давать милостыню «лишь из части богатства». Красной нитью через их высказывания проходит забота о собственниках. Они подчеркивают, что «лучшая милостыня богатого есть та, после кото-

[1] *А. Баязитов.* Отношения ислама к науке и к иноверцам, стр. 55.

рой еще достаточно остается для содержания своего семейства».

Мусульманское вероучение предполагает, что социальное неравенство будет сохраняться и в загробном мире. По преданию, пророку Мухаммеду приписываются слова: «У справедливых будут в раю дворцы из света. Они будут там со своими людьми и с теми, кто был под их рукой» [1].

Как бы ни утверждалось, что неимущим легче будет попасть в рай, чем имущим, однако исламское вероучение оставляет богатым надежду не только на райские блаженства, но и на возможность и там продолжать управлять бедняками.

По мысли мусульманских богословов, социалистическое общество есть такое общество, которое осуществляет многое из того, к чему стремился пророк Мухаммед. Если же ему и не удалось этого осуществить, то повинна тут неразвитость экономических условий того времени. В новых же условиях стало возможным осуществить идеалы ислама. «Я радуюсь и преклоняюсь перед гением пророка, предвидевшего социальные принципы социализма,— говорил на Ташкентской конференции мусульман в октябре 1970 г. ахунд Хачмасской мечети Азербайджанской ССР М. М. Агаев.— Я радуюсь и тому, что многие социалистические порядки являются претворением в жизнь мечты пророка Мухаммеда».

В то же время мусульманские деятели не могут не признать, что народы нашей страны и других социалистических стран, идя на штурм эксплуататорского строя, борясь за построение нового общества, руководствовались далеко не исламскими идеалами. У них была иная путеводная звезда, иное учение, служившее надежным компасом на великом пути социального преобразования общества. Таким учением является научный коммунизм. Отражая этот неоспоримый факт, мусульманские богословы заявляют о «совпадении» многих моментов двух учений. «Преподобный пророк показал пути осуществления идеалов ислама,— говорилось в выступлении ахунда

[1] «Сиасет-Намэ». Книга о правлении визира XI столетия Низам Ал-Мулька. М.—Л., 1949, стр. 62.

Хачмасской мечети М. М. Агаева,— но это осуществление совершилось с помощью других идеалов. И теперь в нашей стране весь народ живет свободно и зажиточно, перспективной жизнью, о чем мечтал премудрый пророк Мухаммед».

Сообразуясь со взглядами и настроениями верующих, современное духовенство старается подчеркнуть мысль о том, что земную жизнь нельзя противопоставлять загробной жизни, что все блага земной жизни даются человеку, чтобы он наслаждался ими, не забывая, естественно, бога, который посылает эти блага людям.

Служители мусульманского культа призывают верующих активно участвовать в выполнении хозяйственных планов социалистического государства, благоустраивать города и села, стремиться к улучшению земной жизни. Они возносят свои молитвы к аллаху и просят помочь его в строительстве на земле общества справедливости и всеобщего благоденствия.

«Для нашего правительства нет ничего дороже человека,— говорил в проповеди 16 апреля 1970 г. Казы Камал Баширов.— Поэтому оно все достояние страны ставит на службу человеку, все наземные и подземные богатства нашей земли используются для благосостояния нашего народа. Наше государство стремится создать для нас с вами — для всего советского народа — рай на земле». Этот служитель культа не сомневается в возможности создания «рая на земле». Он предлагает правоверным «всеми силами оказывать помощь государству в этом благородном деле, неизменно памятуя, что это является самой святой обязанностью верующего человека».

Некоторые зарубежные мусульманские богословы также порой спускают рай с неба на землю, правда, кое-кто из них с опаской подходит к «коммунистической терминологии» и прибегает к разговорам о великой исламской «миссии по созданию царства божьего на земле» [1].

Стремясь убедить верующих в том, что поддержка мусульманским духовенством идей социализма обус-

[1] *Inamulla Khan.* Islam in the Contemporary World. Karachi, p. 35.

ловлена исламским вероучением, богословы используют и учение о «священной» войне (джихад), толкуя его, разумеется, с учетом изменившихся условий.

Ортодоксальные толкователи ислама призывали верующих вести «священную» борьбу против иноверцев за полное торжество своей религии на земле, жертвовать во имя этого всем, не жалея собственной жизни. Теперь этому учению придается иной смысл. «Наша исламская вера,— говорилось в одной из проповедей, произнесенных недавно в Московской соборной мечети,— обязывает нас вести священный джихад, чтобы добиться такой социальной жизни, в которой царят любовь, братство и счастье для всех людей, жизни в условиях мира и спокойствия во всем мире».

Понимая, что высшими интересами для подавляющего большинства советских людей, в том числе и для верующих, являются интересы строительства коммунизма, служители культа хотят найти место религии в общенародной борьбе за построение нового общества.

Мусульманские богословы стремятся представить ислам не только учением, открывающим возможности для социальных преобразований, но и своеобразным стимулятором этих преобразований. «Для ислама, как и для других религий, характерно не только восприятие и видение мира таким, каков он есть сегодня,— говорил на Ташкентской конференции мусульман имам-хатыб Чистопольской мечети (Татарская АССР) Н. Мофлюханов,— но и участие своей молитвой и трудом в том, чтобы совершенствовать этот мир, поддерживать усилия тех, кто стремится к этому совершенствованию мира, радоваться и благословлять успехи человечества в моральном и духовном совершенствовании личности, участвовать в прогрессе жизни народов, в упрочении мира и обуздании сил насилия и войны».

Сопоставление взглядов мусульманских теологов прошлого и современных богословов по вопросам социального развития убедительно показывает, что суждения последних отнюдь не вытекают из исламского вероучения, а являются религиозной интерпретацией

получивших распространение нерелигиозных представлений.

Уже отмечалось, что многие мусульманские деятели Советского Союза склонны считать, будто сам бог предопределил, чтобы в борьбе за осуществление идеалов ислама в деле строительства «общества справедливости, равенства и милосердия» верующие шли за неверующими руководителями. При такой постановке вопроса легко решаются и многие другие проблемы, которые подчас сложно решить в рамках коранических положений. В качестве примера можно взять, например, вопрос о взаимоотношениях мусульман с «неверными». Как известно, ортодоксальный ислам освящает вражду между мусульманами и «неверными». Вероучение ислама пронизано идеей мусульманской исключительности. В Коране то и дело говорится о превосходстве ислама над другими религиями, о страшных карах, которые ждут «неверных» и иноверцев. Через всю «священную» книгу проходит мысль о том, что мусульмане ближе всех к аллаху, что только они наделены добром и разумом и только им обеспечено место в раю. Принимая во внимание все эти поучения, правоверные толкователи Корана исходят из деления всех людей на последователей ислама и тех, кто не следует его учению. На это в свое время обратил внимание К. Маркс. «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство,— писал К. Маркс,— сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это «харби», враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными» [1].

Коран призывает мусульман вести непримиримую борьбу с «неверными». Он осуждает атеистов, угрожает вероотступникам адскими муками. Обращаясь к мусульманам, аллах заявляет: «А если кто из вас отпадет от вашей религии и умрет неверным, у таких — тщетны их деяния в ближайшей и будущей жизни! Эти — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!» (2, 214).

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 10, стр. 167.

Однако в наши дни в выступлениях мусульманского духовенства звучат иные ноты. Служители мусульманского культа нередко призывают к сотрудничеству верующих и неверующих в строительстве нового общества, в борьбе за мир. Они даже утверждают, что в самом Коране и хадисах заложены идеи такого сотрудничества. Они рассуждают следующим образом: если самим аллахом предопределено, чтобы правоверные шли по пути, указанному великими атеистами Марксом, Энгельсом, Лениным в борьбе за строительство процветающего общества, следовательно, не может быть речи о вражде между верующими и неверующими. Ведь в конечном итоге это путь, предначертанный аллахом.

«...Советские руководители, не верующие ни в бога, ни в пророков,— говорил в одном из своих выступлений бывший заместитель председателя Духовного управления мусульман Закавказья муфтий Ахмед Абибулла Бозгозиев,—...проводят в жизнь законы, соответствующие и велению бога, и указаниям пророков». Не удивительно поэтому, что многие богословы не только зовут мусульман к всемерной поддержке неверующих в их борьбе за построение коммунизма, но и считают возможным молиться за их успехи, просить аллаха вознаградить их земные труды раем.

В этой связи никак нельзя согласиться с утверждением, что «в современной религиозной пропаганде, ведущейся с учетом изменившегося мировоззрения верующих, духовенство избегает всякого упоминания об отношении ислама к неверующим» [1].

В том-то и дело, что, пересматривая многие стороны религиозной идеологии с учетом изменившихся условий, происшедших в результате социально-экономических и культурных изменений, принесенных социализмом, находясь в стране с подавляющим большинством неверующего населения, мусульманское духовенство никак не может не касаться вопроса об отношении ислама к неверующим.

---

[1] *С. Курбонов.* Современный ислам и молодежь. В сб. «Молодежь и атеизм». М., 1971, стр. 97.

Выступая за сотрудничество верующих и неверующих в строительстве нового общества, марксисты исходят из того, что главным в данном случае являются не различия между трудящимися в вопросах веры, а объективное единство их коренных интересов. Поэтому существует реальная возможность единства действий трудящихся независимо от их вероисповедных различий во имя достижения их общих целей. Такое единство приумножает их силы, ускоряет достижение общих целей, что в свою очередь способствует прогрессивному развитию всего общества.

Есть здесь и еще один момент, который не следует упускать из виду. Известно, что, участвуя вместе с неверующими в борьбе за строительство нового общества, преобразуя природу и общественные отношения, верующие преобразуют и собственную природу, постепенно осознают свое истинное назначение, отказываются от ложных представлений и переходят на позиции атеизма.

А чем же руководствуются служители ислама, выступая за единство верующих и неверующих? Неужели они не понимают плачевных для религии последствий такого сотрудничества? Конечно, религиозные деятели хорошо понимают, какие последствия для них имеет участие верующих в общем труде советского народа, строящего коммунизм. И тем не менее они призывают своих пасомых не только не отказываться от такого рода деятельности, но и проявлять активность. Объясняется это многими причинами, и не в последнюю очередь тем, что верующие, не ожидая благословения своих пастырей, давно включились в борьбу за коммунизм.

Желая нейтрализовать объективное влияние участия верующих в строительстве нового общества на «демусульманизацию», служители культа усиленно убеждают своих приверженцев в том, что идеи коммунизма вытекают из ислама, что, борясь за строительство коммунистического общества, люди выполняют волю аллаха. Участие в строительстве коммунизма есть деятельное служение богу, заявляют они.

Как видим, проповеди духовенства о богоугодности труда на благо коммунизма обусловлены не толь-

ко невозможностью не считаться с мнением верующих, которые без благословения духовенства и даже вопреки его желаниям активно включились в процесс преобразования общества, но и стремлением духовенства сделать религию более привлекательной в глазах окружающих, стремлением если не остановить, то хотя бы замедлить объективный процесс падения религиозности среди населения.

Высказываясь за тесное сотрудничество верующих и неверующих, мусульманское духовенство положительно оценивает осуществленную социалистическим государством подлинную свободу совести. Служители ислама отмечают, что именно это обстоятельство во многом способствовало налаживанию добрых отношений между приверженцами различных вероисповеданий, а также между верующими и неверующими. Правда, они пытаются по-своему истолковать смысл провозглашения свободы совести в СССР.

Как известно, Коммунистическая партия и социалистическое государство, разрабатывая исторический декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», целиком и полностью руководствовались стремлением обеспечить всем гражданам нашей страны право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. В сочетании с другими государственными актами этот декрет обеспечивал полное равноправие граждан, независимо от их расы, национальности, вероисповедания и социального положения. Все религии и религиозные направления ставились в одинаковое положение. Было покончено с дискриминацией людей, не исповедовавших православие, в том числе и неверующих. Всем гражданам страны открывался широкий простор для самостоятельного решения вопроса: быть верующим или неверующим.

В интерпретации же мусульманских служителей культа принцип свободы совести означает не что иное, как стремление социалистического государства обеспечить неограниченно широкий простор для деятельности тех религиозных направлений, которые в царское время выступали в роли гонимых. Тем самым рядовым верующим весьма гибко, хотя и настойчиво, внушается мысль о мнимой заинтересован-

ности социалистического государства в широком распространении ислама. При этом ленинский принцип свободы совести трактуется весьма узко, лишь как стремление социалистического государства обеспечить равные права для всех религиозных течений.

Давая свою оценку принципу свободы совести, современные богословы пишут: «Мусульмане нашей страны, руководствуясь принципами ислама о милостивом отношении к другим религиям и их приверженцам, целиком одобряют ленинский принцип свободы совести. Этот принцип понятен и близок мусульманам, так как ислам придерживается аналогичного принципа» [1].

На первый взгляд может показаться, что такое заявление вызвано стремлением мусульманского духовенства солидаризоваться с ленинским принципом свободы совести, выразить признательность верующих Советскому государству за последовательное претворение этого принципа в жизнь. И действительно, в статье речь заходит о том, как положительно сказалось осуществление данного принципа на жизни народов Средней Азии и Казахстана. Была ликвидирована дискриминация граждан в зависимости от их вероисповедания. Все религии были уравнены в правах. «Ленинский принцип свободы совести,— пишут авторы статьи,— поднял народы Средней Азии и Казахстана на новую высокую ступень, создав для них колоссальные возможности в культурном развитии. Благодаря этому принципу весь многонациональный и многорелигиозный народ достиг небывалых успехов во всех областях человеческой деятельности» [2].

Однако, если внимательнее проанализировать высказывания богословов, можно убедиться в том, что они таят в себе весьма своеобразный подтекст. Прежде всего, мусульманский журнал отождествляет отношение ислама к свободе совести и ленинское понимание этого вопроса, хотя они далеко не тождественны.

---

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 2, стр. 11.
[2] Там же.

В Коране и других мусульманских источниках последовательно проповедуется идея борьбы с иноверцами, религиозная нетерпимость. Призывы к борьбе с «неверными» перемежаются со всевозможными угрозами тем, кто не принял ислам. «Поистине, те, которые не веровали и умерли, будучи неверными,— над ними проклятие аллаха, и ангелов, и людей — всех!.. не будет облегчено им наказание, и не будет дано им отсрочки» (2, 156, 157). «А те, которые неверны, друзья их — идолы; они выводят их от света к мраку. Это — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!» (2, 259). «Мухаммед — посланник аллаха, и те, которые с ним,— яростны против неверных, милостивы между собой» (48, 29).

Заявляя в настоящее время, будто ислам всегда проповедовал терпимость по отношению к иноверцам, богословы ссылаются на те места из Корана, где речь идет о «людях писания» (христианах и иудеях) и дается разрешение мусульманам жениться на христианках и иудейках. Для обоснования утверждений о терпимости ислама по отношению к иноверцам приводится следующее высказывание, приписываемое пророку Мухаммеду: «Все люди — дети Адама, они братья, и поэтому взаимоотношения между ними должны быть братскими». Но ведь в более авторитетном для любого правоверного источнике — в Коране говорится: «Сражайтесь с теми, кто не верует в аллаха и в последний день, не запрещает того, что запретил аллах и его посланник, и не подчиняется религии истины — из тех, которым ниспослано писание, пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» (9, 29). Коран прямо запрещает мусульманам брать в друзья иудеев и христиан (5, 56). «Священная» книга мусульман относит христиан к числу «неверных» со всеми вытекающими отсюда последствиями, ибо они почитают богом человека — Христа. Именно так толковали этот вопрос еще совсем недавно крупнейшие мусульманские богословы. «Тех, кто признает Христа богом, всевышний называет неверными,— говорится в фетве Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири от 17 мая 1924 г.— И то, что христиане признают Христа богом, очевидно. Если они произносят «Господи», то

ясно видно, что под этим они подразумевают Христа, об этом свидетельствует и евангелие».

Следовательно, призывы Корана вести непримиримую борьбу с «неверными» мусульманские богословы полностью распространяют на христиан.

Анализируя утверждения современных богословов о том, что ислам будто бы всегда выступал за установление свободы совести, уместно обратиться к некоторым положениям шариата — мусульманского права. В одном из них речь идет об иртидаде — отступничестве от веры. Вероотступничество квалифицируется шариатом как самое тяжкое преступление против бога и общества и карается смертной казнью с конфискацией имущества.

Так выглядит на деле отношение ислама к принципу свободы совести. Как видим, толкование мусульманскими богословами одних и тех же вопросов в разные времена было различным. Объяснение этому найти нетрудно: изменились условия, изменилось сознание людей, в социалистическом обществе утвердились принципы свободы совести. И мусульманские служители культа вынуждены были приспосабливаться, давая новую трактовку старым проблемам.

Заметим, что и в прошлом отдельные мусульманские религиозные деятели высказывались за сотрудничество представителей различных религиозных направлений по конкретным вопросам, но ни один из них не забывал подчеркнуть, что истинной религией является лишь ислам. Ни один крупный мусульманский религиозный деятель не поднимался выше провозглашения принципа веротерпимости. Ислам не выдвигал и не мог выдвинуть принципа свободы совести, а тем более бороться за его осуществление. Этот принцип был обоснован классиками марксизма-ленинизма и реально претворен в жизнь в социалистическом обществе.

Одной из наиболее часто затрагиваемых мусульманским духовенством проблем является борьба за мир. И это понятно. Проблемы войны и мира остро волнуют сегодня всех людей земли независимо от их национальности и вероисповедания.

Мусульманские богословы широко пропагандируют мысль о том, что ислам всегда нес мир и благо-

получие людям, что ему чужды идеи господства над другими народами. В религиозной проповеди и в выступлениях современных мусульманских деятелей наблюдается дифференцированный подход к вопросу о войне. Осуждая агрессивные империалистические войны, служители культа вместе с тем высказываются в поддержку освободительных войн, войн за освобождение порабощенных народов от колониального ига. «Всевышний создал все народы свободными, и нет более тяжкого греха, чем угнетать народы и идти против воли аллаха» [1],— говорил на Загорской конференции представителей всех религий в СССР за мир и дружбу между народами председатель Духовного управления мусульман Северного Кавказа муфтий Магомед Гаджи Курбанов.

Сегодня мусульманские религиозные деятели заявляют, что ислам впервые в истории человечества выступил против войн и указал реальные пути обеспечения постоянного мира между народами! Но и эти высказывания не соответствуют действительности.

Во-первых, в «священной» книге мусульман — Коране призывы к борьбе с «неверными», в том числе с применением силы, весьма часты, и на протяжении многих столетий они использовались господствующими классами многих стран как оправдание для ведения захватнических войн.

Во-вторых, освящение исламом частной собственности, порождающей антагонизмы между классами и государствами, есть вместе с тем и освящение или в крайнем случае допущение всех связанных с ней явлений, а следовательно, и войн.

В-третьих, учение ислама о низменности, жадности, греховности человека с логической последовательностью приводит к выводу о неизбежности неистребимой вражды между отдельными людьми и целыми народами.

В-четвертых, ислам учит, что все сущее создано богом, что все общественные явления не могут возникнуть без его воли. Следовательно, войны, которыми так богата история человечества, также есть

[1] «Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР, посвященная вопросу защиты мира». Изд. Московской патриархии, 1952, стр. 239.

проявление этой воли, и человек не может противостоять ей.

По сути дела, в такой постановке вопроса коренятся истоки концепции, признающей войны вечным законом существования человечества, и проповеди покорности перед фатальной неизбежностью войны.

Впервые в истории человечества марксистско-ленинской наукой были выявлены подлинные причины войн и указаны конкретные пути к их предотвращению. Руководствуясь идеями научного коммунизма, марксистско-ленинские партии возглавили в нашу эпоху борьбу за объединение всех прогрессивных сил, которые могут оградить человечество от возникновения новых разрушительных войн.

Среди религиозных деятелей различных направлений, в том числе и среди мусульманских, распространено мнение о том, что религиозность сдерживает низменные чувства человека, унимает «гордыню», исключает возможность вражды между людьми. Некоторые мусульманские богословы именно в широком распространении ислама видят наиболее эффективное средство исключения войны из жизни общества и создания подлинного единства народов. Факты, однако, свидетельствуют о том, что никакие идеологические системы, какими бы всеохватывающими и универсальными они ни были, не могут привести к ликвидации вражды между народами и государствами до тех пор, пока не будет ликвидирована материальная основа такой вражды и неприязни — частная собственность на средства производства.

Можно привести характерный пример из истории взаимоотношений узбеков и туркменов в Хивинском ханстве. Два этих народа жили по соседству в течение многих столетий. Оба исповедовали одну религию — ислам, жили в одном мусульманском государстве. Казалось бы, не было никаких оснований для неурядиц между ними. Но на деле все обстояло иначе. Из поколения в поколение — вплоть до победы социалистической революции — разгоралась вражда между этими народами. Жестокие сражения между ними сопровождались угоном в плен и продажей в рабство мусульманами своих братьев и сестер по вере. Так продолжалось до тех пор, пока социалистическая

революция не ликвидировала старые отношения собственности, не уничтожила эксплуататорский строй, в котором были заложены наиболее глубокие причины вражды между двумя народами. Теперь эти братские народы вот уже полвека живут в одном социалистическом государстве, их взаимоотношения строятся на принципах дружбы и братского сотрудничества.

«Чтобы народы могли действительно объединиться,— писал К. Маркс,— у них должны быть общие интересы. Чтобы их интересы могли быть общими, должны быть уничтожены существующие отношения собственности, ибо существующие отношения собственности обусловливают эксплуатацию одних народов другими» [1].

В современных условиях мусульманские богословы предпочитают не говорить о неизбежности войн между народами, о том, что войны есть божье наказание за грехи человечества. Войны не связываются с божественным волеизъявлением. Ведь в таком случае было бы бессмысленно призывать массы к борьбе против них: несовершенный человек не может пытаться предотвратить предначертанное всевышним. Только то, что возникает по воле людей, может быть ими же предотвращено. Отсюда делается вывод не только о возможности, но и о необходимости борьбы за мир. Мусульманские богословы в наши дни подчеркивают важную роль народных масс в борьбе за предотвращение войн, за сохранение и упрочение мира на земле. «Причиной войн и конфликтов,— говорилось в докладе муфтия З. Бабаханова на Ташкентской конференции мусульман в 1970 г.,— являются отношения социальной несправедливости, против которых решительно выступает ислам». Далее З. Бабаханов утверждал: «Когда мир не будет разделен на эксплуататоров и эксплуатируемых, на угнетателей и угнетенных, на утопающих в роскоши и умирающих с голоду — тогда не будет социальных конфликтов, не будет войн и будут обеспечены мир и счастье всем народам. К установлению таких взаимоотношений между людьми и зовет наша священная религия» [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч. т. 4, стр. 371.

[2] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 3-4, стр. 18.

Как видим, в этом выступлении сочетаются религиозные и отнюдь не религиозные моменты. Вряд ли с подобными заявлениями мог выступить какой-либо мусульманский деятель всего лишь несколько десятилетий назад.

Эволюция социальных позиций ислама, происходящая под натиском бурных социально-экономических преобразований в мире, имеет конечной целью приспособление религии к новым условиям. В этой эволюции просматривается также стремление богословов сделать прошлое мусульманства привлекательным для верующих, убедить их в прогрессивной роли ислама в прошлом и настоящем. Современные служители ислама стараются заглядывать и в будущее, утверждая, что и коммунистическое общество не сможет существовать без мусульманской религии. «...В отличие от иудейства, христианства и других религий, религия ислама более гибкая и вполне отвечает современным условиям,— отмечает заместитель председателя Духовного управления мусульман Закавказья муфтий Вели-заде Шариф.— Религия ислама будет и при коммунизме, конечно не в таком виде, как сейчас, а в модернизированном виде, когда из нее будут изъяты надуманные и отжившие положения. Без религии духовная жизнь человека пуста».

Однако подобного рода утверждения противоречат исторической практике. Сама жизнь показывает, что влияние ислама в СССР падает, что люди все больше и больше отходят от религии. По мере роста производительных сил социализма, достижений науки, подъема культуры и материального благосостояния трудящихся этот необратимый процесс будет все более расширяться и углубляться. Историю нельзя повернуть вспять.

Социальная активность личности и ислам

Проблема человека, его места и роли в обществе в настоящее время стала одной из важнейших в идеологической борьбе. Каждое религиозное направление также стремится определить свой подход к этой актуальной проблеме с учетом огромных общественных

перемен, происшедших на земле под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Не составляют исключения и ислам, мусульманские религиозные организации Советского Союза, которые производят переоценку ценностей, по-новому подходят к данной проблеме. Переоценка ценностей касается в первую очередь таких вопросов, как цель и смысл жизни, социальная активность личности и т. п.

Если раньше правоверные видели единственный выход для своей активности в борьбе за распространение ислама, в служении аллаху, то теперь их активность в значительной мере переместилась в сферу земных интересов. Она охватывает их познавательные, культурные, профессиональные интересы, связанные с участием в строительстве нового общества. Не учитывать этого мусульманское духовенство не может. В проповедях мусульманских служителей культа реже осуждаются верующие, которые думают о своих земных делах, о земном счастье. Зато весьма частыми стали выступления, в которых богословы утверждают, что ислам-де как раз и ратовал всегда за устройство в первую очередь земного бытия людей. Выступая перед верующими, один мусульманский служитель культа не столь давно привел следующее предание: «Аллах говорит о людях, любящих загробную жизнь, но ни слова не говорит о людях, любящих только загробную жизнь, ибо таких людей быть не может, без земной жизни нет и загробной». Другой религиозный деятель — Казы Камал Баширов, выступая с проповедью в Уфимской соборной мечети 16 февраля 1970 г., говорил: «Вера ислама предписывает одинаково заботиться как о повседневной, так и о загробной жизни. Она требует от людей, чтоб они заботились о благоустройстве и обновлении окружающей их обстановки. Есть такое выражение: наша посюсторонняя жизнь, будучи раем для неправоверных, для мусульман является наказанием. Это ошибочный вывод, отражающий взгляды лентяев и невежд. Благоустройство окружающего нас мира, украшение нашей жизни, оставление после себя изящных произведений архитектуры является также обязанностью и мусульман».

Как видим, стремление «осовременить» ислам, показать созвучие его поучений с потребностями верующих сегодняшнего дня, испытывающих влияние огромных социальных преобразований, осуществленных в стране, приводит служителей культа к тому, что они объявляют ошибочным существовавшее веками положение мусульманской религии о том, что земная жизнь только для неверных «разукрашена», а для верующих является серьезным испытанием, подготовкой к загробной жизни (Коран 2, 208; 11, 18, 19 и др.).

Вот как весьма определенно писал об учении ислама о земной и потусторонней жизни один из авторитетнейших богословов — аль-Газали (1058—1111): «Мне стало ясно, что надеяться на блаженство в потусторонней жизни может только тот, кто ведет благочестивый образ жизни и сторонится мирских соблазнов, что главное во всем этом — разорвать путы, связывающие душу с дольным миром, покинув обитель суеты, обратившись к обители бессмертия и устремив все свое внимание на всевышнего аллаха, и что осуществления этого может добиться лишь тот... кто избегает мирских треволнений и связей» [1].

Подобные высказывания сознательно «забыты» современными богословами. На их место пришли призывы «бороться за счастье и благополучие каждого человека», утверждения о том, что «ислам в своих главных принципах преследует именно счастье народов» [2].

Стремление к счастливой жизни на земле, «пользование всеми жизненными благами сполна» объявляются естественными для каждого человека. «Так как аллах выделил человека из среды остальных существ и сделал его халифом (преемником), это обязывает человека быть хозяином природы, следуя прямым путем, подчинять себе ее дары, со знанием наук стараться улучшать свою жизнь, стараться всеми силами приносить пользу людям, обществу»,— говорил имам-хатыб Московской мечети А. Мустафин в проповеди 27 февраля 1969 г.

[1] Цит. по кн.: *С. Н. Григорян.* Из истории философии Средней Азии и Ирана VII—XII вв. М., 1960, стр. 243.

[2] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 1, стр. 6.

В проповедях мусульманского духовенства особый упор делается на деятельный характер служения аллаху. Одних добрых мыслей и намерений, и даже одних молитв явно недостаточно для получения божьей благодати, заявляют проповедники ислама, нужны конкретные земные дела.

«Приблизиться к милости аллаха,— говорил в проповеди 27 марта 1970 г. А. Мустафин,— к его расположению без действия, без труда невозможно. Милость аллаха зависит от содеянного на этом свете. За каждое действие, за каждый поступок своя награда. Каждое доброе дело ведет к милости аллаха, человек же без добрых дел, только с мыслями и желаниями не достигнет милости аллаха, его расположения. Видимо, такие люди испорчены, видимо, испорчена их природа».

О какой же деятельности идет речь? Служители культа разъясняют, что такой деятельностью является труд для обеспечения членов семьи средствами к существованию, работа на благо общества и окружающих людей. А некоторые к такого рода деятельности прямо относят дела и поступки, направленные на совершенствование окружающего мира. Из этого, однако, следует, что мир, созданный аллахом, не так-то уже совершенен, и правоверному предлагается восполнить пробел, допущенный творцом. «С душой, полной веры, каждый из нас должен поставить своей целью стать полезным человеком, совершать благие дела,— заявил А. Мустафин в проповеди 21 февраля 1969 г.,— тогда и на этом свете мы будем наделены милостью аллаха... Аллах великий не любит ведущих себя непристойно, аллах великий не любит порочных людей... Поэтому, чтобы не оказаться среди порочных людей, надо стремиться к благим делам, надо стремиться совершенствовать этот мир».

Пересмотр мусульманским духовенством отдельных сторон учения ислама коснулся и проблемы отношения верующих к труду, к трудовой деятельности. Социалистическое общество провозгласило и осуществляет на деле всеобщность труда, обязательность для каждого гражданина трудиться. В обществе трудящихся тунеядец окружается всеобщим презрением. И служители культа не могут не учитывать этого.

Во многих проповедях мусульманского духовенства звучит призыв к труду, говорится о необходимости не только самим правоверным быть трудолюбивыми, но и детей своих воспитывать в духе трудолюбия.

Справедливости ради надо заметить, что призыв к честному труду и раньше раздавался с мимбаров мечетей, но он относился в первую очередь к труду на феодала, на капиталиста, к труду на своем клочке земли. Теперь он носит новый характер. Имамы говорят о добросовестном труде в общественном производстве, об экономии общественных средств, о повышении производительности общественного труда. Они призывают правоверных умножать богатства социалистического общества, быть примером для других. При этом служители культа постоянно подчеркивают, что теперь верующий работает не на господина, а выполняет волю аллаха, указавшего на необходимость трудиться на благо всего общества.

Современные мусульманские проповедники так строят свои рассуждения о труде, чтобы доказать, что ислам всегда признавал необходимость труда на благо общества, всегда считал труд естественной потребностью человека. Они говорят о том, что поскольку строительство коммунизма в нашей стране есть претворение в жизнь предначертаний аллаха о справедливом обществе, то и труд по созиданию этого общества угоден богу. Более того, такой труд объявляется первым после молитвы богоугодным делом. «Господь бог в священном Коране вещает: после заверения в верности богу занимайтесь богоугодными добрыми делами,— поучал прихожан Уфимской мечети заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири К. Баширов.— Какие дела будут богоугодными, добрыми делами, какие дела называют богоугодными? Если кто-либо для содержания себя и своей семьи, а также с искренними намерениями будет трудиться на заводах и фабриках, в совхозах и колхозах, будет работать в организациях и учреждениях, то это будет богоугодным делом. Деятельность на пользу своей семьи, общества и государства будет богоугодным, добрым делом».

Служители культа призывают мусульман укреплять трудовую дисциплину, опять-таки прибегая к ссылкам на то, что этого требует аллах. «Для нас, мусульман, как и для всех советских людей,— говорил, выступая перед верующими, имам самаркандской соборной мечети «Ходжа — Ахрар»,— небезразличны интересы государства. Верующие не должны плохо работать в колхозе, совхозе или на заводе. Необходимо честно трудиться на производстве, так как любой труд на благо общества является такой же обязанностью, как соблюдение поста, чтение молитвы и другие богоугодные дела».

Добросовестный труд в общественном производстве определяется мусульманскими богословами сегодня не только как богоугодное дело, но даже ставится в один ряд с важнейшими требованиями Корана, неисполнение которых расценивается как тяжкий грех, равносильный богоотступничеству. Примечательно и другое. Современные служители культа, заявляя, что необходимо совмещать труд и молитву, призывают правоверных следить за тем, чтобы излишнее рвение в молитвах не оказало отрицательного влияния на трудовую деятельность человека в сфере производства. Бывший имам мечети в г. Октябрьском (Башкирская АССР) Х. Мансуров в своей проповеди, произнесенной 12 июля 1968 г., указывал: «Тот, кто стремится прославить религию, будет вознагражден довольством. Если труд основан на добром намерении, он будет являться молением ради пользы близких. Один из старейшин Абу Сулейман Дарани сказал: «Мы не считаем молитву полноценной, если молящийся существует на иждивении других. Это приводит к нарушению равновесия между религией и производственной деятельностью».

Конечно, такого рода призывы отнюдь не связаны со стремлением унять не в меру фанатичных мусульман. Но они красноречиво характеризуют те новые веяния, которые проявляются в проповеднической деятельности служителей исламского культа. В наше время не так уж много мусульман, которые, забросив все земные дела, целиком посвящают себя богомолениям или, неумеренно предаваясь молитвам, забывают о необходимости трудиться. Если служители культа

все же в своих выступлениях акцентируют внимание на необходимости не слишком увлекаться молитвами в ущерб производительному труду, то это продиктовано в первую очередь стремлением подчеркнуть, что мечеть стремится быть полезной обществу, служит делу социализма.

Мусульманское духовенство идет еще дальше. Имеют место случаи, когда служители культа подчас «освобождают» лиц, занятых в общественном производстве, от обязательной пятикратной молитвы и месячного поста ураза, хотя и то и другое предписано Кораном и неисполнение этих предписаний, в соответствии с исламским вероучением, равносильно отступничеству от религии [1].

Для обоснования мысли о том, что ислам будто бы всегда учил о первостепенной важности труда на благо общества, богословы прибегают к весьма гибкому толкованию хадиса, гласящего: «Каждый мусульманин не станет настоящим верующим, пока не станет желать другим того же, чего желает себе». «Из этого хадиса явствует,— говорится в одной из статей, опубликованных в журнале «Мусульмане Советского Востока»,— что каждый мусульманин является неотъемлемой частью того общества, в котором он живет, и должен преследовать принципы взаимной любви и солидарности. Мусульманин не должен быть эгоистом и индивидуалистом. Настоящий мусульманин — это тот, кто все свои знания, все усилия посвящает процветанию и благополучию общества, членом которого он является» [2].

Мусульманские служители культа в своих проповедях настойчиво пытаются создать иллюзию «полезности» деятельности исламских организаций. Именно поэтому они стремятся приблизить проповеди к требованиям жизни, «согласовать» их с насущными потребностями времени. Характерна в этом отношении проповедь одного из имамов Удмуртии, Абзалова, прозвучавшая во время курбан-байрама 27 февраля 1969 г., совпавшего с рабочим днем. Обращаясь к ве-

[1] В дальнейшем мы специально остановимся на подлинных причинах такой позиции современных служителей культа и руководителей религиозных организаций.

[2] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 3-4, стр. 46.

рующим, имам заявил: «Сегодня мусульманский праздник, но верующие, работающие в государственных организациях, не должны совершать прогула. Бог не велит отрываться от работы, каждый работающий должен трудиться сознательно, по совести. Тот, кто работает несознательно, допускает большой грех перед богом. В нашей стране любой труд почетен и справедливо оплачивается. В нашей стране все делается для человека. Миллионы наших детей учатся бесплатно. Для сирот созданы школы-интернаты. Миллионы пожилых людей получают пенсии, нуждающиеся из них живут в домах престарелых. Миллионы больных лечатся бесплатно. Ни в одной капиталистической стране такого нет. Поэтому мы все должны честно и добросовестно трудиться, работать без брака. Только тогда бог нас простит».

Одновременно с призывами к высокопроизводительному труду в общественном производстве мусульманские богословы подчас касаются проблем участия верующих в управлении общественными делами. Они высказываются за активное участие правоверных в избирательных кампаниях по выборам депутатов в Советы, в работе различных общественных организаций, в обсуждении народнохозяйственных планов. Все это вытекает из приверженности советских мусульман идеям ислама, заявляют они, ибо верующие, «являясь истинными мусульманами, беспредельно преданы своей родине и считают своим долгом активно участвовать в строительстве новой жизни в своей стране» [1].

Призывая правоверных активно участвовать в общественной деятельности, мусульманские служители культа требуют от них в таком же духе воспитывать и своих детей. Однако и в общественной деятельности они предлагают искать такие аспекты, которые помогали бы человеку приобщаться к исламу.

В седьмом номере журнала «Наука и религия» за 1968 г. была опубликована статья Е. Дулумана «Воспроизводство религии». Через несколько дней об этой статье упомянул в своей проповеди один из мусульманских служителей культа. Он, в частности, заявил:

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 2, стр. 11.

«В статье, опубликованной в седьмом номере журнала «Наука и религия», приводятся результаты опроса атеистами Киевского пединститута 94 семей баптистов. Оказалось, что в 45 семьях детей насильно приобщают к религии и даже не разрешают им быть пионерами. Этого делать нельзя. По учению религии, не запрещено быть пионером. Пусть наши дети учатся, пусть учатся со старанием. Пусть они будут пионерами, комсомольцами, коммунистами. Пусть учатся они только на «отлично». И все наши дети должны участвовать в общественной жизни школы, в ее организациях активно. И пусть они будут дружными, умеют разговаривать и приветствовать на всех языках. Ничто из перечисленного не является вредным по отношению к религии. Поэтому нужно общаться с людьми, участвовать в работе общественных организаций, изучать все, что и как делается. Вот тогда только человек поймет себя, кто он таков, кем он создан и для чего». Но тут же этот проповедник замечает, что человек, «поняв себя», неизбежно придет к исламу.

Выступая с подобной проповедью, служитель культа стремился показать преимущества ислама перед другими религиями, его «гуманный» характер. Баптисты, подчеркивал он, насильно приобщают детей к религии, а мусульманская религия, исходя из того, что только сам человек добровольно может прийти к богу, не препятствует детям вступать в пионерскую и комсомольскую организации. «Секрет» такой позиции прост. Служители мусульманского культа понимают, что препятствовать учебе детей верующих, их активному участию в общественной деятельности в нынешних условиях просто нецелесообразно. Почти у всех верующих дети учатся, являются пионерами, комсомольцами. И изменить тут ничего нельзя. Выступать в таких условиях иначе означало бы настроить верующих против себя, а может быть, даже и против религии. Значит, надо попытаться использовать данное положение в интересах ислама. И духовенство использует эту возможность. Призывая верующих не препятствовать детям учиться, участвовать в общественной работе, духовенство подчеркивает, что именно такая жизнь позволит человеку «познать себя», понять, «как и для чего бог сотворил

мир и человека в нем», и найти самому путь к аллаху. Следовательно, и учеба и общественная деятельность — все это нужно молодому поколению для того, чтобы убедиться в существовании творца, в его сверхъестественной силе и прийти к нему самостоятельно. Так богослов одним махом «решает» целый ряд сложнейших проблем: доказывает «превосходство» своей религии перед остальными, надеется нажить в глазах прихожан моральный капитал и одновременно дать верующим тонко продуманную программу подготовки молодого поколения к восприятию идеологии ислама.

Призывая верующих активно участвовать в коммунистическом строительстве и в управлении делами страны, мусульманское духовенство не может не понимать того, что подобная деятельность служит росту сознательности советских людей, приближает час их отхода от религии. Поэтому такие призывы оно старается делать с оговорками, что участие в строительстве коммунизма угодно богу, что это и есть один из путей осуществления той цели, к которой вел правоверных всегда ислам. Эти оговорки дают возможность особенно отчетливо увидеть противоположность коммунистического отношения к труду и общественной деятельности религиозному. Если, по утверждению мусульманских богословов, участвовать в коммунистическом строительстве нужно для того, чтобы угодить богу, то, согласно марксистско-ленинскому учению, участие в коммунистическом строительстве необходимо для того, чтобы «обеспечить непрерывный прогресс общества, предоставить каждому члену общества материальные и культурные блага по его растущим потребностям, индивидуальным запросам и вкусам...» [1].

В условиях социализма владыкой мира становится труд, он — высшее мерило достоинств человека. Коран же объявляет главным мерилом достоинства человека его благочестие, богобоязненность (49, 13). Среди основных качеств благочестивого человека, приведенных в Коране, есть многие черты, обладание которыми якобы делает человека самым благородным

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1971, стр. 64.

перед аллахом. Однако в этом списке нет и намека на труд (2, 172).

Следовательно, высказывания современных мусульманских служителей культа о религиозной ценности труда в общественном производстве не вытекают из «священной» книги, а являются богословской интерпретацией почерпнутого из советской действительности представления о реальной роли такого труда в обществе и его оценки социалистическим общественным мнением.

Марксизм придает большое значение воспитательной роли труда в общественном производстве. И здесь видное место занимают мотивы труда. Одно дело, когда главный смысл своего труда человек видит в обеспечении себя и своей семьи средствами к существованию, и совсем другое дело, когда главный смысл своего труда человек видит в созидании коммунистического общества.

Ислам, как и другие религии, рассматривает труд как внешнюю необходимость, неприятную, но неизбежную, с которой человек вынужден примириться, дабы не умереть с голоду. Он успокаивает трудящегося, что недолго будет длиться это испытание трудом на земле, и внушает ему утешительную надежду на то, что на небе его ждет райское блаженство без всякого труда. Что касается побудительных стимулов к труду в исламе, то в качестве таковых выступают прежде всего стремление обеспечить себя и членов семьи необходимым, а также страх перед карами аллаха и надежда на райское блаженство. Такое представление о труде не имеет ничего общего с коммунистическим пониманием сущности трудовой деятельности.

Призывая к труду и общественной деятельности во имя будущего счастья в загробном мире, богословы исходят из эгоистической природы человека, что способствует сохранению и поддержанию индивидуалистических устремлений среди правоверных. Однако это лишь одна сторона вопроса. Другая состоит в том, что своими призывами к труду и общественной деятельности во имя бога и обеспечения себе райского существования в потустороннем мире религиозные проповедники, по существу, ослабляют объективно растущую социальную активность трудящихся.

В ходе участия в коммунистическом строительстве верующие, по мере проникновения в их сознание коммунистических идей, начинают осознавать свое место в коллективе, в обществе, у них появляются правильные представления о ходе исторических событий, они начинают понимать значение своего труда для общенародной борьбы за построение самого справедливого общества на земле. Иначе говоря, они начинают действовать, осознавая общественные результаты своей деятельности. В это самое время мусульманские служители культа внушают верующим, что их труд угоден аллаху, что он подобен молитве и зачтется правоверным на страшном суде. Они говорят о необходимости трудиться честно и добросовестно, так же как и молиться, только ради одного всевышнего, чтобы умилостивить его.

Такие проповеди раздваивают сознание верующих, вносят сомнение в их еще не окрепшие представления об общественных последствиях своей деятельности, уменьшают ценность труда в глазах правоверного. Они способствуют снижению социальной активности верующих.

Мусульманские проповедники сеют пессимистическое отношение к жизни среди правоверных. В их представлении объективный и необратимый процесс отхода людей от религии есть процесс роста аморализма и вместе с тем процесс приближения «последнего часа», часа гибели человечества и страшного суда. Многие другие события, связанные с современной жизнью, в частности с научно-технической революцией и освоением космоса, также зачастую истолковываются служителями культа как знамения, возвещающие о приближении конца света. Это тоже способствует снижению социальной активности правоверных, ибо у них растет убеждение, что незачем напрягать усилия, проявлять рвение в труде и общественной деятельности, раз близок конец света. Гораздо целесообразней в этом случае употребить время и силы на молитвы и раздачу милостыни, которые являются наиболее богоугодными деяниями, открывающими врата рая.

Научный же коммунизм проникнут оптимистическим отношением к жизни. Он учит, что для прогрес-

сивного развития человечества нет предела, и указывает конкретные пути для такого развития. Для осуществления великой цели — построения коммунизма на земле — нужна активная энергия, развертывание всех творческих способностей каждого члена общества.

Следует отметить, что некоторая часть служителей культа, выступая перед верующими с призывами вносить посильный вклад в дело строительства коммунизма, как в богоугодное дело, искренне считает, что помогает нашему обществу двигаться вперед, выполняет свой патриотический долг перед родиной и религиозный долг перед богом. Однако независимо от субъективных намерений служителей культа, их стремление связать труд строителей нового общества с религией, объявить его формой служения аллаху есть попытка связать естественное со сверхъестественным, попытка, объективно ведущая к затуманиванию сознания людей, мешающая им увидеть истинную ценность труда во имя общества, во имя лучшей жизни трудящихся на земле. Мусульманские проповеди уводят человека от понимания труда как главного средства развития и использования творческих способностей людей, побуждающего их совершенствовать орудия труда и технологические процессы, стимулирующего научную деятельность. Попытки мусульманского духовенства внушить людям, что их повседневный труд в общественном производстве есть один из способов служения сверхъестественной силе, в конечном счете отрицательно влияют как на развитие личности, так и на результаты ее деятельности. Это обусловливает необходимость разоблачения полной несостоятельности данной религиозной концепции. «Мы хотим устранить все, что объявляет себя сверхъестественным и сверхчеловеческим,— писал Ф. Энгельс,— и тем самым устранить лживость, ибо претензия человеческого и естественного быть сверхчеловеческим, сверхъестественным есть корень всей неправды и лжи» [1].

Социальная активность личности проявляется в трех основных сферах: производственной (трудовой),

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. 1, стр. 592.

общественно-политической и познавательной. Идеалы коммунизма ориентируют личность на проявление активности во всех вышеназванных сферах. Ислам же, напротив, объективно препятствует этому процессу, оставляя для проявления неограниченной активности лишь одну сферу — служение богу.

Во всем этом нетрудно убедиться. Так, например, одним из условий повышения социальной активности личности является степень общения личности с коллективом и отдельными его членами. Чем теснее эти связи, тем информированнее человек, а чем он информированнее, тем теснее его связи в коллективе. Большая же информированность в большей степени расширяет свободу выбора в действиях, повышает активность личности, открывает широкие возможности для выработки и реализации решений, совпадающих с целями и задачами коллектива.

Человек, участвующий в определении целей и задач коллектива, с большей энергией стремится к их достижению, становится лично заинтересованным в скорейшей реализации обязательств, взятых коллективом.

Ислам же является тормозом увеличения связей личности с окружающими. Он приучает верующих относиться с настороженностью к иноверцам и атеистам («неверным»), рассматривает их в первую очередь как противников мусульманской религии, а следовательно, и каждого мусульманина. Последовательное выполнение предписаний шариата мешает человеку устанавливать товарищеские отношения с коллегами по труду, с соседями по дому, затрудняет организацию взаимопомощи между ними. Если в практической жизни между мусульманами, христианами, атеистами устанавливаются отношения дружбы и братской взаимопомощи, то это происходит вопреки религиозным учениям, обособляющим людей, в силу того, что весь строй жизни в социалистическом обществе основывается на принципе товарищеского сотрудничества и братской взаимопомощи между людьми.

Важным стимулом активности личности является осознание ответственности за свои поступки. Но ответственность ответственности — рознь. Есть реальная ответственность перед реально существующими

людьми, перед реально существующим коллективом. И есть ответственность перед сверхъестественной силой, которая, согласно религиозному вероучению, либо давным-давно предопределила все поступки человека, и он, будучи лишен выбора, должен лишь подчиняться предопределению, либо предоставила ему свободу выбора, но после его смерти будет грозным судьей этой его самостоятельной деятельности.

Ответственность перед людьми, коллективом, которые всегда готовы помочь человеку, стимулирует его активность, вселяет в него уверенность в своих силах и возможностях, ибо они помножены на силу и возможности коллектива.

Чувство ответственности за дела всего коллектива повышает у человека требовательность к себе и к окружающим, оказывая в конечном счете положительное влияние как на развитие самого человека, так и на развитие коллектива. Ответственность же перед богом предполагает пассивное ожидание его милости. Если коллектив исходит из положительных возможностей личности, то бог — из ее греховности, никчемности, низменности. Активный строитель коммунизма должен понимать свое место в общем строю трудящихся, значение своей деятельности для общего дела. Такое понимание дается по мере осознания трудящимися хода и перспектив мирового развития, по мере формирования у всех умения разбираться в событиях внутри страны и на международной арене. На это и направлена воспитательная работа Коммунистической партии и социалистического государства.

Мусульманское учение об определяющем воздействии на ход мировых событий несуществующей сверхъестественной силы, о решающей роли в жизни людей религиозной веры мешает человеку разобраться в закономерностях общественного развития, уводит его от рассмотрения естественных связей происходящих событий, от анализа подлинных причин общественных явлений.

Отрицательное влияние религиозной идеологии на трудовую и общественную активность верующих находит проявление в самых различных областях жизни. Можно, в частности, обратиться к следующему примеру. Зима 1968 г. и весна 1969 г. были весьма

сложными почти на всей территории нашей страны. Особенно много стихийных бедствий они принесли районам Средней Азии. Зимой здесь проходили необычно обильные снегопады, были на редкость низкие температуры. Весной вышли из берегов крупнейшие реки — Амударья и Сырдарья, вода затопила целый ряд населенных пунктов. Угрозе подверглась жизнь многих людей. Серьезный урон был нанесен сельскохозяйственному производству, прежде всего животноводству. Этот урон был бы значительно большим, если бы партийные и советские органы не приняли энергичных мер для обуздания разбушевавшейся стихии, для ослабления силы ее ударов, для скорейшего преодоления неблагоприятных последствий сложной зимы и весны.

И вот в то самое время, когда трудящиеся противопоставили стихии свою сплоченность, решимость и энергию, служители мусульманского культа во многих местах организовали так называемые «худои». С верующих собирались денежные средства, забивался скот, устраивались угощения и коллективные молебны с просьбой к всевышнему утихомирить стихию. Разумеется, ни о какой активной борьбе со стихией тут и речи не было. Служители культа лишь отвлекали трудящихся от борьбы с разбушевавшейся природой.

Следует коротко остановиться и на тормозящей роли ислама в развертывании социальной активности женщины. Зараженные пережитками исламской идеологии люди, ссылаясь на религиозные традиции, нередко препятствуют девушкам завершить среднее образование и получить высшее. Иные правоверные родители и до сего времени не позволяют своим дочерям заниматься общественной деятельностью, быть участниками художественной самодеятельности. Еще не изжиты случаи, когда ставятся всевозможные препятствия для выдвижения женщин на руководящую работу. Однако было бы неверным винить во всем этом лишь мужчин-верующих. Многое здесь зависит и от самих женщин. Будучи верующими и в силу этого воспитанными в духе покорности судьбе и преклонения перед мужчиной, они сами подчас отказываются от участия в общественной деятельности, от по-

вышения своего общеобразовательного уровня, вследствие чего они попросту отстают в своем развитии.

Конечно, когда речь заходит о более низкой по сравнению с мужчинами социальной активности некоторой части женщин, необходимо учитывать и такие факторы, как нехватка в отдельных районах детских учреждений, в ряде случаев неблагоустроенность быта и т. д. Однако нельзя не учитывать отрицательного влияния религии, переплетающейся с феодально-байскими пережитками.

В эксплуататорском обществе место человека в общественной жизни, его деятельность определяются принадлежностью к тому или иному социальному слою, человек практически выступает лишь как «экземпляр класса». В коммунистическом обществе положение человека определяется его собственной индивидуальностью, умением, мастерством, знаниями. А это уже само по себе является стимулом для развития положительных качеств и способностей личности. В исламе же ценность человека определяется тем, насколько глубоко он верует в аллаха, насколько он благочестив. «Любим аллахом может быть лишь тот,— говорил один из мусульманских проповедников, выступая перед прихожанами Московской соборной мечети,— кто своевременно выполняет все обряды и предписания ислама, кто молится одному только аллаху, кто уповает только на него».

Для коммунизма личность является целью общественного развития. Забота о благе каждого индивида, о развертывании всех его способностей становится главной задачей общества. Если в антагонистическом обществе эксплуатация масс является условием развития немногих, то в коммунистическом обществе «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [1].

Коренные интересы личности в социалистическом обществе требуют всемерного развития ее социальной активности. Все факторы, препятствующие этому объективному процессу, тормозящие его развитие, противоречат как интересам общества, так и интересам личности.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 447.

Глава третья

Проблемы нравственности в современном исламе

Современный верующий отличается от верующего прошлых эпох. Рассказы о коранической картине мира, о сотворении животных, растений и человека богом, о сверхъестественных существах, о страшном суде и адских мучениях не воспринимаются верующими так, как они воспринимались еще несколько десятилетий назад. Поэтому духовенство не акцентирует на них внимание. Происходит сужение позиций ислама в области мировоззрения, что заставляет служителей культа искать пути укрепления влияния религии в области морали и быта. Именно в этих весьма важных сферах человеческой жизни ищет ислам свое последнее убежище.

Мусульманские проповедники учитывают, что в связи с участием широких слоев трудящихся в социально-экономических преобразованиях и небывалым подъемом творческой активности советских граждан все более расширяется сфера морального фактора. Нельзя сбрасывать со счетов и убежденность ряда служителей культа в том, что именно в области морали ислам может принести наибольшую пользу народу в строительстве нового общества. Многие представители мусульманского духовенства заявляют, что религия помогает воспитывать честных, трудолюбивых строителей нового общества. В одном из своих выступлений председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий З. Бабаханов говорил: «Религия ислама является активной сторонницей строительства социализма и коммунизма в нашей стране. Забота о нравственном совершенствовании людей, направление мусульман на путь ислама и социализма — в этом видят главную свою задачу Духовное управление мусульман, все руководители религиозных организаций Средней Азии и Казахстана».

Здесь следует обратить внимание на весьма важный побудительный мотив, который заставляет духовенство обращаться к проблемам нравственности. Служители мусульманского культа рассчитывают с помощью нравственных поучений вести среди верующих пропаганду основных «истин» ислама. Они понимают, что попытки растолковывать верующим догматические вопросы напрямую сейчас едва ли могут быть достаточно успешными. Многие догматы ислама так далеки от жизни современного человека, так не вяжутся со сложившимися у него представлениями, что их пропаганда, так сказать, в чистом виде по большей части обречена на неудачу. Преподнесенные же в оболочке нравственных поучений, они порождают у духовенства надежду на то, что будут некритически восприняты верующими, укрепятся в их религиозном сознании.

Эволюция нравственных предписаний ислама

Мусульманские богословы утверждают, что мораль ислама вечна и неизменна во все времена, пригодна для всех времен и народов, независимо от того, какой строй господствует в обществе и какие классы стоят у власти. Примерно то же самое говорят о христианской морали апологеты христианства, об иудаизме — иудейские священнослужители.

Главным аргументом религиозных деятелей, пытающихся доказать вечность, неизменность и универсальность религиозной морали, является их ссылка на то, что эта мораль существует от века, дана людям самим богом. Другой довод, приводимый ими, сводится к утверждению, что до сих пор, несмотря на смену различных общественных систем, религиозная мораль будто бы успешно служит человечеству.

«Неизменность» мусульманской морали ее проповедники видят и в том, что она, с их точки зрения, «являет собой образец совершенства», с которым никакая другая система нравственности не может и сравниться.

Мусульманские проповедники утверждают, что все возможные нормы нравственности охвачены ис-

ламской моралью и никаких других норм, кроме тех, которые ниспосланы самим аллахом и преподаны пророком Мухаммедом, быть не может. Ислам, заявляют они, «не обошел молчанием ни одного из аспектов добра и благочестия и призывает людей постоянно выполнять их. С другой стороны, он не оставил без порицания ни одного из проявлений зла и порока и предостерег людей от них» [1].

Говоря о том, что ислам определил все виды добра и зла, мусульманские проповедники, таким образом, предполагают, что все указанные в исламе пороки, все виды социального зла будут существовать вечно и неизменно. Перед людьми рисуется бесперспективная картина неискоренимости социальных пороков, порожденных эксплуататорским строем. Каждому отдельному человеку предлагается только избегать порочных действий и указывается на бессмысленность борьбы против самих условий, порождающих эти пороки. Никакой речи о нравственном прогрессе при таком подходе и быть не может.

В противоположность суждениям религиозных проповедников о неизменности и вечности моральных норм, освящаемых религией, марксисты всегда утверждали, что люди черпают свои нравственные воззрения в конечном счете из экономических отношений, а с изменением последних меняются и нравственные нормы. «Мы поэтому отвергаем всякую попытку навязать нам какую бы то ни было моральную догматику в качестве вечного, окончательного, отныне неизменного нравственного закона...» [2] — писал Ф. Энгельс.

Мораль есть явление историческое, и обусловливается она характером производственных отношений, существующих в обществе. При этом в классовом обществе не было и не могло быть общечеловеческой морали. Нравственные воззрения эксплуататоров и эксплуатируемых не могли быть одинаковыми и никогда не были таковыми. Ф. Энгельс указывал: «...мы утверждаем, что всякая теория морали являлась

---

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 3-4, стр. 45.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 95.

до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных» [1].

Нравственные воззрения людей менялись от эпохи к эпохе под воздействием социальных изменений. Не могла избежать этой закономерности и исламская мораль. На протяжении многих веков она оправдывала и защищала интересы господствующих классов. С ликвидацией эксплуатации человека человеком и уничтожением эксплуататорских классов не могли не измениться и нормы исламской морали, нравственные поучения мусульманских служителей культа.

Касаясь в своих выступлениях основных этических категорий, таких, как добро, зло, долг, совесть, честь, счастье, современные мусульманские проповедники вкладывают в них далеко не то содержание, какое вкладывалось ими в прошлом. «Представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому» [2],— отмечал Ф. Энгельс. То же самое происходило с представлениями о добре и зле и в исламе. Однако особенно сильные изменения внесли в них социалистические преобразования.

На протяжении многих столетий мусульманские служители культа изображали всякое посягательство на частную собственность тягчайшим злом, а саму частную собственность, охрану ее от любых посягательств — величайшим добром. Заметим, что подобные представления внушаются правоверным мусульманским духовенством в капиталистических странах и в наши дни.

В условиях же социалистического общества мусульманские служители культа выступают с прямо

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч. т. 20, стр. 95—96.
[2] Там же, стр. 94.

противоположными проповедями. «Наша божья книга учит нас не только единению, но и общему использованию в общественных интересах всех материальных благ, дарованных нам землей, которая, благодаря совместным усилиям многих поколений ученых, полностью раскрывает перед нами свои богатства,— говорил бывший имам-хатыб Ленинградской соборной мечети А. Исаев.— Аллах учит нас, что земля и ее недра со всеми открытыми в них богатствами не может принадлежать отдельным личностям, а является народным достоянием, навечно отданным народу для использования ее ради всеобщего блага».

В наши дни мусульманские служители культа квалифицируют как добро борьбу за ликвидацию частной собственности на средства производства, за установление общественной собственности, а всякое покушение на общественную собственность объявляют тяжким грехом.

Мусульманские проповедники в Средней Азии, на Северном Кавказе, в районах Поволжья вплоть до Октябрьской социалистической революции клеймили позором, считали грехом любое проявление равноправия женщин. Даже нахождение женщин в мужском обществе считалось предосудительным. «Запрещение женщинам доступа в общество мужчин с точки философского взгляда совершенно разумно,— писал А. Баязитов.— Каждому понятно, что этот свободный доступ женщины всюду — не что иное, как проповедь соблазна...» [1]

В наши дни отношение к этому вопросу иное. Духовные управления мусульман Средней Азии и Казахстана, европейской части СССР и Сибири в своих фетвах не раз подчеркивали, что равноправие женщин, их активное участие в общественной жизни соответствует учению ислама. Более того, в выступлениях современных мусульманских богословов можно услышать, будто именно ислам впервые раскрепостил мусульманку, благодаря чему стал возможным расцвет ее творческих способностей во всех областях экономической и культурной жизни.

---

[1] *А. Баязитов.* Отношения ислама к науке и к иноверцам, стр. 73.

В течение многих столетий муллы при заключении религиозного брака зачитывали наизусть и разъясняли соответствующие стихи из Корана, в которых говорится о том, что мужчина может иметь до четырех жен одновременно, а также о том, что муж может наказывать жену, и т. д. Теперь служители культа либо произносят их на арабском языке, не переводя на язык, доступный верующим, либо, как это делают муллы многих мечетей Татарии, Башкирии, Азербайджана, Казахстана, просто не упоминают о них. Они объясняют такую позицию тем, что, с одной стороны, советский закон запрещает многоженство, а с другой стороны, верующие могут просто возмутиться, если такие места из Корана будут зачитаны вслух. Насколько правомерны такие опасения мулл, можно видеть на следующем примере. Некоторое время тому назад в казанской мечети «Марджани» намеревался выступить известный богослов. Но верующие не пожелали его слушать и довольно непочтительно прогнали с мимбара мечети только потому, что он несколько раз женился. Хотя, справедливости ради, заметим, что этот богослов не был многоженцем.

Примеров такого рода, свидетельствующих о значительной переоценке исламских моральных ценностей верующими, а вслед за ними и духовенством, можно привести немало.

За годы Советской власти, ознаменовавшиеся небывалым подъемом культурного уровня широких слоев трудящихся, заметно изменились позиции духовенства в моральной оценке таких действий верующих, как посещение театра и кино, прослушивание радиопередач. На протяжении десятилетий духовенство внушало правоверным, что театр, другие зрелища противоречат мусульманскому образу жизни. Этому в немалой степени способствовали и мусульманские религиозные газеты, редакторы и издатели которых боялись распространения культуры среди народа. Так, например, в издававшемся муллой Вали Хусаиновым в Оренбурге еженедельнике «Дин ва магышат» («Религия и жизнь») в 1911 г. можно было прочитать, что некоторые мусульманские деятели «осмеливаются выставлять в качестве благих и богоугодных дел такие безусловно запрещенные нашей рели-

гией развлечения, как театр и музыка». Далее в статье содержались прямые угрозы: «...такие деяния могут послужить причинами ужасных бедствий: провала земли, падения с неба камней, превращения людей в животных или в неодушевленные предметы».

Совсем по-иному подходят к этим вопросам мусульманские религиозные организации и духовенство в последние десятилетия. Так, отвечая на многочисленные запросы служителей культа и верующих, Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири издало специальную фетву, в которой, в частности, говорилось: «Все эти (музыкальные.— *Н. А.*) инструменты являются произведениями искусства, изобретенными на основе науки и просвещения. Доказательств того, что использование их являлось бы грехом, ни в Коране, ни в изречениях пророка мы не видели. Но обратное доказательство есть. Однажды после праздничной утренней молитвы наш святой пророк сидел у своего близкого друга Абу-Бекра. В это время жена Айша на курае заиграла национальную мелодию того времени. Абу-Бекр рассердился на нее, говоря: «Перестань играть, постыдись нашего пророка». Тогда пророк сказал: «У каждого племени есть свой радостный день. А у нас сегодня также большой, радостный праздник». Это изречение, кажется, ясно доказывает допустимость использования музыкальных инструментов. Если бы это было грехом, то пророк не разрешил бы играть».

Исходя из этого, духовенство признало необходимым «не препятствовать развитию кино и театрального искусства». В фетве Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири по этому поводу сказано следующее: «В наше время имеются такие просветительные организации, как, например, кино и театры. Эти учреждения наглядно показывают людям то, что было в минувшие дни, и то, что происходит сейчас. В кино и театрах каждый может извлекать поучительные примеры для себя, получать назидательный урок. Никому не дано право запрещать кому-либо посещение вышеуказанных зрелищных предприятий».

Мусульманские богословы учат, что ни одна моральная система, выработанная человеком, не может

быть пригодной для общества. Только та, что дана аллахом, может вести людей праведным путем. Однако в то же время мусульманские служители культа нередко обращаются к принципам морального кодекса строителя коммунизма и добавляют, что эти высокогуманные нравственные принципы являются основой для жизни и деятельности всех членов советского общества, как верующих, так и неверующих.

Поиск «точек соприкосновения» принципов коммунистической морали и нравственных поучений ислама идет и по другим направлениям. «Ислам учит, что каждый человек должен заниматься нравственным самовоспитанием,— говорил в проповеди имам одной из мечетей Татарии.— Об этом же говорят сторонники коммунистического учения. Недавно в одном научном журнале крупный ученый-медик писал, что, если человек наполнился гневом, видя чей-небудь дурной поступок, он должен сделать три глубоких вдоха и, после того как пройдет возмущение, приниматься за дело. Наш пророк в свое время сказал следующие слова: «Если гнев охватит вас в то время, когда вы стоите,— сядьте; если в то время, когда сидите,— лягте»».

Сопоставив два высказывания, служитель культа делает выводы о том, что... учение ислама и коммунизма почти во всех моральных вопросах тождественны, а следовательно, не только мусульмане должны активно участвовать в строительстве коммунизма, но и «сторонники идей коммунизма мусульманских национальностей» могут и должны соблюдать предписания ислама. Вот даже к каким выводам приходит мусульманское духовенство.

Маркс отмечал, что сущность человека есть совокупность всех общественных отношений [1]. Из этого следует, что человек социалистического общества в своем сознании и поведении так или иначе отражает социальные отношения своего общества. Не могут находиться вне этих отношений и верующие люди. Элементы коллективистского сознания, коллективистских чувств все глубже проникают и в их среду. А это в свою очередь не может не сказаться на

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 3.

взглядах и высказываниях религиозных проповедников.

В проповедях мусульманских служителей культа теперь все чаще говорится не только об обязанностях человека перед богом, но и об обязанностях человека перед социалистическим обществом, перед коллективом. Более того, иные богословы даже утверждают, что ислам — самая коллективистская религия. Этот «коллективизм» ислама они видят в совместных молитвах. Выступая на Ташкентской конференции мусульман СССР «За единство и сотрудничество в борьбе за мир, против империалистической агрессии», один из богословов, касаясь этого вопроса, говорил: «Непрерывные собрания мусульман пять раз в сутки для молитвы в мечети, совместные моления каждую пятницу в соборных мечетях и два раза в году по случаю больших праздников — курбан-байрам и ураза-байрам, а также самое большое собрание мусульман для паломничества в Мекке — во всем этом ярко выражено коллективистское содержание нашей религии, объединяющей сердца, сплачивающей мусульман в едином братстве, формирующей в них солидарность и взаимопомощь».

Таким образом, «коллективизм» ислама заключается лишь в том, что люди верят в единого бога и его посланника и совместно молятся.

Но ведь каждый из участников совместных молебствий печется о личном спасении в судный день, просит о даровании лично ему райского блаженства в потусторонней жизни. Богословы наставляют паству, что не только молитва, но и всякая подготовка к встрече с богом должна вестись каждым отдельно, в надежде только на свои индивидуальные силы. Имам-хатыб Ленинградской соборной мечети Ф. Саттаров в проповеди 13 февраля 1970 г. подчеркивал: «Пророк Мухаммед говорил: «Эй люди, принадлежащие к племени Курейш, каждый из вас сам должен откупиться перед богом. Я как пророк никому из вас не могу помочь. Эй, люди Маннафа, вы тоже откупайтесь от мучений каждый за себя, никому я не могу помочь. И ты брат Анас, и ты родная София, и ты моя дочь Фатима. Из земных богатств вы можете просить что хотите, но на том свете каждый будет

отвечать за себя»». Приведя это предание, имам делал вывод: «Следовательно, каждый мусульманин должен готовиться к ответу перед богом один. Сам должен подготовить себя к этому часу».

Так мусульманские проповедники, вопреки своим утверждениям о «коллективистском» характере ислама, вынуждены на каждом шагу вступать в противоречие со своими собственными высказываниями, ибо в ином случае нужно было бы отказаться от существа своего вероучения. А этого они сделать не могут.

Проповедуемый мусульманскими богословами «исламский коллективизм» практически оборачивается чистейшим индивидуализмом, стремлением каждого добиться личного спасения. Ведь ислам учит, что каждый человек должен заботиться в первую очередь о себе, о своем спасении. Хотят того или не хотят проповедники ислама, но такое учение способствует насаждению эгоизма, индивидуализма, против чего всегда выступала коммунистическая мораль.

Одним из важнейших требований коммунистической морали является принцип: каждый за всех, все за одного. Его реализация способствует утверждению в нашей жизни принципа коллективизма, ответственности каждого человека за все и за всех. «...Мы будем работать годы и десятилетия не покладая рук...— говорил В. И. Ленин,— чтобы вытравить проклятое правило: «каждый за себя,' один бог за всех»... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех»...» [1].

Коммунистическая мораль возникла не на пустом месте. Она вобрала в себя все прогрессивное в области нравственности, что было выработано народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками.

Это простые нормы нравственности и справедливости, представляющие собой элементарные требования человеческого общежития. Возникнув в ходе общественно-исторической практики, ряд общепринятых моральных норм был лишь зафиксирован в религиозной морали.

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 108.

Это и те нравственные нормы, которые были выработаны пролетариатом в процессе его формирования и борьбы против эксплуататорского строя, против угнетения человека человеком, против частной собственности на орудия и средства производства.

Это, наконец, нравственные нормы, выработанные советскими людьми в ходе коммунистического строительства. Совокупность указанных нравственных норм и составляет кодекс коммунистической морали, сформулированный в Программе КПСС. В этих нормах нет ничего от религии. Ни христианство, ни ислам, никакая другая религия не имеют никакого отношения к их возникновению, становлению и утверждению в нашем обществе.

Если внимательно проанализировать выступления мусульманских служителей культа, посвященные вопросам морали, то можно убедиться в том, что в подавляющем большинстве они посвящены элементарным требованиям человеческого общежития, простым нормам нравственности и справедливости. Для примера можно привести отрывок из проповеди имама Чистопольской мечети Н. Мофлюханова, прочитанной в январе 1968 г. Рассказав подробно об основных обязанностях мусульманина, в числе которых после пяти главных обязанностей, являющихся столпами веры, названы уважение родителей, дружеские отношения между людьми, имам перешел к перечислению тех поступков, которые осуждаются мусульманской религией. «В учении ислама,— заявил он,— запрещаются опьяняющие напитки, хотя бы в малом количестве, свинина, мясо животного, заколотого без призывания аллаха, мясо павших животных, прелюбодеяние, ложь, сплетни, клевета, использование в разговоре неприличных слов, двуличие, нарушение обещания и клятвы, нанесение людям незаслуженных обид, взяточничество, взимание незаконных надбавок сверх государственных цен, воровство, леность, тунеядство, обнажение срамных частей тела... заносчивость...»

Перечислив все эти запрещенные деяния, имам прибегнул к обычным для ислама угрозам адскими муками для тех, кто не будет следовать моральным предписаниям религии. «Человек, боящийся

аллаха,— провозгласил он,— выслушав проповедь, быстро исправится, а тот, кто не внемлет проповеди, дурной человек. Он скоро пойдет в адский огонь. Там, как ни велики будут мучения, смерти ему не будет. Он вечно будет мучиться, и никто его не пожалеет».

Примерно в таком же плане строят свои проповеди и другие мусульманские служители культа. Ссылаясь на простые нормы нравственности и справедливости (такие, как запрещение воровать, пьянствовать, требование почитать старших и т. д.), заимствованные исламом из тысячелетнего опыта народных масс и зафиксированные в Коране и хадисах, служители культа утверждают, что ислам впервые в истории человечества покончил с варварством, что именно мусульманская религия сдерживает зоологический индивидуализм людей и способствует распространению коллективизма и взаимопомощи. «Пока аллах не ниспослал на землю священные книги и не направил к людям своих посланников,— говорил один из служителей культа Узбекистана,— разные народы жили в дикости и несправедливости, дело доходило до людоедства. Только даровав людям Коран, аллах вывел их из мрака и неведения. Ислам сделал человеческое общество цивилизованным и гуманным».

Подобные претензии мусульманских проповедников не имеют под собой почвы. Наукой давно доказано, что многие нормы нравственности, которые проповедуются исламом, существовали задолго до возникновения религии. «В действительности,— писал В. И. Ленин,— «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна» [1].

Обращаясь к простым нормам нравственности и справедливости, мусульманские проповедники извращают их смысл, ибо предлагают поступать в соответствии с названными нормами не потому, что те продиктованы целесообразностью и необходимостью регулировать человеческие отношения, а потому, что таким образом будто бы можно заслужить милость аллаха и обеспечить себе райское существование в загробной жизни. Даже следование простым нормам

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.

нравственности и справедливости связывается со сверхъестественной силой и с эгоистической мыслью об индивидуальном спасении.

Акцентируя внимание на простых нормах нравственности и справедливости, служители культа гораздо реже обращаются к нравственным нормам, выработанным советским народом в ходе коммунистического строительства, и почти не касаются тех норм, которые выработаны пролетариатом в ходе борьбы за ликвидацию эксплуататорского строя.

Чем объясняется такой дифференцированный подход мусульманского духовенства к нравстенным нормам, вошедшим в моральный кодекс строителя коммунистического общества?

В первую очередь тем, что многие моральные нормы, освященные в свое время исламом и закрепленные в мусульманских «священных» книгах,— это нормы, сложившиеся в эксплуататорском обществе, отразившие интересы господствующих классов. Вполне понятно, что они никак не согласуются с нравственными принципами, выработанными трудящимися в борьбе против несправедливого социального строя. Если обратиться к любому нравственному принципу, выработанному пролетариатом,— будь то непримиримость ко всем формам эксплуатации и угнетения или солидарность трудящихся всех стран, пролетарский интернационализм,— они прямо противоречат духу и принципам ислама. Что же касается простых норм нравственности и справедливости, то они в известной степени нейтральны по отношению к классам. Хотя эти нормы «при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались» [1] и не получили всеобщего признания, однако они были в народном обиходе во все эпохи, и часть из них была взята на вооружение исламом много столетий назад.

Мусульманское духовенство не может проходить мимо нравственных норм, сложившихся в советское время. Эти нормы, а также простые нормы нравственности являются объектом особого внимания служителей ислама, одновременно замалчивающих

[1] «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 119.

нравственные принципы, выработанные в процессе борьбы пролетариата за свою свободу. Но такое избирательное отношение мусульманского духовенства к нравственным нормам нового общества еще раз показывает несостоятельность утверждений апологетов ислама о единстве коммунистических моральных принципов с исламскими, доказывает их прямую противоположность.

Несостоятельность подобных утверждений отчетливо проявляется, когда духовенство обращается к специфическим мусульманским принципам, о которых при всем желании не возможно сказать, что они созвучны принципам коммунистической морали. Примером тому может служить, например, проповедь непротивления злу насилием. Она звучит и по сей день с мимбаров мечетей. Казы Камал Баширов, выступая 1 января 1968 г. перед верующими в Уфимской соборной мечети, говорил: «Наша священная религия учит: «На добрые деяния отвечай добрым делом, на злонамеренные дела также отвечай добром»». По логике мусульманского проповедника, получается, что необходимо делать добро и тем, кто совершает антиобщественные поступки, кто борется против социалистического государства.

Такого рода поучения способны дезориентировать советских людей в борьбе с нарушителями правил социалистического общежития, насаждать примиренческое отношение к различного рода недостаткам. Они прямо противоположны принципам коммунистической морали, требующей от строителя нового общества быть непримиримым к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству, к национальной и расовой неприязни.

Доказывая единство коммунистических моральных принципов и исламских нравственных поучений, служители культа утверждают, будто и коммунизм и ислам в равной степени требуют от людей высоконравственного поведения. Разница якобы состоит лишь в том, что коммунизм обещает вознаграждение за добро в земной жизни, а ислам — сверх того еще и в загробной. В этих утверждениях отчетливо обнаруживается стремление не только «облагородить» исламские моральные принципы, сделать их более

привлекательными в глазах верующих, но и убедить людей, что нравственные поступки во имя аллаха более благородны по духу и более ценны по последствиям.

Обращаясь к проблемам нравственности, мусульманские служители культа стремятся настойчиво подчеркивать «пользу» веры и «вред» неверия. В их интерпретации получается, что нравственность любого, в том числе и социалистического, общества держится на вере в бога, ислам же выглядит как главное средство оздоровления нравов.

Служители культа нередко подменяют понятия совести и веры и таким образом пытаются убедить людей в том, что только верующий человек способен совершать нравственные поступки. «В исламе пять основных заповедей,— говорилось в одной из проповедей, произнесенных в Уфимской соборной мечети.— Первая заповедь — это вера в аллаха. Вера — это совесть. Совесть должен иметь каждый человек. Если человек имеет совесть, то ему и в этом мире живется хорошо и в будущей жизни есть надежда. Такой человек надежен во всем. Он никогда не возьмет чужого, никогда не поступит плохо по отношению к другому человеку. Человек без доброй совести — ненадежный человек».

Не ограничиваясь такого рода аргументами, мусульманские служители культа идут еще дальше. Они изображают мечеть как организацию, ведущую борьбу с различными пороками, обеспечивающую нравственное совершенствование людей. «Мечеть — это место молитвы, место поклонения аллаху,— говорил имам-хатыб Казанской соборной мечети Х. Яруллин 21 декабря 1968 г.— Здесь нет места разным ссорам, обману. Здесь люди призываются к дружбе, равенству, счастью. Это место получения моральных поучений, нравственного усовершенствования».

Отсюда делаются весьма определенные выводы: только постоянная связь с мечетью, усердное выполнение всех предписаний и обрядов ислама помогают человеку стать нравственно чистым. Разрыв же связей с религиозным объединением, невыполнение требований вероучения делают человека безнравственным.

Этот нехитрый прием с подменой понятий нужен прежде всего для того, чтобы укрепить в людях религиозную веру, не допустить отхода верующих от религии.

Правда, мусульманское духовенство понимает, что нелепо отрицать, будто среди неверующих нет людей высоконравственных. Вынужденные признать это, служители ислама вместе с тем подчеркивают, что для дальнейшего морального совершенствования личности религия необходима. Нравственное совершенствование личности возможно будто бы только в исламе.

Мусульманское духовенство разрабатывает соответствующие рекомендации на этот счет, указывает на наиболее действенные с его точки зрения средства самовоспитания. «Всем известно, что низменные страсти человека являются его большим врагом, и учение ислама воспитывает человека, укрощая его низменные страсти,— говорил в своей проповеди по случаю ураза-байрама 1 января 1968 г. имам-хатыб Чистопольской мечети Н. Мофлюханов (Татарская АССР).— Ежедневные пятикратные молебствия, пост в месяц рамазан, пожертвования нуждающимся (садака) являются надежными средствами самовоспитания человека. Только тот, кто исправился путем самовоспитания, будет избавлен от мук, а человек, погрязший в пороках и грехах, без сомнения, погибнет и с позором останется в аду».

Среди средств, способствующих нравственному совершенствованию человека, духовенство считает наиважнейшими молитву и изучение «священной» книги Корана. Богословы так обосновывают необходимость молитвы и изучения Корана: молитва служит поддержанию веры лишь у самого молящегося, а изучение Корана еще более важно, так как способствует распространению религиозных идей среди окружающих, их нравственному росту, ибо тот, кто постиг «мудрость» Корана, должен нести его идеи в массы, учить ближних «истинам» ислама, проповедовать «слово аллаха».

Нравственное совершенствование человека, к которому зовут мусульманские богословы, замыкает человека в круг личных переживаний, в узкий мирок

религиозной веры. Конечная его цель, по словам служителей культа, в том, чтобы подготовить верующего к встрече с аллахом на том свете. Исламская мораль исходит из низкого уровня нравственного сознания человека. На каждом шагу она грозит верующему карами аллаха, держит над ним дамоклов меч «страшного суда». Иначе говоря, она исходит из того, что поведение человека определяется внешним принуждением, боязнью кары аллаха. Здесь отчетливо проступает неверие в возможности человека, в действенность благородных побудительных мотивов, в способность человека совершать высоконравственные поступки, а тем более выполнять свой долг без внешнего принуждения. Нравственное совершенствование в таком понимании фактически нужно для того, чтобы предстать перед богом на «том свете» «чистым», чтобы избежать адских мук и заслужить себе место в раю.

В результате подобного нравственного воспитания мусульманам на протяжении веков прививались такие качества, как униженность, трусость, смирение, пассивность, раболепие, способствовавшие сдерживанию недовольства трудящихся своим угнетенным состоянием, побуждавшие их довольствоваться существующим положением и тем самым содействовавшие сохранению эксплуататорского строя.

В условиях социалистического строя нравственные установки ислама сдерживают растущую социальную активность людей, мешают полному развертыванию способностей верующего человека, ограничивают его интересы и потребности, воспитывают в нем приспособленческую психологию.

Коммунистический нравственный идеал зовет советских людей не к смирению и терпению, а к активной борьбе за построение коммунизма. Чем больший вклад вносит человек своей деятельностью в это общенародное дело, тем выше нравственная оценка его дел.

Анализ выступлений современных мусульманских проповедников показывает, что в условиях социалистического общества исламские нравственные поучения заметно меняются, что свидетельствует о земном,

а отнюдь не о «божественном» характере мусульманской морали. При этом следует учитывать, что меняются лишь некоторые стороны этих поучений, иногда достаточно существенные. Однако сердцевина их остается незатронутой.

Современные мусульманские богословы, как и в прошлые века, предлагают правоверному во всем руководствоваться идеей бога, всю свою деятельность посвящать аллаху. Во имя аллаха люди должны трудиться, во имя аллаха делать людям добро, даже «любить другого или ненавидеть его следует также только ради аллаха»[1]. По-прежнему проповедники ислама говорят о вечности и абсолютности исламской морали, ее богоустановленности. Проповедь богобоязненности, смирения, поисков счастья не на земле, а на небе по-прежнему остается на вооружении мусульманского духовенства. Она снижает общественную активность верующих, обрекает их на пассивность, на бесплодное ожидание милостей с неба.

Ислам и женщина

Мы уже отмечали, что значительную эволюцию претерпели за годы Советской власти позиции служителей мусульманского культа в отношении женщины, ее положения в обществе.

На протяжении многих веков ислам принижал женщину, считая ее существом второго сорта, и не только потому, что она создана якобы из ребра мужчины, но и потому, что первый мужчина, согласно Корану и хадисам, создан богом, а первая женщина — лишь архангелом. Наконец, первая женщина объявлялась виновницей грехопадения Адама. Именно этим обосновывало мусульманское духовенство неравноправное положение женщины, откровенно провозглашенное Кораном. Коран утверждает: «Мужья стоят над женами за то, что аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества» (4, 38). И при свидетельствовании в суде и при наследовании имуще-

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 1, стр. 24.

ства права мужчины в два раза превышают права женщины (4, 175).

Свидетельством унижения исламом женщины может служить и предписание о том, что мужчина-мусульманин еще может жениться на тех, кто раньше получил «писание», т. е. на иудейках и христианках, но женщина, исповедующая ислам, не может позволить себе выйти замуж за человека, который является последователем другой религии, или за неверующего.

Одним из положений мусульманского права и мусульманской морали, унижающих человеческое достоинство женщины, является установленное Кораном право каждому правоверному иметь до четырех жен. Правда, шариат требует от мужчины, чтобы он одинаково относился ко всем своим женам. «Муж должен жить поровну со всеми своими женами,— говорится в мусульманских источниках,— ибо пророк сказал: «Человек, имеющий двух жен и пристрастный к одной из них, будет в день суда склоняться на одну сторону»»[1].

Однако вряд ли подобная оговорка что-нибудь меняет, ибо такого рода предписания никогда не соблюдались мужчинами-мусульманами. Впрочем, не соблюдалось и предписание иметь до четырех жен.

История свидетельствует о том, что в прошлом власть имущие, считавшие себя знатоками Корана, имели в своих гаремах такое количество жен и наложниц, которое исчислялось двух- и даже трехзначными цифрами.

Мусульманские богословы заявляют о том, что многоженство-де и неравноправное положение женщины существовали и до ислама, что Мухаммед вынужден был считаться с той практикой, которая существовала до него на протяжении длительной истории человечества.

С таким доводом, видимо, можно было бы согласиться, но... Но ведь Коран, по вероучению ислама, ниспослан самим аллахом и все его установления вечны и неизменны, они «рассчитаны на все времена

[1] «Хидая». Комментарии мусульманского права, т. 1, кн. 2. Ташкент, 1893, стр. 227.

и на все народы». Из этого следует, что традиционные нормы, существовавшие лишь на определенной стадии развития общества, ислам узаконил на вечные времена и освятил их именем аллаха.

Однако нельзя согласиться с утверждением некоторых авторов, будто «Коран не предоставляет женщине никаких прав» [1]. Коран предоставляет женщинам известные права в семье, в вопросах наследования, право свидетельствования в суде, определяет серьезную ответственность тех, кто необоснованно обвиняет женщину в неверности мужу. Однако права эти урезаны, не идут ни в какое сравнение с правами мужчин, которые, по Корану, являются полновластными хозяевами по отношению к женщине.

Современные богословы иногда утверждают, что в исламе женщина стоит на высоте, а когда атеисты говорят об унижении женщин, то они попросту неверно толкуют положения Корана и шариата. Но ведь именно так понимали положения Корана на протяжении многих столетий сами мусульмане. Например, положение Корана о том, что женщина, по крайней мере, в два раза ниже мужчины, настолько глубоко вошло в быт, что один из шахиншахов X века, Адуд ад-Даула, по свидетельству известного средневекового мусульманского проповедника Ибн ал-Джаузи, на каждого рожденного ему сына жертвовал 10 тысяч дирхемов милостыни, а на каждую дочь — 5 тысяч дирхемов [2].

Можно привести свидетельство, относящееся к XI веку. В древнем памятнике восточной культуры «Сиасет-Намэ» женщины именуются не иначе как «людьми покрывала», у которых «нет совершенства разума» [3]. Поэтому объявляется несчастьем положение, когда мужчина попадает под влияние женщины. «Мы вспомним относительно этого лишь немного,— пишет автор,— чтобы взгляд упал на многое. Первым мужем, подпавшим под приказание женщины, отчего и испытал вред зла и впал в невзгоды и трудности, был Адам, ему мир! Подчиняясь приказу Евы, он

[1] См., напр., *Н. Эфендиева.* Обрести права. «Наука и религия», 1969, № 12, стр. 41.

[2] См. *А. Мец.* Мусульманский ренессанс. М., 1966, стр. 33.

[3] «Сиасет-Намэ», стр. 179.

поел пшеницы, за что его изгнали из рая; двести лет он плакал, пока всевышний не сжалился над ним и не принял его раскаяния» [1].

И в более поздние времена подобные взгляды оставались неизменными. В предреволюционные годы в странах с тюркоязычным населением был в широком ходу своеобразный мусульманский кодекс приличий, созданный Мухаммедом Садыком Кашгарским, в котором, по его собственному свидетельству, «собраны все известные и общеупотребительные правила вежливости, заимствованные из самых достоверных книг шариата и тариката» [2]. Именовался этот кодекс «Адаб-уль-Салихын» («Приличия благочестивых»). В нем говорилось, что «муж должен хорошо обращаться со своей женой, быть к ней приветливым, без причин не ссориться и не гневаться. Этого требует снисходительность, потому что жена все равно что пленник, а к пленным следует относиться милостиво» [3].

Первейшая обязанность жены по этому кодексу следующая: «Жена не должна выходить из дома, не спросив на то разрешения мужа; без его позволения не должна ни пускать кого-либо в дом, ни тратить его деньги и имущество» [4]. Даже один из идеологов обновленческого крыла дореволюционного мусульманского духовенства, Атаулла Баязитов, призывавший мусульман решительно пересмотреть взгляды на многоженство, признавал, что, «по учению ислама, женщина сотворена физически и умственно слабее мужчины» [5].

Отмечая успехи женщин в борьбе за свое равноправие и ослабление зависимости от мужчины, этот либеральный богослов все же высказывал сомнение в полезности равноправия полов [6]. Он утверждал: «Призвание женщины — брак, состоянием в котором на нее возлагаются святые обязанности матери,

---

[1] «Сиасет-Намэ», стр. 179.

[2] «Сборник материалов по мусульманству», т. 2. Ташкент, 1900, стр. 24.

[3] Там же, стр. 49.

[4] Там же, стр. 50.

[5] *А. Баязитов.* Ислам и прогресс, стр. 77.

[6] См. там же, стр. 69.

хозяйки, подруги мужа, воспитательницы своих детей» [1].

Однако времена меняются. И в наши дни из уст служителей культа можно услышать иные речи: «Отрицать в условиях современной действительности право женщин вести борьбу за достойные человека условия существования значило бы обнаружить или собственную заинтересованность в сохранении порочной практики, или неспособность сделать выбор между служением делу подлинного гуманизма и солидарностью с реакционными антинародными силами». Так говорил в своем выступлении на Ташкентской конференции мусульман имам-хатыб Омской соборной мечети Рахимов. Что же он понимает под порочной практикой, которую, по его мнению, осуждает ислам? Под ней он разумеет покупку невесты, ношение паранджи, многоженство, неравноправие женщины и другие формы унижения представительниц «слабого пола».

Для того чтобы два мусульманских богослова, находящиеся, по существу, в одном и том же лагере — лагере модернистов, могли высказать по одному и тому же вопросу прямо противоположные взгляды, нужны были коренные преобразования в социальной структуре общества, нужна была победа социализма.

За годы Советской власти коренным образом изменилось положение женщины в нашей стране, в том числе и в республиках Советского Востока. Теперь женщина — равноправный член общества, активный строитель коммунизма. Нет такой сферы политической, экономической, общественной жизни, где бы она не вносила своего весомого вклада в дело строительства коммунизма.

Если обратиться, например, к данным по Туркменской ССР, то окажется, что в этой республике среди специалистов различных отраслей народного хозяйства и культуры, имеющих высшее и среднее специальное образование, женщины составляют 45 процентов. Около 800 женщин являются руководителями промышленных предприятий, цехов и участков,

---

[1] *А. Баязитов.* Отношения ислама к науке и к иноверцам, стр. 76.

2000 женщин — бригадирами, заведующими фермами и другими руководящими работниками колхозов. В системе органов здравоохранения и народного образования женщины составляют большинство. Выдающиеся заслуги женщин республики в коммунистическом строительстве получили высокую оценку Коммунистической партии и Советского правительства. 57 из них присуждено почетное звание Героя Социалистического Труда, многие тысячи награждены орденами и медалями Советского Союза.

Значительную роль играют женщины в общественно-политической жизни республики. Более 40 женщин работают секретарями горкомов и райкомов партии, 110 избраны депутатами Верховного Совета СССР и Верховного Совета Туркменской ССР, а более 8 тыс.— депутатами местных Советов депутатов трудящихся. 320 женщин избраны председателями, заместителями председателей и секретарями городских, районных, сельских и поселковых Советов.

Успехи в деле раскрепощения женщин Советского Востока поистине огромны. Но путь к этому был очень труден. В первые годы Советской власти женщину, посмевшую снять паранджу, включившуюся в общественную деятельность, выразившую желание учиться, темные люди, науськиваемые религиозными фанатиками, подвергали осмеянию, травили, нередко забрысывали камнями, как ослушницу предписаний ислама. В Средней Азии в те годы было убито несколько тысяч женщин-активисток, которые осмелились снять ритуальные покрывала, пойти учиться в ликбез.

Организатором и вдохновителем выступлений против раскрепощения женщин было реакционное мусульманское духовенство. Его представители, ссылаясь на Коран и Сунну, заявляли, что отказ от ношения ритуального покрывала, учеба и общественная деятельность женщин противоречат воле аллаха. Листовки, распространявшиеся в Средней Азии мусульманским духовенством и басмачами, призывали: «Большевики нарушают законы шариата. Они открывают ваших жен. Смерть неверным!» [1].

[1] См. *С. Любимова.* В первые годы. М., 1958, стр. 19.

В наши дни мусульманское духовенство старается не вспоминать о подобных фактах. Более того, сейчас оно пытается представить ислам как религию, всегда стремившуюся к освобождению женщины, к ее образованию, ратовавшую за участие женщин в общественной деятельности. «По шариату мужчина и женщина совершенно равноправны,— говорилось в докладе «Социальные элементы в исламе и современность», сделанном на Ташкентской конференции мусульман в октябре 1970 г.— С точки зрения социальной женщина и мужчина по исламскому шариату рассматриваются как наместники бога на земле, которые должны обрабатывать землю, строить цивилизацию и жить в счастье, согласии и мире в качестве детей единого аллаха» [1].

Будучи не в состоянии игнорировать факты многовекового женского затворничества, которые на протяжении длительной истории освящались мусульманским духовенством со ссылками на Коран и Сунну, современные богословы объясняют такое положение отходом от подлинного ислама. Они говорят о том, что предоставленное шариатом женщине полное равноправие в гражданской, социальной, политической и нравственной жизни «было отнято у женщин в связи с ростом невежества, утверждением деспотизма, отдалением мусульман от содержания учения первоначального ислама» [2].

В новых условиях наблюдается пересмотр отношения мусульманского духовенства к такому унизительному для женщин обычаю, как калым, веками бытовавшему в мусульманской среде. Он объявляется теперь религиозными центрами суеверным обрядом, привнесенным в ислам и заслуживающим осуждения. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана относит лиц, дающих и принимающих калым, к категории «нечистых верующих» [3].

Красноречивым свидетельством того, что мусульманские служители культа не могут не считаться с новым положением женщин в обществе, с изменением религиозного сознания верующих, является пере-

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 3-4, стр. 35.
[2] Там же.
[3] «Мусульмане Советского Востока», 1970, № 2, стр. 9.

смотр их отношения к ношению ритуального женского покрывала (паранджа, чачван). В течение многих столетий духовенство, ссылаясь на Коран, стояло строго на страже этого обычая. Ослушниц мусульманские служители культа считали даже заслуживающими смерти. Однако в наше время, как уже отмечалось, взгляды служителей культа изменились.

Несмотря на яростное сопротивление духовенства и религиозных фанатиков, женщины-мусульманки уже в первые годы Советской власти тысячами стали отказываться от затворничества, и остановить этот процесс было невозможно. Естественно, перед руководителями религиозных центров со всей остротой стал вопрос о пересмотре отношения к паранджe. Пленум Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана вынужден был признать, что ни в Коране, ни в хадисах нет прямого указания на необходимость ношения паранджи или чачвана. Имеющиеся же на этот счет предписания Корана предлагают женщинам закрывать лишь «соблазнительные части», а для этого достаточно и обычной одежды.

В фетве Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, изданной в 1948 г., говорилось, что «книги хадисов указывают и требуют того, чтобы считать первой обязанностью (фарз) обучение женщин и мужчин наукам и знаниям». А чтобы женщины могли учиться и трудиться в общественном производстве, они «должны быть свободными, следовательно, должны ходить открытыми», т. е. не носить ритуального покрывала.

Многие мусульманские богословы сегодня пытаются представить решения Духовного управления об отмене обязательного ношения ритуальных покрывал чуть ли не как решающую веху на пути эмансипации женщины. Как заявил заместитель председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана И. Саттиев, «это решение дало возможность женщинам широко участвовать в различных областях общественной жизни Средней Азии».

Мысль о том, что новая позиция мусульманских религиозных центров, духовенства по вопросам, связанным с отношением ислама к женщине, оказала

чуть ли не решающее воздействие на процесс раскрепощения женщин Советского Востока, отчетливо звучала на Ташкентской конференции мусульман в 1970 г. «Исходя из глубокого понимания гуманной миссии религии ислама,— говорил в своем выступлении имам-хатыб ташкентской мечети «Мирза-Юсуф» Пулатжан Абдурахимов,— Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана в разные годы своей деятельности на основе принципов священного Корана и изречений пророка издало ряд фетв, разъясняющих истинную концепцию ислама в отношении к женщине, что подготовило почву для освобождения женщины от векового затворничества».

Служители мусульманского культа не учитывают одно обстоятельство: Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана было создано в 1943 г., и, следовательно, его фетвы могли появиться лишь после этой даты, а раскрепощение женщин произошло гораздо раньше. Уже в предвоенные годы в этом отношении были достигнуты огромные успехи. Подавляющее большинство женщин включилось в общественное производство. Началась упорная работа по ликвидации неграмотности. Тысячи и тысячи женщин Советского Востока приняли активное участие в общественно-политической жизни страны.

Стремление учитывать настроения женщин обнаруживается ныне почти в каждой проповеди мусульманских служителей культа. Один из представителей духовенства Башкирии даже в своей праздничной проповеди в честь ураза-байрама 21 декабря 1968 г. нашел возможным коснуться этого вопроса. Он говорил, что, «если верующий, возможно быстрее помолившись, придет к себе домой, поможет жене в домашних делах: принесет воды, занесет дров, закупит на базаре продуктов, купит в магазине хлеба, приведет в порядок двор,— все эти дела сторицею заменят все добавочные молитвы и будут богоугодным делом».

Говоря о необходимости быть внимательным к женщине, богословы отнюдь не подрывают основ мусульманского вероучения. Они надеются таким путем привлечь на сторону мечети как можно больше женщин, учитывая, что именно через женщин можно ока-

зывать наиболее эффективное воздействие на подрастающее поколение.

Сейчас мусульманское духовенство приводит предания о том, что пророк Мухаммед сам убирал свой дом, сам готовил пищу и помогал женщинам в домашней работе, ухаживал за гостями, помогал женщинам доить коров, чинил свою одежду и обувь. Довольно часто об этом рассказывается с мимбаров мечетей, а еще чаще — во время непринужденных бесед в домах верующих при совершении религиозных обрядов.

Обращаясь к верующим, особенно в дни мусульманских праздников, когда их слушают не только мужчины, но и женщины, мусульманские служители культа стараются подчеркивать, что любовь аллаха может заслужить только тот, кто создает хорошую семью, хорошо относится к своей жене. Вполне понятно, что в первую очередь подобные проповеди направлены к женщинам.

Новые социально-экономические и политические условия, в которых протекает деятельность мусульманских религиозных организаций, побудили их с иных позиций, чем прежде, взглянуть не только на положение женщины в обществе и в семье, но и на ее роль в религиозной жизни. В частности, по-иному решается вопрос о возможности посещения женщинами мечети.

В нашей литературе подчас неверно утверждается, что женщины «никогда не посещали мечети, не имели своих религиозных общин, не играли никакой роли в духовной жизни» [1]. Это не так. В раннем исламе женщина молилась в мечети вместе с мужчинами. Были даже женщины богословы и проповедники. В IV веке хиджры (X век) в Багдаде славилась проповедница Маймуна бинт Сакула (ум. в 393/1002 г.) «с языком сладким в проповеди» [2]. Известностью пользовалась Карима из Мекки, которой удавалось, по свидетельству мусульманских авторов, преподать весь «Джами ас-Сахих» Исмаила Бухари за пять дней [3].

[1] См., напр., *Т. С. Сарымсаков.* Время и ислам. Грозный, 1968, стр. 95.

[2] *А. Мец.* Мусульманский ренессанс, стр. 267.

[3] См. там же, стр. 286.

Некоторые мусульманские авторы, в том числе и такой знаменитый, как Табари, считали вполне возможным, чтобы женщина занимала пост судьи. Имеются сведения, что в 306 (918) году на заседании халифского придворного суда председательствовала женщина [1]. В XIII столетии в Египте существовали женские мусульманские монастыри, во главе которых стояли настоятельницы, учившие монахинь Корану [2]. История мусульманства знает также женщин суфиев [3]. Другое дело, что такие явления всегда находили многочисленных и влиятельных противников среди мусульманского духовенства и рядовых правоверных, и в конце концов женщина-суннитка была удалена из мечети, а также на многие столетия отстранена от участия в общественной жизни и превращена в униженное и бесправное существо.

Не допуская женщину-суннитку в мечеть, мусульманское духовенство обосновывало эту позицию не только ссылками на многовековую традицию и на «нечистоту» женщин, но и на то, что совместная молитва верующих разного пола может отвлекать их мысли от бога, низводить мысли до уровня греховных.

В начале нынешнего столетия в связи с развитием капитализма в ряде районов традиционного распространения ислама в нашей стране и последовавшим вслед за этим вовлечением женщин в промышленное производство, а также под влиянием провозглашенного царским правительством права женщин принимать участие в выборах в Государственную думу (исламские деятели сразу же сообразили, что можно рассчитывать на голоса мусульманок) среди некоторых деятелей мусульманства стали раздаваться призывы «демократизировать» порядки в мечети. Вносились предложения разрешить женщинам участвовать в богослужениях, привлекать их к работе в религиозных организациях. С ликвидацией самодержавия на всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. была даже принята резолюция на этот счет.

После Великой Октябрьской социалистической революции, установившей полное равноправие жен-

[1] См. *А. Мец.* Мусульманский ренессанс,, стр. 193, 286.
[2] См. *В. В. Бартольд.* Ислам. Петроград, 1918, стр. 65.
[3] См. *А. Мец.* Мусульманский ренессанс, стр. 266.

щины с мужчиной во всех областях экономической, политической и общественной жизни, возросло стремление части духовенства к усилению влияния мечети на женщин. Это нашло отражение в приобщении женщины к непосредственному участию в жизни религиозных организаций. В 1919 г. одна из мусульманок — Мухлиниса Буби — была избрана в состав руководства Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири и на протяжении почти двух десятилетий принимала участие в обсуждении религиозных дел.

Если в первые послереволюционные годы различные собрания мусульманских богословов высказывались в том смысле, что женщины, так же как и мужчины, имеют право посещать мечеть, то Центральное духовное управление мусульман, находившееся в Уфе, в своей фетве от 15 сентября 1923 г. за № 372 высказало требование к мусульманкам, чтобы они регулярно молились в мечети. «В вере ислама,— говорилось в этой фетве,— является правильным и требуемым посещение всеми женщинами ислама — девушками, снохами и матерями — мечетей для прослушивания проповедей и наставлений, пятикратного намаза, дневных молений по пятницам и мусульманским праздникам. Поскольку все взгляды и версии, противоположные вышеуказанному, являются несостоятельными и отрицательными, Духовное управление предлагает не принимать их во внимание».

В настоящее время в ряде районов страны женщина является желанной в мусульманском храме. Многое здесь зависит от руководителей мечети, от количества верующих. В мечеть Челябинска женщин, например, не пускают, а в мечеть Троицка Челябинской области их зазывают.

Мусульманское духовенство допускает уступки женщине и в некоторых других вопросах религиозной жизни. В прежние времена по традиции при совершении религиозных обрядов на дому у верующих присутствие женщины считалось недопустимым. Сейчас положение иное. Во многих районах Поволжья религиозные обряды совершаются не только в присутствии женщин, но некоторые имамы даже

обращаются к старшим в доме с вопросом: почему дочери и снохи отсутствуют на маджлисе?

Ортодоксальный ислам, как уже было отмечено, разрешает мусульманину жениться на христианке и иудейке. Это разрешение не распространялось на мусульманку, которой надлежало выходить замуж только за единоверца. В прежние годы служители культа тщательно следили за неукоснительным выполнением этого предписания. В последнее время из него делается все больше исключений. И это неудивительно. Смешанных браков становится все больше. И многие служители культа смотрят на эти браки спокойно, не отказываются, если к ним обращаются с просьбой совершить религиозный обряд бракосочетания.

Признавая равноправие женщин, «санкционируя» уже давно завоеванные ими права, разрешив женщине посещать мечеть, служители культа, казалось бы, должны были выступать за преобразование семейного быта верующих, за ликвидацию веками существовавшего господствующего положения мужчины в семье. Но не тут-то было. Призывая мужчин помогать женам, уважать их, не бить их без «нужды», они всегда исходят все же из положения, что мужчина — хозяин дома, глава семьи, чья воля — закон для домочадцев. Здесь духовенство упорно стоит на страже архаических традиций, подчеркивающих приниженность мусульманки.

И совершенно права советская исследовательница С. Ю. Дадабаева, когда пишет, что «и в настоящее время пережитки веры в предопределенность быть лишь безропотной служанкой в доме сильнее всего проявляются в сознании и психологии женщин и ими же поддерживаются, многие женщины настолько привыкли к своему униженному положению в семье, как к предписанной богом судьбе, что даже не возмущаются и не ищут путей для изменения положения. В этом сказываются традиции многовекового господства ислама, охватившего все стороны быта верующих мусульман» [1].

[1] *С. Ю. Дадабаева.* Учение о предопределении и положение женщин в исламе. В сб. «Материалы научной конференции. Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма». М., 1968, стр. 54.

Глава четвертая

Изменения в богословско-догматических вопросах

Мы остановились на эволюции социально-нравственных вопросов в исламе, почти не касаясь «фундамента мусульманской веры» — ее догматики. А ведь веяния времени не могли не сказаться и на догматах — святая святых любой религии.

На изменения в догматике оказали значительное влияние огромные достижения науки, в особенности естествознания, разрушившие кораническую картину мира, в соответствии с которой центром Вселенной является Земля, показавшие несостоятельность концепции о единовременном акте творения всего сущего в мире, в том числе и человека.

Поскольку догматы ислама теснейшим образом связаны с коранической картиной мира, то разрушение последней привело к тому, что «фундамент веры» заколебался. Защитники религии были поставлены перед необходимостью нового толкования богословско-догматических вопросов с учетом происшедших изменений в представлениях о мире.

Другая причина «осовремененного», «рационалистического» истолкования догматических вопросов коренится в тех изменениях, которые произошли в XX столетии в общественной жизни. Современная эпоха характеризуется бурным социальным развитием. Под ударами революционных сил рухнул капиталистический строй сначала в России, а затем и в целом ряде других стран. Некоторые народы от патриархально-родовых или феодальных отношений перешли к социалистическим общественным отношениям, минуя стадию капиталистического развития. Образовалась мировая социалистическая система, противостоящая мировой системе империализма. Небывалого развития достигло национально-освободительное движение народов. Десятки стран сбросили с себя ненавистное ярмо колониализма. На новую,

более высокую ступень поднялось международное рабочее и коммунистическое движение.

В этих условиях меняются социальные позиции ислама, новое истолкование получают его нравственные принципы. Поскольку же социально-нравственные проблемы в исламе тесно переплетаются с догматическими установками, то их изменение не может не затрагивать и самого «фундамента веры».

Каковы же основные догматы ислама? Как они толковались прежде и какие изменения вносятся в их истолкование в наши дни?

Характеризуя вероучение ислама, казанский мулла Галимджан Баруди, впоследствии ставший во главе всех мусульман России, в брошюре «Основы ислама», изданной в 1906 г., писал, что оно покоится на следующих семи основных догматах:

1. Я верую в бога.
2. Верую во всех ангелов божиих.
3. Верую во все книги божии.
4. Верую во всех посланников божиих.
5. Верую в то, что этому миру наступит конец и будет кончина света.
6. Верую, что доброе и дурное происходит по предопределению божию.
7. Верую в воскресение мертвых [1].

Для того чтобы дать общее представление о происходящих в исламе процессах обновления догматических положений, остановимся на рассмотрении вопроса об эволюции двух основополагающих догматов — о несотворенности Корана и о божественном предопределении, а также попутно коснемся новых толкований, даваемых современным духовенством ряду других догматических проблем.

Истины Корана уточняются

В условиях общего кризиса религии, ослабления религиозной веры среди религиозных деятелей получает все большее распространение убеждение, что верующие должны стараться глубоко разобраться в

[1] См. *Г. Баруди.* Основы ислама, стр. 6—7.

«истинах» религии, стремиться к тому, чтобы стать «сознательными верующими».

В прежние времена мусульманское духовенство делало ставку на слепую бездумную веру, на простое заучивание стихов из Корана, без осознания их смысла и содержания. Обряды и молитвы предлагалось выполнять, не задумываясь над их смыслом. О тех, кто пытался рассуждать о смысле молитв и их рациональном значении, весьма определенно высказывался аль-Газали. «И величайшую глупость и невежество проявляли те,— писал он,— кто хотел рациональным путем извлечь из поклонений какую-то философскую мудрость или полагал, будто о них говорится как об основанных на соглашении, а не как о содержащих в себе божественную тайну...» [1].

Поскольку проповедники ислама считали, что ум человека не может постичь «истин» Корана, то категорически запрещалось толковать стихи этой «священной» книги. По свидетельству ас-Самарканди, когда праведный халиф Омар увидел у одного человека Коран, в котором рядом с каждым стихом было приписано соответствующее толкование, он «собственноручно порезал Коран на кусочки». В свое время в широком ходу было изречение, приписывавшееся пророку Мухаммеду: «Тот, кто толкует Коран по собственному усмотрению, попадает в ад».

Однако подобные установки устраивали далеко не всех служителей культа. Они вносили затруднения в их деятельность. Поэтому не случайно у мусульманских богословов средневековья мы находим указание на то, что Коран, каким бы он совершенным ни был, не может ответить на все вопросы, возникающие у правоверных. Сунна тоже не может предусмотреть всех сложностей жизненных явлений.

Таким образом, признавалось, что не вся истина содержится в Коране и Сунне, и создавалась возможность для толкования тех или иных мест из «священной» книги мусульман. На первых порах толкование «священных» текстов допускалось лишь путем приведения к соответствующему месту из Корана

---

[1] Цит. по кн.: *С. Н. Григорян.* Из истории философии Средней Азии и Ирана VII—XII вв., стр. 254.

подходящих мест из «священного» предания. Впоследствии эти ограничения перестали приниматься во внимание. Толкования стали носить более вольный характер, в них все более учитываются «требования времени».

Современные богословы не только признают, но и подчеркивают определяющее влияние общественно-экономических условий на развитие различных религиозных поучений и мусульманского права — шариата, которые в прежние времена считались неизменными. «В связи с тем что в нашу эпоху коренным образом изменились социально-экономические и общественные отношения, возникла необходимость пересмотра или обновления ряда положений исламской юриспруденции — к такому выводу пришло большинство улемов-богословов исламских стран» [1],— пишет главный редактор журнала «Мусульмане Советского Востока».

В наши дни духовенство призывает верующих не ограничиваться механическим заучиванием наизусть отрывков из Корана, а добираться до сути его, размышлять над теми положениями, которые в них сосредоточены. «При чтении Корана нельзя ограничиваться простым механическим чтением, нужно вникать в его глубокое содержание... Содержание Корана и учение Мухаммеда противоречат тем суевериям, которые веками нагромождали лжебогословы в обычаи и верования мусульман, чем исказили учение пророка. Истинные верующие должны в этом разобраться» [2],— призывает мусульманский журнал.

В данном случае мусульманское духовенство исходит из целого ряда соображений. Прежде всего, создается видимость роста доверия к верующему. Ему как бы говорится, что в прежние времена верующий был малограмотным, не имел возможности самостоятельно разобраться в священном учении, нуждался в советчиках и толкователях, которые только и могли дать правильное разъяснение «священных» текстов. Теперь же иное дело. Современный верующий в достаточной мере образован и просвещен,

[1] Мусульмане Советского Востока», 1969, № 2, стр. 14
[2] «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 3, стр. 17.

чтобы самостоятельно разобраться в исламском вероучении и сделать из него правильные выводы для своей практической деятельности.

Подтверждая право каждого мусульманина быть толкователем вероучения, богословы рассчитывают таким путем привлечь внимание верующих к изучению религиозной литературы, без чего всякие разговоры о самостоятельном ее толковании остаются лишь разговорами. В этих призывах прослеживается стремление духовенства ослабить процесс «вымывания» религиозной идеологии из сознания верующих.

Попытки духовенства приобщить верующих к изучению «священных» книг продиктованы и нежеланием знакомить правоверных с толкованиями «священных» текстов богословами прежних эпох, ибо эти толкования слишком откровенно оправдывают эксплуататорский строй.

Кроме того, сопоставление толкований «священных» текстов в прежние эпохи с теми, которые даются современными богословами, слишком отчетливо показало бы вопиющие противоречия в оценке одних и тех же текстов проповедниками ислама прошлого и настоящего.

Современное общественное развитие и невиданные достижения науки заставляют защитников ислама признать не только тот неоспоримый факт, что Коран и хадисы не могут дать ответ на все проблемы, возникающие в жизни. В сочинениях современных мусульманских религиозных деятелей, в их устных выступлениях все чаще звучит мысль о том, что «священные» книги поднимают лишь те вопросы, которые возникали перед людьми в период ниспослания Корана аллахом, в период жизни пророка Мухаммеда.

«Все предначертания пророка являются конкретным отражением материальной и духовной жизни в VII веке,— говорил ахунд Хачмасской мечети Азербайджанской ССР М. М. Агаев, выступая на Ташкентской конференции мусульманских деятелей в октябре 1970 г.— Мухаммед был послан аллахом, чтобы вывести людей из полосы дикости и невежества. Принесенная Мухаммедом религия ислам навела порядок в отношениях людей, создала государство и установила законы. Это было очень прогрессивное дви-

жение, настолько прогрессивное, что многие его положения соответствуют нынешним условиям людей».

Можно видеть, что современный служитель культа отходит от традиционной концепции, в соответствии с которой в Коране сосредоточена вся мудрость мира и даются ответы на все вопросы, которые могут возникнуть перед человечеством до скончания веков.

Далеко не все положения Корана, а лишь часть из них, по мнению религиозного деятеля, соответствуют условиям жизни людей в XX столетии. Ту же мысль, но еще более категорично, высказывает зарубежный коллега азербайджанского богослова доктор философии Зохурул Хак. В журнале «The Islamic Review» за январь 1970 г. он пишет: «В то время не существовало перенаселения ни в одной части мира и, естественно, нигде не ставился вопрос о планировании семьи. Поэтому прямого указания по этому вопросу в Коране нет. Но в стихе 25, 33 говорится, что путем глубокого анализа и изучения явлений можно найти ответ на любой вопрос и разрешить любую проблему, которая может возникнуть перед человечеством в любом месте и в любое время».

Признание мусульманским духовенством того неоспоримого факта, что в Коране дан ответ лишь на вопросы, которые стояли перед людьми 1400 лет тому назад, а следовательно, в нем нельзя искать ответы на современные проблемы, весьма симптоматично. Оно говорит о чувстве реализма, которое все явственнее просачивается в сознание духовенства. Из таких признаний логически вытекают некоторые выводы, решительно не согласующиеся с многовековой мусульманской традицией. Прежде всего, «истины», изложенные в Коране, конечно, не были рассчитаны «на все времена и все народы», авторы «священной» книги мусульман просто не могли предвидеть, что в мире произойдут огромные изменения. Авторы Корана попытались дать ответы на вопросы, поставленные самой жизнью на определенном этапе развития общества, вовсе не ставя перед собой задачу заглядывать слишком далеко вперед.

Наряду с этими двумя выводами сам собой напрашивается и третий — произведение, в котором зафиксированы факты и события определенного вре-

мени и даны ответы на вопросы, возникшие лишь в тот период, исходя лишь из уровня знаний и возможностей эпохи, не может быть признано существовавшим вечно. «Истины», изложенные в нем, преходящи, и в них можно и нужно вносить коррективы.

Именно так и подходят к данному вопросу многие богословы. Они говорят о том, что в Коране даны лишь основные принципы подхода к тем или иным явлениям, основываясь на которых люди должны делать соответствующие выводы. «В Коране преднамеренно не детализируются правила поведения во многих случаях жизни,— читаем мы в статье зарубежного богослова доктора Зохурул Хака,— потому что эти правила люди должны вырабатывать сами в зависимости от обстановки, места и времени» [1].

Один из видных мусульманских деятелей современного Пакистана, Инамулла Хан, в недавно выпущенной работе «Ислам в современном мире» также подчеркивает, что в Коране и Сунне даны лишь главные принципы подхода к оценке различных явлений, правоверные же, исходя из этих принципов, должны действовать с учетом конкретных условий. Он пишет о том, что Мухаммед оставил «основные принципы великой идеологии» [2], что «в Коране и Сунне пророк дал нам только основные принципы этих (мусульманских) законов и указал нам, что детали этих законов мы должны вырабатывать сами, учитывая изменяющиеся обстоятельства и возрастающие потребности» [3]. Он обвиняет богословов и правоведов прошлых эпох, которым «удалось уговорить мусульман, что только четыре суннитские юридические школы являются пределом совершенства, а кийяс и иджма больше не нужны». «Таким образом,— заключает он,— дверь для всего нового была закрыта, и это естественно привело к застою» [4].

Для современных мусульманских деятелей не кажется еретической мысль о том, что религиозные учения, в том числе и ислам, не остаются неизменными.

[1] «The Islamic Review», 1969, № 9, p. 12.
[2] *Inamulla Khan.* Islam in the Contemporary World, p. 13.
[3] Ibid., p. 11.
[4] Ibid., p. 12.

В одних случаях она подается слушателям и читателям как стремление очистить ислам от всяких извращений, в иных же случаях приводятся примеры, свидетельствующие о том, как менялись другие учения на протяжении человеческой истории, и таким образом верующие подводятся к осознанию неизбежности изменений и в исламе. Вот как об этом говорил, например, ахунд кировабадской мечети «Казахлар» Молла Ахмед Джумшуд оглы Юсифов: «Учению марксизма положили начало Маркс и Энгельс, затем его развил Ленин. Оно и теперь развивается, совершенствуется. То же самое и со священными книгами, которые продолжают друг друга, а Коран, являясь последней из них, безусловно, является самой совершенной».

Здесь еще нет прямого указания на необходимость внесения изменений или уточнений в положения Корана, но намек уже существует. Другие же проповедники идут дальше. Они отмечают, что с развитием науки многое из того, что еще совсем недавно считалось людьми абсурдным, становится истинным. Некоторые, казалось бы, точно установленные факты переосмысливаются и предстают перед человечеством в новом свете. И богословы приходят к выводу о том, что «истины» Корана тоже могут уточняться в зависимости от уровня развития знания.

Нередко богословы оговариваются, что изменения касаются лишь второстепенных моментов, догматы же веры, основные принципы вероучения остаются неизменными. Но если даже какие-то моменты являются относительными и изменяются с развитием науки, то из этого следует логический вывод, что Коран имеет земное происхождение, что изложенные в нем факты соответствуют лишь определенному уровню познания окружающей действительности, что составление Корана — дело рук человеческих, ибо «всемогущий», «всезнающий» бог, будь он творцом этой книги, не мог бы допустить, чтобы преподанные им «истины» уточнялись, дополнялись и даже отвергались простыми смертными.

При ином решении вопроса получается, что в наше время «раб божий» оказывается более сильным и

более знающим, нежели сам аллах. Таким образом, признание того, что Коран не может ответить на все вопросы, которые выдвигаются жизнью в XX столетии, есть вместе с тем косвенное признание несостоятельности одного из основополагающих мусульманских догматов о несотворенности Корана.

В прежние времена за высказывания, ставящие под сомнение догмат о несотворенности Корана, грозило суровое наказание. Общеобязательный для мусульман символ веры, обнародованный в Багдаде халифом ал-Кадиром и подписанный крупнейшими богословами в 1041 г., гласил: «Следует также знать: слово аллаха не сотворено... Тот же, кто утверждает, что оно было сотворено в каком бы то ни было состоянии, тот неверующий, кровь которого разрешается пролить, после того как он будет приведен к покаянию» [1].

В наши дни, как видим, отношение к этому вопросу изменилось. Если умеренные модернизаторы ислама считают возможным по мере развития науки уточнять лишь некоторые «истины» Корана, то наиболее решительные среди них ставят под сомнение всю кораническую картину мира и предлагают не «настаивать на примитивных предписаниях». Так, например, предлагает поступать зарубежный мусульманский богослов Асаф Файзи в своей статье «Реинтерпретация ислама», опубликованной в журнале «Исламик ревью». «Где бы древние писания или традиции ни говорили о естественных явлениях или научных фактах, их догматический характер должен быть поставлен под сомнение,— пишет он.— Эти тексты должны интерпретироваться и приниматься, изменяться или отклоняться, исходя из понятий современной науки, включая антропологию, биологию, физику, математику, химию, медицину. Концепции мира, времени и универсума радикально изменились со времен Коперника. Ислам должен принять во внимание эти изменения, и абсурды, противоречащие науке, должны быть удалены из религиозного построения» [2].

---

[1] Цит. по кн.: *А. Мец.* Мусульманский ренессанс, стр. 173.
[2] «The Islamic Review», 1960, № 1, p. 15.

Одним из обстоятельств, способствующих эволюции ислама в прошлом и облегчающих, даже стимулирующих модернизаторскую деятельность духовенства в настоящее время, является отсутствие в «священной» книге единой линии по многим вопросам, противоречивость ее установок. Богословы всегда имеют возможность для обоснования своих позиций найти множество приемлемых для ссылки текстов Корана — этой «неисчерпаемой сокровищницы аргументов». Не только противники ислама, но и мусульманские богословы находили в «священной» книге сотни противоречий.

Противоречия, а иногда и прямо противоположные установки можно найти в Коране не только по второстепенным моментам вероучения, но и по самим основополагающим догматическим принципам. Имея в виду эти противоречия, атеисты нередко замечают в своей полемике с апологетами ислама: «Что же это получается? Если по одному и тому же вопросу в Коране имеются прямо противоположные суждения, значит, или автор ошибался, или не имел определенной точки зрения и поэтому менял ее от суры к суре?»

Бог никогда не ошибается, отвечают богословы. А наличие противоречивых актов в Коране они объясняют тем, что аллах давал указания с учетом эпохи, исторических условий и степени подготовленности людей к их восприятию. «Бог никогда не отступает назад, не меняет своих решений, не «передумывает»,— читаем мы у одного мусульманского теоретика.— И то правило, которое он считает более приемлемым, и то правило, которым он заменяет неприемлемое, оба являются божьими указаниями. Каждое из них для своей соответствующей эпохи является уникальным и окончательным. Касается ли оно прогресса или регресса, милости или суровости. Изменения диктуются историческими условиями и различными решениями, которые эти условия требуют. Иногда в тексте прямо говорится, что данный закон является временным.

Но чаще всего понятие о временности закона просто подразумевается, и мы об этом узнаем только из последующего закона».

«Может создаться впечатление какого-то импровизированного решения,— продолжает богослов,— но на самом деле все предусмотрено заранее и юридически распределено между определенными периодами времени (2, 143). Читатели согласятся с нами, что хороший законодатель будет обращаться с людьми по-разному во время переходного периода и во время всего остального периода. Он, как хороший врач, будет изменять духовную диету в зависимости от духовного развития людей и их способности ассимилироваться. Такое постепенное развитие учения и законодательства является самым лучшим путем формирования мудрого и просвещенного народа, дисциплинированной нации и здоровой морали» [1].

Мы привели эту длинную цитату для того, чтобы показать, как современные мусульманские богословы всемерно стремятся подчеркнуть необходимость учитывать в своей деятельности потребности времени, изменяющиеся условия. Ведь все это «учитывал сам всевышний, дав образец правильного подхода к изменяющимся условиям».

Такую позицию современных богословов понять и объяснить нетрудно. В то время как в самые различные сферы жизни общества все более вводятся научные основы, а всякие проявления волюнтаризма осуждаются общественным мнением, вполне естественно стремление богословов представить аллаха не творящим произвол по своему усмотрению, а действующим разумно, с учетом объективных условий и психологической готовности людей правильно воспринять его действия.

Современные мусульманские служители культа, обосновывая необходимость поклоняться аллаху и почитать его посланника пророка Мухаммеда, весьма своеобразно толкуют положения Корана о пророках. Они отмечают, что, посылая на землю своих посланников, бог всегда заботился о том, чтобы люди поверили им. При этом, бог, оказывается, учитывал обстановку, наделяя пророков соответствующими качествами, способными заинтересовать людей, привлечь их к своим посланникам. Вот как, например, говорил об

[1] «The Islamic Review», 1969, № 9, p. 12.

этом ахунд кировабадской мечети «Казахлар» Молла Ахмед Джумшуд оглы Юсифов: «Бог создал Вселенную, людей и многое другое и не оставил все это на произвол судьбы. Бог направляет развитие, движение всей Вселенной, всех миров. Бог создал людей и в то же время послал своих пророков к ним. Эти пророки воспитывают их, направляют их жизнь, поведение по определенному и угодному богу руслу. В то же время аллах, послав своих пророков, создает им такие условия, чтобы люди поверили им и признали их за посланников Всевышнего. Для каждой эпохи свойственны свои чудеса. Для эпохи Моисея были характерны иллюзии (фокусы). Бог дал Моисею палку, которая превзошла все чародейства, известные в Египте. Бог наделил Моисея восемью чудесами. Бог дал ему саранчу, лягушек, вшей и др., и Моисей натравил их на людей фараона. Наконец, Моисей, ударив по морю своей чудесной палкой, разделил море на две части, и по открывшейся дороге прошли последователи Моисея. А люди фараона, преследовавшие их, погибли.

При пророке Иисусе была развита медицина, поэтому бог наделил его способностью воскрешать умерших. При пророке Мухаммеде было развито умение красиво и коротко выражать свои сложные мысли и умение проповедовать. Поэтому бог через Мухаммеда ниспослал Коран, где очень много ценных мыслей, научных знаний и т. д.».

Но из этого, по логике вещей, следует, что бог не всесилен и не всемогущ. Оказывается, на земле протекают процессы, которые не подвластны ему. Он вынужден считаться с этим, учитывать характер происходящих процессов, наделяя в соответствии с ними своих посланников определенными качествами.

Многие нормы Корана, относящиеся к быту, правилам поведения людей, настолько не соответствуют сложившимся в нашем обществе взглядам и традициям, что попытки утверждать, будто мусульманин должен беспрекословно следовать им, могут попросту привести к недоверию предписаниям «священной» книги мусульман. Хорошо понимая это, наиболее дальновидные служители культа и богословы, стремящиеся любыми средствами сохранить позиции ис-

лама, идут на отказ от таких норм и положений, настаивают на том, чтобы духовенство было более гибким и не ссылалось на те места из «священной» книги, которые противоречат утвердившимся в обыденном сознании принципам.

Примечательна в этом отношении речь заместителя председателя Духовного управления мусульман Закавказья муфтия Вели-заде Шарифа, произнесенная им незадолго до смерти перед религиозными деятелями Азербайджана. Сославшись на то, что в изменяющемся мире нельзя придерживаться всех норм шариата, он говорил: «Нам пора понять, что многое в шариате устарело и, больше того, стало отталкивать верующих от религии. Возьмите развод у суннитов. По шариату, если муж, обращаясь к своей жене, три раза повторит слово «талак», то брак считается расторгнутым. Мириться с ней и вновь сойтись он может в законном порядке лишь после того, как его бывшая жена выйдет замуж за другого мужчину и разведется с этим своим новым мужем. Только после этого, по шариату, мулла может совершить бракосочетание. Известно, что в условиях социализма женщина пользуется равными правами с мужчиной. По шариату же брак может быть расторгнут только с согласия мужчины. Таким образом, эти нормы шариата сохраняют неравноправное положение женщины.

Далее. Возьмите многоженство. Мухаммед разрешил его тогда, когда халифат вел длительные войны и было много вдов, потерявших мужей. Женатые мусульмане, женясь на этих вдовах, делали доброе дело. Согласитесь, что теперь такие нормы отталкивают верующих от религии... Отбрасывая такие, не соответствующие современным условиям поучения, мы не совершаем греха, не идем против религии, а, наоборот, еще больше укрепляем ее позиции».

Муфтий ссылался на шариат, требуя отказа от тех его положений, которые не соответствуют нашему времени. Упомянуть Коран он не осмелился. Что ж, его можно понять. То, что создано людьми (а шариат даже по мусульманским представлениям создан людьми), может быть ими же изменено.

Иное дело Коран. В глазах богословов он свят и вечен, ниспослан аллахом. Однако внимательный анализ приведенного выступления показывает, что в нем содержатся призывы к отказу не только от норм шариата, устаревших в настоящее время, но и от ряда предписаний самого Корана, на котором базируется шариат. И это еще раз свидетельствует о том, что в наше время рушатся представления о божественном характере «истин» Корана, об их вечности и неизменности.

Эволюция взглядов духовенства на вопрос о несотворенности Корана прослеживается и в изменении их отношения к вопросу о возможности перевода его на другие языки. В течение долгих столетий мусульманские богословы различных стран самым решительным образом выступали против «кощунства», «осквернения» «несотворенного» Корана путем перевода его на другие языки. Даже когда в начале XX века в Казани стали печатать перевод Корана на татарский язык, сделанный Мусой Бигеевым, то Оренбургское духовное собрание мусульман настояло на том, чтобы печатание было приостановлено. Выступая против перевода Корана на другие языки, мусульманские деятели аргументировали свою позицию тем, что точно перевести его невозможно, а искажение текста, ниспосланного самим аллахом, является тяжким грехом.

В наши дни мусульманские богословы стоят на прямо противоположных позициях. Они находят все новые и новые аргументы, доказывающие не только возможность, но и необходимость перевода «священной» книги мусульман на другие языки. Главный аргумент сводится к тому, что Коран ниспослан людям для того, чтобы они его изучали и следовали его предписаниям. А из этого вытекает, что, чем доступнее будет эта книга людям, тем шире может быть распространено учение и глубже будет вера мусульман.

В своем стремлении сделать ислам более доступным, а веру более «сознательной» мусульманские богословы отказываются и от другого традиционного принципа. На протяжении веков считалось возможным произнесение молитв и просьб, обращенных к

аллаху, лишь на арабском языке. Теперь положение изменилось. Богословы заявляют, что трудные молитвы и просьбы, обращенные к богу, можно произносить на родном языке. «В таком случае,— говорилось в одной из проповедей, произнесенных в Московской соборной мечети,— мы знаем произносимую молитву, знаем нашу цель. А что касается аллаха всевышнего, то он лучше нас знает, что делается у нас на душе».

Приведенные факты свидетельствуют о существовании определенной тенденции в исламе, вызванной к жизни изменившейся обстановкой. В условиях нашей страны эта тенденция является преобладающей. Однако мусульманское духовенство в зарубежных странах подчас занимает иные позиции. Ряд зарубежных богословов требует, чтобы, как и прежде, молитвы читались только на языке Корана. Некоторые служители культа говорят даже о том, что не знающий арабского языка не может считаться подлинным мусульманином. Но все же можно утверждать, что новые тенденции все настойчивее пробивают себе дорогу. Консерватизм сдает одну позицию за другой.

Ориентация на «сознательную веру» заставляет отдельных богословов иначе, чем прежде, рассматривать вопросы соотношения веры и знания, возможности постижения «слабым человеческим разумом» «божественных тайн».

На протяжении долгого времени мусульманские богословы разделяли мнение о том, будто свойства бога непостижимы, что не следует их пытаться познать, а нужно слепо верить тому, о чем написано в «книге ясной». Это учение вошло составной частью в мусульманскую догматику. Символ веры, обнародованный халифом ал-Кадиром в 1041 г., утверждает, что аллах «всемогущ своею силою и всеведущ знанием своим. Вечен он и непостижим. Он внимающий, который слушает, и он взирающий, который видит; из свойств его познаваемы лишь эти два, но ни одно из созданий его не может их достичь» [1].

Современные богословы высказывают на этот счет несколько иные взгляды. Они говорят, что с

[1] Цит. по кн.: *А. Мец.* Мусульманский ренессанс, стр. 173.

помощью человеческого разума можно постичь самые различные свойства и способности бога, что разум, по учению Корана, есть высший судья всех явлений и что всякая вера, не основанная на разуме, отрицается исламом.

В одной из проповедей, произнесенных в Ленинградской соборной мечети, говорилось: «Ислам — это самая разумная вера. Мусульманин следует исламу не потому, что родители его научили или имам наставлял. Он к вере пришел самостоятельно в результате сопоставления тех знаний, которые он получил в школе, с учением Корана. Все написанное в Коране доступно человеческому рассудку. В учении ислама нет таких сторон, которые нельзя было бы объяснить с позиций нормального человеческого разума».

Мусульманские богословы теперь не отворачиваются от тех вопросов, которые ставят перед ними критики ислама. Более того, они даже допускают возможность сомнения в истинности тех или иных положений вероучения. В одном исламском издании отмечается, что «декартовский принцип сомнения» является вовсе неплохим принципом, полезным не только для науки, но и для религии [1].

В данном случае уместно напомнить о том, что еще совсем недавно считалось невозможным распространять подобный принцип на религиозные положения. Так, Аль-Газали замечал, что распространение его на теологические проблемы может довести до сомнений в существовании аллаха.

В наше время религиозные деятели не считают богохульством даже обычное житейское сомнение верующего в существовании бога. Они пытаются воздействовать на разум человека, чтобы разрешить его сомнения. «Верить в бога нужно чистым сердцем,— говорил в одной из своих проповедей бывший имам-хатыб Ленинградской соборной мечети Ф. Саттаров.— Если сомневаешься, посмотри на Солнце и месяц. Если их создал ты, то сам должен знать, как поступать. Если же не ты, значит, бог. В него, его бытие, его могущество и нужно верить».

---

[1] «The Islamic Review», 1969, № 9, p. 9.

Современные богословы не столь непримиримы, как их предшественники. Они не отвергают с порога мысль о возможности познания аллаха «слабым человеческим разумом», а, наоборот, призывают верующих поразмыслить и таким образом самостоятельно прийти не только к пониманию вопроса о существовании сверхъестественной силы, но и к осознанию необходимости поклонения ей. «Слава аллаху, мы веруем в аллаха, и поклонение ему исходит из разума,— говорил в своей проповеди 1 января 1968 г. имам-хатыб Чистопольской мечети в Татарии Н. Мофлюханов.— О потомок Адама! Пробуждайся от сна беззаботности! Дай работу своему разуму, поразмысли, открой глаза, взгляни на Вселенную! Строение Вселенной и движение ее, всякий предмет во Вселенной, языком, понятным без слов, не говорит ли о существовании всевышнего аллаха?»

Для доказательства бытия бога нередко используются и иные аргументы. Вот, например, что говорил в той же проповеди Н. Мофлюханов: «И если будет вопрос: „Почему же аллах не виден, раз он существует?" — этот вопрос противоречит разуму и лишен смысла. Быть видимым не обязательно для чего бы то ни было, существование чего вытекает из разума. Например, человек обладает разумом, однако этот разум не виден, и никто до сих пор не видел его и не смог его показать. То, что разум не виден, вовсе не говорит о его отсутствии, он существует. Подобно тому как нельзя видеть разум, держать его или доказывать, что он не существует, нельзя видеть всевышнего аллаха, и никогда не будет найдено доказательство того, что он не существует».

Для доказательства бытия бога современные богословы подчас пользуются ссылками на данные, почерпнутые из других областей естествознания, в частности из физики и химии. Так, например, зарубежный апологет ислама доктор Мухаммед Рафиуддин пишет: «О существовании атома предполагалось, и это предположение было научно правильным, ибо не было другого объяснения целого ряда наблюдавшихся фактов. Поэтому нельзя говорить о том, что истина всегда поддается ощущению через наши органы чувств. Так же как и атом был нам известен

своим эффектом, несмотря на то что мы его не видели, так и бог известен нам своей деятельностью в природе, несмотря на то что мы его не видим» [1].

Все эти примеры отчетливо показывают, как сама жизнь заставляет духовенство отходить от многовековой традиции, требующей от него не объяснять догматы, не убеждать в их истинности правоверных, а внушать мысль о необходимости бездумно верить в них.

Эволюция учения о божественном предопределении

Из всех догматов ислама, пожалуй, наиболее противоречиво изложен в Коране догмат о божественном предопределении. С одной стороны, Коран учит, что «ничто не постигает из событий на земле или в ваших душах без того, чтобы его не было в писании раньше, чем мы создадим это» (57, 22), что человек не может пожелать ничего, если не пожелает аллах: «Не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам аллах» (9, 51); «все, что должно произойти, давно написано „в ясном оригинале"» (36, 11) и даже «лист падает только с его ведома» (6, 59). С другой стороны, однако, в Коране говорится, что «всякий поступает по своему подобию» (17, 86).

Такие противоречия приводили к тому, что уже сразу после смерти Мухаммеда в раннем исламе появились различные толкования вопроса о предопределении, в том числе и такие, которые предоставляли человеку право выбора между добром и злом, свободу действий.

Одно из первых подобных толкований источники приписывают халифу Али. Объясняя слова Корана «аллах направляет кого ему угодно», халиф Али якобы говорил: «Это не значит, что он принуждает людей к добру или злу или что он направляет или отказывает в этом направлении по своему капризу, так как это снимало бы всякую ответственность с человека и его действий; это указывает, напротив, на то,

[1] "The Muslim World", 1969, № 18.

что бог обозначил истинную дорогу и предоставляет людям выбор в их действиях» [1].

В другом случае халиф Али будто бы заявлял своим последователям: «Если сами вы не будете руководить собою и следить за собой, никто другой не может направить вас» [2].

Сторонники ортодоксального ислама верили в то, что все в мире предопределено богом от века, все, что должно произойти, произойдет, и никто не сможет остановить их, предотвратить предначертанный аллахом ход событий. Принцип предопределенности всех событий богом был весьма выгоден эксплуататорским классам. Ведь в соответствии с ним несправедливый социальный строй, деление общества на эксплуататоров и эксплуатируемых предопределены самим аллахом и должны существовать вечно. Всякая попытка изменить такой порядок противоречит воле бога и поэтому обречена на провал.

Социальный смысл учения о божественном предопределении заключался не только в том, что ислам решительно выступал против борьбы за преобразование существующих общественных порядков, за ликвидацию деления общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Ислам даже объявлял грехом стремление к улучшению своего материального положения, ибо оно было бы «признаком недовольства предначертанной аллахом судьбой».

Такое учение внушало трудящимся мысль о необходимости покориться обстоятельствам, насаждало неверие в свои силы, а эксплуататоров еще более утверждало в мысли о незыблемости строя угнетения, о безнаказанности самых антигуманных действий по отношению к эксплуатируемым.

Однако господствующие классы видели в принципе предопределения и известные негативные моменты. Власть имущие должны были обуздывать недовольное население, бороться с хищениями частной собственности, наказывать тех, кто не хотел повиноваться им. Они требовали от мусульманских правоведов разработки норм уголовного права, определения пре-

[1] Цит. по кн.: *П. Цветков.* Исламизм, г. 2. Асхабад, 1912, стр. 149.

[2] Там же.

ступных деяний и мер наказания, что помогало бы им еще сильнее держать массы в узде. Но разработка этих вопросов была бы невозможной, если бы правители, сочетавшие в себе верховную религиозную и светскую власть, строго придерживались принципа предопределенности всех событий. Последовательное проведение принципа предопределения вело бы и к тому, что цареубийство и народные восстания против власти халифа следовало бы квалифицировать как проявление божьей воли. Как правильно замечает известный советский исламовед Е. А. Беляев, «правящей верхушке необходимо было уверить население, что повстанцы борются против халифа и феодалов не вследствие божественного предопределения, а по своей воле; необходимо было отнять у народных масс возможность выдавать аллаха за первопричину борьбы против эксплуататоров» [1].

Аббасидский халиф Мамун (813—833) впервые увидел средство достижения этой цели в учении мутазилитов. Мутазилиты считали, что всеблагий аллах не может творить зла, что он творит лишь добро. Человек же, будучи «творцом своих поступков», может совершать как добрые, так и злые деяния и должен нести за них полную ответственность. Такое учение давало богословское обоснование беспощадным карательным операциям господствующих классов против всех, кто покушался на феодальный строй, на жизнь и собственность правящей верхушки. Не случайно поэтому власти стали самыми различными способами насаждать идеи мутазилитов. И хотя, несмотря на все старания власть имущих, мутазилитское учение не смогло стать господствующей идеологией, однако впоследствии оно оказало заметное влияние на становление мусульманского богословия.

Длительное время мутазилиты подвергались гонениям со стороны последователей ортодоксального ислама. Но в XX столетии положение изменилось. В наши дни журнал Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана славит «одного из ярых сторонников этого течения и активного пропагандиста его идей», Махмуда аз-Замахшари, и с гордостью со-

[1] *Е. А. Беляев.* Мусульманское сектантство. М., 1957. стр. 43.

общает, что его толкование Корана «Тафсир ал-Кашшаф» в настоящее время «является учебным пособием во многих высших учебных заведениях мусульманского мира» [1].

И этому есть объяснение. Учение мутазилитов о свободе воли человека и сотворенности Корана признано «созвучным» нашему времени. Оно дает богословам наших дней дополнительную аргументацию для модернизации различных сторон вероучения и культа ислама, помогает разработке социально-нравственных проблем применительно к требованиям современной эпохи — эпохи бурных революционных потрясений, эпохи перехода от капитализма к социализму.

Последователи ортодоксального ислама так и не смогли отмахнуться от проблем, которые поставили мутазилиты. Для того чтобы как-то совместить учение о божественном предопределении с учением о свободной воле человека, богословы выдвинули теорию способности человека «приобретать» свои поступки. В соответствии с ней мусульманин несет перед аллахом ответственность за «приобретенные» действия. Вот как это учение звучит в изложении богослова: «Ничто не может произойти помимо предопределения божьего. Когда человек пожелает что-либо сделать, бог сам создает желаемое действие. Если действие человека доброе, то бог бывает им доволен и вознаграждает человека, если же действие его злое, то бог не бывает доволен им, но так как человек сам хочет этого, то бог создает желаемое им действие. Однако человек за свое дурное желание будет подвергнут мучительному и жестокому наказанию» [2].

Учение это все же не разрешило противоречия. Оно только облекло его в более туманную форму. Одна из главных уязвимых сторон учения в том, что оно превращает бога в соучастника тягчайших преступлений (ведь он, а не кто-либо другой создает действие), и вместе с тем ему уготована роль судьи, обрекающего человека на мучительное и жестокое наказание за эти (совершенные богом) действия.

В наше время вопросы предопределения толкуются далеко не так прямолинейно, упор делается в основ-

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 3, стр. 24, 25.
[2] *Г. Баруди.* Основы ислама, стр. 12—13.

ном на свободу воли человека. «Пророк ислама возвестил человеку, что он рождается безгрешным,— говорил имам-хатыб Московской соборной мечети А. Мустафин в праздничной проповеди по случаю курбан-байрама в феврале 1969 г.— В своей же жизни он выбирает. Если хочет, совершает добро, и тогда пожинает плоды своего благонравия и бескорыстия; либо он творит зло, и этим сотворенным им злом он превращается в грешника. Ислам возвестил людям, что их строение лучше, их натура лучше, их характер справедливее, что они после такого божественного приготовления либо портятся, либо улучшаются своими делами, всем, что они избирают для себя («собрал урожай тот, кто взрастил его, и разочаровался тот, кто затоптал его»)».

Все чаще в проповедях высказываются мысли об огромных возможностях строителей коммунизма, о преобразовании природы, осуществляемой по планам, начертанным Советским правительством.

В соответствии с исламским вероучением тайны будущего может предсказать только бог. Однако в нашей стране планирование социальных и экономических процессов давно стало обыденным делом. Мусульмане, как и все население страны, принимают участие в разработке планов развития общества и отдельных его звеньев на самых разных уровнях — от планов коллектива до народнохозяйственных планов областей, республик и всей страны. Ничего предосудительного не находят в этом и мусульманские служители культа. «Мусульмане наравне со всеми гражданами участвуют в обсуждении государственных и общественных мероприятий, направленных на дальнейшее развитие страны, повышение ее экономического могущества и рост благосостояния народа» [1],— читаем мы в мусульманском журнале.

Во время обсуждения планов общественного развития, рассчитанных на пятилетие или на более длительный срок, служители культа не только призывают мусульман принимать участие в подобных общенародных мероприятиях, но и сами нередко участвуют в них. Такой подход мусульманских служителей культа

[1] «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 2, стр. 11.

к вопросам планирования весьма симптоматичен. Он свидетельствует о том, что мусульманское духовенство сознательно ограничивает рамки действия догмата о предопределении, считая вполне допустимым, чтобы простые смертные вносили свои коррективы в те процессы, которые, по учению ислама, от века были предустановлены всевышним.

Ортодоксальный ислам отрицает естественную закономерность и причинность в природе и общественном развитии. И это вполне понятно. Если существует такая закономерность, то не остается места для чудес, для сверхъестественных явлений, а следовательно, для бога, для акта творения мира и всего сущего в нем. «Пока мы ссылаемся на волю божества,— писал Г. В. Плеханов,— мы не имеем права говорить о законосообразности явлений. Открытие же этой законосообразности и составляет задачу науки. Вот почему серьезная наука никогда не могла ужиться в мире с религией» [1].

Не случайно на протяжении веков мусульманские богословы решительно выступали против научных исследований закономерностей развития природы и общества, а тех ученых, которые занимались этим, объявляли еретиками, их труды уничтожались, а сами они подвергались преследованиям религии и государственных органов.

В наше время мусульманское духовенство вынуждено идти на компромиссы, признавать существование объективных закономерностей развития природы и общества. Так, в фетве Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, выпущенной в 1966 г. после ташкентского землетрясения, причины его объясняются естественным развитием природы, так же как ливни, затмения солнца и другие. «Они совершаются время от времени по воле аллаха в различных концах света,— говорится в этой фетве,— и имеют под собой определенные естественные причины и закономерности».

Как видим, здесь сочетаются два объяснения причин возникновения различных явлений природы. С одной стороны, эти явления природы совершаются в

[1] *Г. В. Плеханов.* О религии и церкви. М., 1957, стр. 58.

соответствии с объективными закономерностями развивающегося мира. С другой стороны, они совершаются «по воле аллаха», который в конечном счете выступает в качестве создателя «естественных законов».

Богословы ранее самым решительным образом отвергали всякую мысль о возможности происхождения живых организмов естественным путем в результате длительной эволюции. В их представлении каждый вид растений и животных, существующих на земле, был сотворен аллахом. Неудивительно поэтому, что мусульманские богословы, как и апологеты других религий, встретили в штыки эволюционную теорию Ч. Дарвина, подрывающую устои религии.

Однако в наши дни многие мусульманские религиозные деятели не только выступают с признанием эволюционной теории, но и заявляют, будто она вполне согласуется с Кораном. Один из богословов пишет: «Многие из клеветников на ислам стараются выяснить, как ислам относится к современной цивилизации, научному прогрессу, технической революции, к теории Дарвина о происхождении видов, «Капиталу» Карла Маркса и теории относительности Эйнштейна. Кратко ответить на эти вопросы можно так: Коран поощряет все хорошее в этих теориях и обходит все дурное. Теория Дарвина о происхождении видов, если она может быть доказана так, чтобы не оставить сомнения, ни в коей мере не противоречит учению Корана. То же относится к теории относительности Эйнштейна, которую не нужно понимать в духе, враждебном учению ислама и положениям Корана» [1].

Подчас мусульманские служители культа высказывают мнение о том, будто бог создал не телесного человека, а лишь его душу, что тело человека возникло в результате длительной эволюции от простого к сложному. И вновь мы видим, что духовенство, учитывая современные научные представления, вступает в противоречие с тысячелетней мусульманской традицией.

В последнее время некоторые богословы высказывают деистические взгляды. Они заявляют, что аллаху принадлежит лишь первый акт — творение, в дальнейшем же мир развивается по своим собственным зако-

[1] «The Islamic Review», 1968, № 8-9, p. 11.

нам. Подобным образом дается объяснение и действиям людей. Мусульманские проповедники учат, что бог якобы наделил человека разносторонними способностями, но от самого человека зависит, как их использовать. «Человек наделен не только творческими способностями, но и возможностью выбора, как эти способности использовать,— читаем мы у современного богослова.— Он может использовать их на благо человечества и может использовать их для разрушения или даже для самоубийственных целей» [1].

Подобные взгляды характерны и для других проповедников ислама. В проповеди, произнесенной в Ленинградской соборной мечети 29 ноября 1968 г., говорилось: «Аллах отдал нашу силу-волю в наши собственные руки. Кто использует ее на пути аллаха на пользу народа, для его счастья — тот в раю. Но если сила-воля используется для своих только интересов и против людей, во вред обществу, то они из войска шайтана и результат их — геенна... Аллах призывает нас быть терпеливыми, не торопиться, силу-волю использовать только для счастья народа и велит строить коммунизм».

Однако следует учитывать, что имеет место и иная точка зрения. В поисках новых аргументов в пользу религии, стремясь сохранить ее влияние на окружающих, мусульманские богословы пытаются подкрепить учение о божественном предопределении, толкуя посвоему новые достижения науки и техники. Первые попытки людей подняться в воздух были осуждены представителями различных религиозных направлений как кощунственные, посягающие якобы на всемогущество бога и установленный порядок вещей в природе. С тех пор прошло много времени. Стало реальностью не только воздухоплавание, но и полеты человека в космос. Запуски космических кораблей с людьми на борту мусульманские богословы стали объяснять как осуществление того, что было предопределено аллахом и записано в Коране. В этой связи стали даже находить соответствующие места в «священной» книге, будто бы свидетельствующие о том, что полеты в космос были предсказаны богом.

[1] "The Muslim World", 1969, № 51.

«Было время, когда люди обожествляли Солнце и Луну,— говорится в еженедельнике «Мусульманский мир» по случаю запуска в сторону Луны «Аполлона-11» и «Луны-15».— Затем появился Коран, в котором подчеркивается, что всемогущий бог один и он создал человека в качестве своего наместника, а человек может не только использовать, но даже контролировать Солнце, Луну и звезды. Для нас, мусульман, все космические достижения настоящего и будущего являются только подтверждением слов бога о способностях и возможностях людей» [1].

Мы не случайно обращаемся порой к высказываниям зарубежных исламских богословов, ибо эти высказывания свидетельствуют о совпадении во многом точек зрения апологетов ислама в СССР и за рубежом, о единстве приемов, применяемых ими для современной интерпретации достижений науки.

Модернизация коснулась не только отношения ислама к явлениям природы. Нечто подобное происходит и с интерпретацией богословами процессов социальной жизни. С одной стороны, все, что существует,— от бога. От бога — эксплуататорский строй, социальное неравенство. Следовательно, люди не могут поднимать руку на эти установления аллаха. Но свершилась социалистическая революция. «Установленный богом» социальный строй был ликвидирован. Что было делать богословам? Признать несостоятельность всего того, чему они учили на протяжении веков? Ведь защищать отжившие социальные порядки значило бы вступить в конфликт с массой верующих, всем сердцем принявших революционные преобразования. Но богословы попытались найти выход и на этот раз. Опираясь на догмат о предопределении, согласно которому все, что происходит в природе или обществе, обусловлено волей аллаха, они стали учить, что и социальные революции осуществляются в соответствии с божественным предопределением.

Так разными путями защитники ислама стремятся согласовать старые мусульманские принципы с новым подходом к решению встающих перед ними проблем, выдвигаемых XX столетием.

---

[1] «The Muslim World», 1969, № 51.

Глава пятая

Изменения в культе

Наиболее консервативная сторона религиозного комплекса — культ. Однако это вовсе не значит, что культ совершенно не поддается изменению под воздействием времени и социально-экономических преобразований в обществе. На примере ислама можно видеть, как вместе с эволюцией религиозной идеологии изменяется и культ, правда, может быть, более медленными темпами.

В исламе обрядовая сторона занимает значительное место. Множество различных обрядов и ритуалов охватывают почти все стороны жизни человека. Их главное назначение — способствовать распространению идеологии ислама, убеждать верующих в истинности его поучений, поддерживать религиозность населения. Охватывая все более или менее важные стороны жизни человека, мусульманские обряды и ритуалы призваны внушить верующему, что вся его земная жизнь, от рождения и до смерти, а также вечная жизнь в потустороннем мире целиком зависят от аллаха, от его воли, а поэтому задача человека — своим смирением и неукоснительным исполнением предписаний религии заслужить божью милость. Вместе с тем религиозные обряды и ритуалы направлены на формирование и укрепление авторитета мечети и ее служителей, ибо они выступают от имени аллаха, определяя степень богоугодности тех или иных действий правоверного.

Одно из центральных мест в мусульманском культе занимает месячный пост ураза. Он значится в числе пяти основных столпов религии. Каждый верующий, согласно мусульманским предписаниям, обязан в течение целого месяца днем отказывать себе в пище и воде, есть и пить разрешается лишь ночью. Мусульманский пост — серьезное испытание для верующих, но в то же время это обычай, способствующий «испытанию веры». И вряд ли еще несколько десятилетий назад кто-нибудь мог предположить, что предписания духо-

венства в отношении уразы могут быть подвергнуты изменениям. Но это случилось.

Этот столп ислама, как и ряд других, основательно поколеблен временем, и мусульманское духовенство вынуждено искать способы его сохранения, хотя бы в измененном и ослабленном виде. Такие поиски идут в самых различных направлениях: по линии новой интерпретации смысла уразы, по линии ослабления требований и «освобождения» некоторых категорий верующих от его соблюдения, по линии сокращения сроков поста. Служители культа перед наступлением уразы подробно разъясняют ее религиозное содержание. При этом подчеркивается, что воздержание от приема пищи — это лишь внешнее проявление истинного смысла поста. Главное же состоит в том, чтобы в дни уразы углублялась религиозность человека, усиленно постигались «истины» ислама. Имам ташкентской мечети «Мирза-Юсуф» П. Абдурахимов, например, во время одной из своих проповедей говорил: «Смысл поста в месяц рамазан заключается не только в воздержании от пищи в течение дня. Аллах обязывает каждого мусульманина без различия его имущественного положения испытать на себе горечь лишения и голода. Аллах обязал всех постящихся воздерживаться от всяких греховных поступков и в течение всего месяца тренировать себя в добрых делах».

Правда, такого рода проповеди можно было слышать и в дореволюционное время. Однако в наши дни служители культа идут дальше. Они все чаще говорят об общественном значении поста. Иначе говоря, потеряв надежду убедить верующих соблюдать пост только рассказами о его богоустановленности и богоугодности, духовенство все чаще начинает апеллировать к разуму человека, доказывать, что пост приносит пользу для земного существования. В интерпретации служителей культа он выглядит средством, усиливающим стремление человека к достижению счастья в земной жизни, средством осознания им земных ценностей, воспитания в людях положительных качеств.

В этом отношении примечательна проповедь имама другой ташкентской мечети — «Аллан» Н. Кутбетдинова. «В период рамазана человек отказывает себе в приеме пищи с раннего утра до вечера,— говорил он,— од-

нако, разумеется, не это главное в уразе. Основной смысл рамазана — испытать на себе хотя бы минимум лишений и тем самым признать цену благ земной жизни. А это в свою очередь нам лишний раз напоминает, что все мы, постящиеся верующие, должны также воздерживаться от нанесения обиды людям, допущения злоупотребления в общественной жизни, от совершения грехов. Нужно тренировать себя в совершении добрых дел... Соблюдая обряд поста, мы не должны забывать о более глубоком смысле поста рамазана, что и является основной целью предписанного всевышним обряда».

Продолжающийся процесс «оскудения» религиозной веры побуждает мусульманских служителей культа вести поиски новых аргументов в защиту уразы. О ее «оздоровляющем действии и пользе» пишет журнал Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана «Мусульмане Советского Востока» [1].

Желая придать своим аргументам большую убедительность, мусульманское духовенство не прочь сослаться даже на данные современной медицины. Служители культа, в частности, утверждают, что ураза содействует улучшению пищеварения, способствует избавлению от излишнего жира, дни поста являются как бы разгрузочными днями для человеческого организма. Воздержание в период уразы, утверждают современные богословы, закаливает тело и положительно влияет на душевное состояние человека.

Заместитель председателя Духовного управления мусульман Закавказья муфтий Ахмед Бозгазиев в проповеди, произнесенной в бакинской соборной мечети «Аждарбек» 13 декабря 1968 г., говорил: «Ураза — временное голодание — есть самоочищение организма, в результате чего человек может быть более работоспособным, а также будет спасен от ряда заболеваний, даже, может быть, от раковых заболеваний. Все это подтверждает наука...» Чтобы не быть голословным, он привел целый ряд ссылок на связанные с лечебным голоданием исследования, проведенные в стране и за рубежом. Правда, при этом он «забыл» упомянуть о том, что лечебное голодание ничего общего с постом

[1] См. «Мусульмане Советского Востока», 1969, № 2, стр. 9.

не имеет, что медицинские работники категорически выступают против применения этого метода в домашних условиях, подчеркивая, что искусственное голодание вне стационара может принести лишь большой вред здоровью.

Говоря о якобы положительных сторонах уразы, служители мусульманского культа проявляют незаурядную изобретательность. В числе других аргументов за соблюдение уразы они приводят и такие. Пост, заявляют они, воспитывает волю человека, закаляет его, учит побеждать свои желания и страсти во имя возвышенных идеалов, а следовательно, помогает формированию нового человека, способного быть дисциплинированным, умеющего подавлять свои эгоистические желания во имя интересов будущего. Заместитель председателя Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири К. Баширов так и говорил: «...в течение одиннадцати месяцев мусульмане мира делают все, что их душа пожелает, едят все любимые блюда, пьют все напитки, которые им нравятся, живут, удовлетворяя свои эгоистические желания. Поэтому великий аллах вменил в обязанность мусульманам на двенадцатом месяце года соблюдать пост. В течение поста мусульмане перестают подчиняться своим страстям, подчиняются лишь велению бога, в течение этого месяца людьми распоряжаются не их страсти, а разум».

Некоторые служители ислама доходят до того, что утверждают, будто пост имеет огромное значение для укрепления... солидарности между трудящимися различных стран. В проповеди, прочитанной в Ленинградской соборной мечети зимой 1969 г., говорилось: «Пророк желал, чтобы, соблюдая пост, богатые люди наравне с бедными чувствовали, что такое голод и холод. Но в нашей стране нет ни богатых, ни бедных, все люди живут обеспеченной жизнью, однако, соблюдая пост, голодая, человек лучше может оценить достоинства социализма, убедиться в его преимуществах. А вместе с тем он проникается лучшим пониманием положения трудящихся в капиталистических и слаборазвитых странах, и в нем растет чувство солидарности с ними, стремление делиться с ними своими достижениями и благами. Постящиеся лучше понимают необходи-

мость интернациональной помощи трудящимся капиталистического мира, народам развивающихся стран».

Вот даже, оказывается, какой смысл имеет ураза!

Мы уже говорили о том, что огромные социально-экономические преобразования, осуществленные в нашей стране, привели к массовому отходу трудящихся от мусульманской религии. Но даже и те, кто сохранил веру в аллаха, далеко не всегда соблюдают сейчас пост. Например, социологические исследования, проведенные в Казани, показывают, что из 396 опрошенных жителей города, считающих себя верующими, не постится в месяц рамазан и не участвует в ураза-байраме среди женщин почти 40 процентов и среди мужчин — почти 60 процентов [1]. Схожую картину дают социологические исследования, проведенные и в ряде других районов страны [2].

Перед руководителями мусульманских центров встает сложная задача: как быть с теми верующими, которые не считают нужным соблюдать одно из важнейших требований ислама. Если строго следовать нормам шариата, нужно всех этих людей отнести к числу «неверных». А это значит оттолкнуть их от религии. Но на такой шаг духовенство пойти не могло. И вот долгие размышления мусульманских богословов привели к тому, что было решено дать новое толкование соответствующих мест Корана. В письме Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана от 8 марта 1958 г., направленном во все мечети, говорилось: «Имам-хатыбы обязаны разъяснить верующим, занятым на государственных, промышленных предприятиях, на железной дороге, в колхозах, добывающим средства для существования своим честным трудом, в особенности учитывая то положение, что дни великого поста рамазана в этом году совпадают с весенней кампанией посева важной для государства культуры —хлопка, моментом самой напряженной работы колхозников, что соблюдение ими уразы не должно отрицательно повлиять на выполняемую работу».

---

[1] «Материалы научной конференции. Модернизация ислама и актуальные вопросы теории научного атеизма», стр. 90.

[2] См. там же, стр. 96—101.

На основании этого инструктивного указания многие служители культа сочли возможным «освобождать» от соблюдения поста целый ряд категорий верующих, занятых в общественном производстве.

Во время месяца рамазан в 1968 г., например, имам-хатыб бухарской мечети «Тагбан-бавты» Джамалетдин Эркабаев, обращаясь к верующим, говорил, что не обязательно соблюдать пост больным, беременным женщинам, лицам, выполняющим тяжелую физическую работу и находящимся в командировках. При этом он подчеркнул, что «как бог, так и Советская власть хотят облегчения человеку». При такой двусмысленной постановке вопроса у некоторых верующих, помимо всего прочего, создалось впечатление, что «освобождение» от поста чуть ли не санкционировано государством.

Более решительно поступило Духовное управление мусульман Северного Кавказа. В циркулярном письме управления перед уразой 1968 г. говорилось: «Духовное управление сообщает мусульманам, что шариат разрешает не соблюдать уразу таким людям, как несовершеннолетним и больным, женщинам, кормящим детей грудью, и беременным женщинам, старикам, кто работает на тяжелой работе, на фабрике, заводе, в колхозе, совхозе и т. д. Путешественникам также разрешается не соблюдать пост. Им можно соблюдать пост после возвращения».

Некоторые служители культа рекомендуют верующим, «у которых нет условий», уразу заменять постом в течение нескольких дней — в начале, в середине и в конце месяца рамазан.

В большинстве подобных высказываний нет и намека на указание провести месячный пост в другое время. А ведь, по Корану, месячный пост является одним из основных требований, которое обязан выполнять каждый мусульманин. Освобождаются от него, согласно предписаниям Корана, только больные и те, кто в пути (2, 181). Но и они должны впоследствии возместить упущенное, соблюсти месячный пост, когда это станет возможным. Во многих исламских государствах лица, уклоняющиеся от выполнения этого требования, подвергались даже телесным наказаниям или тюремному заключению.

Известные «поблажки» даются верующим и в части обязательных пятикратных молений. Многие служители культа подчеркивают, что пятикратную молитву нужно соблюдать «по возможности», если же нет подходящих условий, то можно совершать молитву в другое, удобное время, когда человек свободен.

Имам одной из мечетей Ошской области, говоря о том, что людям, работающим на производстве, не обязательно совершать пятикратный намаз, разъяснял, что это вызвано социально-экономическими преобразованиями в стране. «Раньше единоличник сам регулировал свой рабочий день и нерабочее время,— говорил имам.— Теперь работающий в общественном производстве подчинен общественным правилам. А. общеустановленные нормы нарушать нельзя. Их нарушение может привести к отрицательным последствиям для работы больших коллективов людей и экономики Киргизстана в целом».

Однако было бы ошибочным полагать, что подобного рода рекомендации даются всем верующим без разбора. Служители культа внимательно учитывают состав аудитории, в которой выступают. Сообразно с этим они и строят свои проповеди, особенно когда речь идет о тех или иных предписаниях ислама. При этом они используют любую возможность сохранить основные установления, касающиеся мусульманской обрядности, идя на уступки только тогда, когда иного выхода нет.

Выступая, например, во время пятничного богослужения перед постоянным контингентом верующих, имам одной из крупных мечетей Российской Федерации всегда подчеркивал, что нужно ежедневно совершать пятикратный намаз, пропуск намаза, хотя бы одного, уже лишает верующего милости аллаха.

Зато в дни религиозных праздников, когда среди верующих, присутствующих в мечети, находятся и такие, которые не всегда посещают ее даже по праздникам, тот же имам проповедует, что каждому зачтется аллахом любая молитва, и если человек в обычные дни по каким-либо причинам не может бывать в мечети, не может молиться, то нужно приходить туда хотя бы во время двух больших мусульманских праздников — ураза-байрам и курбан-байрам и помолиться.

Служители культа подчас идут на еще большие уступки. В одной из проповедей, произнесенных в период уразы в 1969 г., имам-хатыб ташкентской мечети «Чупан-ота» А. Джамалетдинов заявил: «Мы не можем укорять современную молодежь, говоря, что она не соблюдает уразу и не совершает намаз. Она добросовестно выполняет важнейшие обязанности перед государством и народом, а выполнение своего долга перед Родиной есть важнейшая наша обязанность».

Таким образом, для тех мусульман, которые регулярно посещают мечеть, пятикратная молитва является обязательной, а для тех, которые изредка появляются в храме и уже на деле отошли от религии, даже совершение молитвы только несколько раз в году не является предосудительным.

В прежние времена о таких поблажках не могло быть и речи. В уже цитированном нами общеобязательном символе веры, изданном халифом ал-Кадиром, говорилось: «...тот, кто без причины не совершает молитвы, тот неверующий, даже если он не отрицает обязательность молитвы, согласно следующим словам пророка: к неверию относится неисполнение молитвы, кто в этом совершает упущение, тот неверующий и остается неверующим, пока не покается и не станет молиться. А если он умрет до того, как покается и даже будет умолять аллаха о помощи словами или молчанием, то не будет он принят...»

Одним из элементов приспособления обрядов ислама к современным условиям является практика чтения хатм-Корана на дому у верующих или в мечети в течение одного вечера. Хатм-Коран — по веками установившейся традиции — это чтение всего Корана в месяц рамазан. Проводится он обычно в мечети в присутствии верующих знающим весь Коран наизусть служителем культа, имеющим сан «кори». Один из «кори» громко произносит коранические тексты, а другой контролирует правильность этого. Чтение всего Корана завершается в течение 10—12 дней.

В последние годы людей, знающих Коран наизусть («кори»), становится все меньше: редеют ряды тех, кто в течение долгих лет заучивает аяты Корана. Значительно уменьшилась и материальная заинтересованность в этом служителей культа. В прошлые времена

вся сумма пожертвований верующих во время чтения хатм-Корана шла в пользу «кори». Иногда эта сумма за один цикл чтения Корана составляла целое состояние. Теперь исполнительные органы мечетей пожертвования верующих во время чтения хатм-Корана обращают в доход мечети, ссылаясь на то, что социалистическое государство всех обеспечило достойной работой и хорошими заработками, а престарелых — пенсией, поэтому, мол, нет необходимости пожертвования в виде милостыни отдавать уважаемому всеми «кори».

Наконец, нельзя не учитывать и фактора времени. Если прежде, когда медленно и уныло текло время забитого и угнетенного крестьянина, посещение мечети или базара было чуть не единственным развлечением, то в наш век желающих ежедневно просиживать часами за прослушиванием текстов Корана становится все меньше. Учитывая все эти обстоятельства, служители культа стали внедрять упрощенную, облегченную форму хатм-Корана. В доме у того или иного верующего или в мечети собирается 10—15 человек, умеющих читать Коран на языке оригинала. Мулла распределяет между ними суры Корана с таким расчетом, чтобы в течение относительно короткого времени можно было прочитать весь Коран. Естественно, что чтение происходит не вслух, а «про себя». Так, экономя время каждого участника обряда и лиц, заказавших хатм-Коран в честь умерших или живущих, служители культа стараются сохранить этот религиозный обряд.

Духовенство допускает и другой способ, еще более доступный для верующих. К человеку, заказавшему хатм-Коран по случаю какого-либо события в своей жизни или жизни родственников, направляется служитель культа и зачитывает наизусть небольшие отрывки из Корана, а остальной текст «священной» книги условно считается прочитанным ранее в мечети или на дому у муллы. Так, обходя традиционные правила, служители культа стремятся сохранить существо обряда, используя его для укрепления религиозного влияния на верующих.

Любопытное превращение происходит и с таравих-намазом. Это дополнительная молитва, которая добавляется в месяц поста к пяти ежедневным молитвам и

состоит у мусульман-суннитов, являющихся последователями ханифитского мазхаба, из 20 рак'атов, т. е. одна эта молитва по объему действий и затраченному времени больше, чем все пять строго обязательных ежедневных молитв. Учитывая, что она для многих верующих является обременительной и правоверные все реже прибегают к ней, во многих мечетях число рак'атов, входящих в таравих-намаз, стало сокращаться, например в Московской соборной мечети доведено до восьми.

В процессе модернизации мусульманского культа следует отметить одно весьма важное направление — допущение пожертвований взамен исполнения религиозных обрядов. Позицию религиозных организаций можно продемонстрировать на примере их отношения к обрядам, связанным с праздником жертвоприношения — ид аль-Адха (курбан-байрам). В соответствии с предписаниями ислама во время этого праздника каждый мусульманин должен зарезать овцу, козла, корову или верблюда, а мясо животного раздать сиротам и нищим.

По мусульманским представлениям, приносимый в жертву скот перевезет на том свете правоверных по расположенному над пропастью мосту Сират, который «острее лезвия бритвы и тоньше человеческого волоса». Вместе с тем богословы связывали обряд жертвоприношения с коранической легендой об Ибрагиме, который хотел принести в жертву богу своего сына Исмаила, но благодаря милости аллаха Исмаил был заменен барашком. Из всего этого делался вывод об обязательности жертвоприношения скотом для каждого мусульманина, имевшего возможности его совершить.

В наше время отношение верующих и религиозных организаций к этому обряду изменилось. Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана еще в 1945 г. издало специальную фетву, в которой отмечалось, что жертвоприношение скотом «не является ваджибом (т. е. обязательным.— *Н. А.*), а является суннатом (т. е. желательным.— *Н. А.*)». Исходя из этого толкования, многие служители культа, обращаясь к верующим, стали призывать их вместо такого жертвоприношения вносить в кассу мечети стоимость

шкуры жертвенного животного. Особенно усилились подобные призывы в 1969 г., после тяжелой зимы, нанесшей немалый урон животноводству. По словам служителей культа, такое отношение к жертвоприношению весьма выгодно и удобно для всех: и для мечети, и для верующего, и для государства, заинтересованного в увеличении поголовья скота.

Анализируя обновленческие процессы в мусульманском культе, нельзя не обратить внимания на то, что духовенство стремится усиливать идейное воздействие трансформированных обрядов на верующих, а также поддерживать обрядовые действия, которые либо не предусмотрены в исламе вообще, либо проводятся верующими иначе, чем это предписывается вероучением. Так, имам-хатыб одной из мечетей Татарии в беседе с прихожанами говорил, что «традиционное поминание умерших на третий, седьмой, сороковой день и через год после смерти человека является ошибочной традицией. Ислам этого не предусматривает. Но поскольку верующие приглашают, то нужно идти. И проводить приходится, как и все обряды: с чтением Корана, с проповедью, с ответами на вопросы и молитвой».

То же в отношении мавлюда (праздника по случаю дня рождения пророка Мухаммеда), который по канонам должен отмечаться ежегодно 12 числа лунного месяца рабби аль-авваль, и только в мечети. Фактически же во многих местах он отмечается в течение всего месяца рабби аль-авваль, и не только в мечети, но и в домах верующих с участием служителей культа. Например, служители культа казанской соборной мечети «Марджани» в 1968 г. только в течение названного месяца побывали более чем в 80 домах верующих для совершения праздничного обряда мавлюд в присутствии большого количества людей. Обряд сопровождался молитвой, проповедью, рассказами о жизни и деяниях пророка и обильными угощениями. Иначе говоря, за один месяц служители культа мечети прочитали в полтора раза больше проповедей, чем их было прочитано в мечети за весь год. А если к этому добавить, что такие же проповеди они читали в домах верующих и во время совершения поминальных обрядов, не предусмотренных вероучением,

то будет очевидно, какую деятельность развивают служители мусульманского культа во время совершения тех обрядов, которые не предусмотрены вероучением или предусмотрены как не строго обязательные.

Не удивительно, что почти нет мусульманских служителей культа, которые бы не соглашались с тем, что поминальный обряд отсутствует в исламе, а является выдумкой невежд, что мавлюд должен отмечаться в один день, и притом в мечети. Но нет, пожалуй, и такого служителя культа, который отказался бы участвовать в их совершении в любое время. Они учитывают, что такие обряды оказывают сильное воздействие на верующих. Кроме того, в совершении этих обрядов участвуют и колеблющиеся, а порой даже неверующие.

Давая новое толкование различным обрядам, изыскивая доводы не только для объяснения их религиозного смысла, но и пытаясь найти их смысл и ценность для посюсторонней жизни мусульман, служители культа учитывают рационалистический подход современного человека к окружающему миру и к различным идеологическим концепциям. Сугубо «земной смысл» они придают и намазу, и омовению, и уразе. Труднее всего было с требованием ислама совершать паломничество (хаджж) в Мекку и Медину. Духовенство всегда подчеркивало, что паломничество совершается только для восхваления аллаха и получения от него отпущения грехов. Но теперь служители культа отыскивают практический смысл и в хаджже.

Выступая на богослужении в Московской соборной мечети 21 марта 1969 г., после возвращения из паломничества в Мекку, заместитель председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана Исмаил М. Саттиев подробно говорил о значении хаджжа для земной жизни, для сближения людей разных национальностей, для улучшения взаимопонимания между народами. «Однако почему это паломничество является обязательным? — спрашивал он.— Почему обязательным является посещение столь отдаленных, но священных мест? Возможно, раньше и не знали точно важность этого посещения, но сейчас, в век знаний, изучаются причины всех вещей... Сейчас

ученые изучают, для чего предписан хаджж, для чего мы собираемся в Мекке, для чего мы молимся на горе Арафат. Оказывается, что от этого предписания есть польза и для жизни земной, и для жизни загробной».

Еще более активно стремятся выяснить «земное значение» хаджжа зарубежные богословы. Учитывая то, что в Мекке собираются представители самых разных национальностей, сословий, специалисты в различных сферах знания, они предлагают проводить здесь встречи по специальностям для обмена опытом работы, использовать хаджж для установления контактов между государственными деятелями, что может, по их мнению, привести не только к укреплению дружбы между мусульманскими странами, но и к созданию содружества мусульманских стран.

Весьма характерны соображения, которые приводятся на этот счет. При проведении тех или иных конференций, замечают богословы, весьма важным, а часто почти неразрешимым является вопрос о месте проведения конференции или совещания. В данном случае такое место давно установлено свыше, и следовательно, дискуссии на эту тему отпадают. При подготовке к различным встречам остро встает вопрос о времени их проведения. Здесь оно определено тоже давно, причем самим аллахом. Для организаторов международных совещаний и конференций острым является финансовый вопрос: кто финансирует мероприятие и за счет чего. Но в Коране указано, что паломничество осуществляется человеком на свои собственные средства. По существу, определен и единый язык участников форума. Это язык Корана — арабский язык. Здесь решены также и многие вопросы: об одежде, о размещении. Прибывшие к святым местам проникнуты одним стремлением — духовно общаться с аллахом, в их душах царит безраздельная преданность всевышнему, в их мыслях — справедливое мышление. «Это прекрасный исходный пункт для любого совместного мероприятия по улучшению взаимоотношений между мусульманами» [1].

---

[1] См. статью Назир Ахмед Хана «Хаджж — самый большой международный форум» в «The Muslim World», 1969, № 29, 30.

Следует заметить, что в наши дни претерпели значительные изменения многие предписания ислама, связанные с хаджжем. Все больше культивируется так называемый заочный хаджж, узаконенный в исламе. В соответствии с шариатом он осуществляется специально нанятым лицом, уже совершавшим хаджж. Это лицо выполняет все обряды и действия, которые должен был бы совершить тот, кто в силу болезни или старости сам не может отправиться в паломничество. Теперь же служители культа считают возможным допускать, чтобы одно лицо, отправляющееся в паломничество в первый раз, могло брать заказы на совершение заочного паломничества у многих верующих. Предполагается, что это лицо уже на месте наймет вместо каждого заочника человека, который и совершит все, что положено по канонам ислама. На практике же всевозможные околорелигиозные дельцы, окопавшиеся у «святых мест», собирают многие десятки заказов, берут за это немалую плату и выдают свидетельства о совершении заочного паломничества. Руководители религиозных организаций прекрасно знают о такой практике, однако не выступают против, стремясь сохранить у людей веру в необходимость паломничества, хотя бы и весьма условного.

Как известно, паломничество в Мекку является одной из пяти основных обязанностей правоверных. Хотя в основных источниках мусульманского вероучения и говорится о том, что хаджж обязателен только для тех, кто имеет возможность его совершить, однако значительной части верующих мысль о паломничестве не давала покоя на протяжении всей жизни. Места паломничества в Саудовской Аравии находятся на большом расстоянии от районов традиционного распространения ислама, например в нашей стране, и совершение обряда связано с большими трудностями.

Однако мусульманское духовенство и здесь нашло выход. Не без его помощи распускались слухи о «святости» тех или иных мест «поблизости». Верующим рекомендовалось совершать к ним паломничество, причем несколько путешествий к этим «святым» местам объявлялись равносильными совершению

хаджжа. В каждом районе были свои такие «святые места»: в Казахстане — мавзолей Ходжа Ахмеда Яссави, в Узбекистане — комплекс мавзолеев Шахи-Зинда, на Северном Кавказе — Шалбуз-Даг. В Киргизии распространяли слухи о том, что не имеющие возможность совершить паломничество в Мекку, должны поклониться Сулейман-горе, находящейся у города Ош.

«Святые места» приносили немалые доходы духовенству и религиозным организациям. И не случайно даже в послевоенные годы Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана не только не выступало против паломничества к ним верующих, но даже содержало у многих «святых мест» своих хранителей.

В последнее время духовные управления мусульман, настоятели мечетей выступают против культа так называемых «святых мест», который в течение многих веков существовал в исламе, а толкования о возможности приравнивать к хаджжу многократное паломничество к ним объявляются «богомерзкими».

Чем же объясняется такой поворот? Во-первых, он объясняется значительным изменением религиозного сознания основной массы верующих, которые стали отказываться от посещения многих «святых мест». Во-вторых, это вызвано к жизни тем, что вокруг «святых мест» подвизаются всевозможные шарлатаны, которые спекулируют на религиозных чувствах отсталых людей, обирая их, тем самым уменьшая поступления в кассы зарегистрированных религиозных объединений. В-третьих, незарегистрированные служители культа, обслуживающие «святые места», представляют серьезную оппозицию сторонникам модернизации религии в новых условиях, поэтому, выступая против паломничества к «святым местам», духовные управления и руководители мечетей подрывают устои своих противников. Наконец, немаловажное значение имеет стремление мусульманского духовенства выставить ислам в качестве религии «прогрессивной», откликающейся на самые насущные вопросы, волнующие современного человека, и выступающей против всего, что тормозит движение общества и личности к прогрессу. Отсюда и «борьба» с суеве-

риями, к которым многие служители культа относят поклонение «святым местам».

Было бы неправильно думать, что все зарегистрированное мусульманское духовенство выступает против паломничества верующих к так называемым «святым местам». Если служители культа в Средней Азии и в Поволжье систематически призывают верующих отказаться от суеверий, прекратить посещение «святых мест», то на Северном Кавказе и в Закавказье служители культа продолжают призывать мусульман поклоняться «святым местам». Кади Буйнакской мечети (Дагестанская АССР) Татам-кади во время пятничных богослужений в месяц поста в ноябре — декабре 1969 г. призывал верующих посещать в дни рамазана и особенно во время ураза-байрама такие «святые места», как могилу Абдурахман-Гаджи Сухартлинского в селе Казанище Буйнакского района, могилу Ильяс-Гаджи Цударахского в селе Параул Ленинского района. Что же касается Духовного управления мусульман Закавказья, то оно организует ежегодное паломничество тысяч людей из разных районов Азербайджана к «святому месту» Геокимам, неподалеку от Кировабада.

Подобные факты свидетельствуют о том, что эволюция религиозного культа — сложный и противоречивый процесс, имеющий свои приливы и отливы, характеризующийся борьбой между модернистами и фундаменталистами.

Говоря об эволюции мусульманского культа, нельзя не сказать об отношении современного духовенства к гражданским обрядам, все шире внедряющимся в быт советских людей. Еще не столь давно служители ислама решительно выступали против гражданских обрядов и ритуалов, но, не получив поддержки верующих, изменили тактику. Теперь они, как правило, открыто не выступают против внедрения в быт гражданской обрядности, подчеркивая, что все хорошее, новое не противоречит исламу, а вполне согласуется с ним. Нередко от мусульманских служителей культа можно слышать, что и комсомольские свадьбы, и гражданские похороны вполне хороши, только они должны сочетаться с религиозными обрядами, ибо они не исключают друг друга, а скорее предполагают

одно другое. Ахунд одной из мечетей Азербайджана, например, отвечая на вопрос, как обстоят дела с религиозными браками и похоронами сейчас, когда нашли широкое распространение гражданские обряды, сказал так: «Сначала молодые регистрируются в загсе, затем просят нас совершить религиозное бракосочетание, а после этого организуется комсомольская свадьба. Мы совсем не выступаем против такого порядка. Главное, чтобы брак был скреплен именем аллаха. Тогда он будет крепким, и дети, родившиеся от такого брака, будут мусульманами».

Мусульманское духовенство ратует лишь за то, чтобы «новые», «европейские» обряды сочетались со старыми, традиционными, «национальными» обрядами, «доставшимися нам от предков», подразумевая под последними обряды ислама. С одной стороны, мечеть как бы «санкционирует» введение новых обрядов и тем самым показывает себя сторонницей прогрессивных мероприятий, все более весомо входящих в нашу жизнь. С другой стороны, она фактически обесценивает эти обряды, подчеркивая их «противоположность» национальному духу, скажем, узбеков, таджиков, туркмен. Ведь эти обряды являются «европейскими». Вместе с тем верующим внушается мысль, что если уж нельзя обойтись без внедрения новых гражданских обрядов, то надо усвоить, что они ни в коей мере не могут заменить «старые национальные обряды», под которыми подразумеваются религиозные обряды.

И нужно сказать, что такие «разъяснения» духовенства подчас делают свое дело. Еще нередко случается, что до или после гражданской панихиды по умершему совершается религиозное отпевание (джаназа). После торжественной регистрации брака в органах загса и пышной комсомольской свадьбы порой этот значительный акт в жизни молодых людей «освящается» еще и муллой.

И все же мусульманская обрядность отходит на второй план. Угасает религиозная вера, а вместе с ней уходят в прошлое и отживающие обряды. И никакие обновленческие попытки служителей культа не могут остановить этот закономерный процесс.

Заключение

Мы рассмотрели довольно широкий круг вопросов, связанных с эволюцией ислама в нашей стране. Основная цель всех усилий мусульманского духовенства и религиозных организаций по «обновлению» идеологии и культа ислама — приспособиться к условиям социализма, сохранить свои позиции в новой социально - экономической и культурно-идеологической среде. Предпринимая попытки модернизировать религию, мусульманское духовенство стремится поднять престиж ислама в глазах советских людей, показать его непреходящую ценность для всех времен и народов, его «прогрессивный» характер, пытается убедить верующих и неверующих в том, что ислам помогает советскому народу в его борьбе за построение коммунизма, является фактором общественного прогресса.

Согласно мусульманским представлениям, общество развивается по «божественному плану». Толкователями же предначертаний аллаха выступают богословы и служители культа. Отсюда следует, что они являются своего рода «учителями жизни», ведущими верующих к реализации заветов аллаха. На самом же деле служители ислама предстают как проповедники обветшалых догм, антинаучных представлений, которые остаются таковыми, несмотря на все попытки духовенства облечь их в нарядные одежды, сделать созвучными времени.

Что же касается провозглашаемых мусульманскими деятелями прогрессивных по видимости идей общественного развития, разрабатываемой ими «социологии революции», то представленный в настоящей работе материал, думается, достаточно красноречиво свидетельствует о том, что они вовсе не вытекают из ислама. Они порождены современной эпохой и являются богословской, а следовательно, искаженной интерпретацией тех идей, которые уже

давно владеют умами сотен миллионов людей и источником которых является марксистско-ленинская наука. Тому, кто заинтересован в истинном прогрессе человечества, лучше всего обратиться к этому чистому первоисточнику, а не пользоваться переработкой, сделанной применительно к требованиям того учения, мировоззренческие основы которого прямо противоположны мировоззренческим основам научного коммунизма.

Какие же выводы следует сделать из того факта, что ислам приспосабливается к условиям социализма, что мусульманское духовенство стремится модернизировать вероучение и культ?

С одной стороны, «подчищая», «осовременивая ислам», богословы и служители культа маскируют реакционный, антинаучный характер религиозной идеологии, способствуют утверждению ложного представления о «прогрессивности» мусульманской религии. В какой-то степени это помогает духовенству сохранять свое влияние на верующих, чего не могут не учитывать атеисты в повседневной воспитательной работе. С другой же стороны, вплетение в религиозные представления светских мотивов, признание богословием преобразующей роли человеческой деятельности в социальном развитии открывает широкие возможности для вовлечения верующих в активную производственную и общественно-политическую деятельность и усиления влияния на них воспитательного воздействия общественности, средств массовой информации и пропаганды. Именно эта сторона противоречивого процесса модернизации ислама особенно важна для практики атеистического воспитания трудящихся, совершенствования его форм и методов, использования всех имеющихся средств для высвобождения трудящихся из-под влияния религии.

Анализ особенностей эволюции ислама в нашей стране дает возможность выявить характер тех процессов, которые протекают в этой религии, определить главные направления научной критики современного мусульманства, наиболее эффективные пути преодоления религиозных пережитков в сознании людей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая.
Основные факторы эволюции ислама в СССР 6

Глава вторая.
Эволюция социальных позиций ислама 24

Глава третья.
Проблемы нравственности в современном исламе 77

Глава четвертая.
Изменения в богословско-догматических вопросах 107

Глава пятая.
Изменения в культе 133

Заключение 150

Нугман Аширов
ЭВОЛЮЦИЯ ИСЛАМА В СССР

Заведующий редакцией *А. И. Могилев*
Редактор *А. В. Белов*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова, Е. С. Молчанова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Л. К. Уланова*

Сдано в набор 9 июля 1973 г. Подписано в печать 26 октября 1973 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 7,98. Учетно-изд. л. 7,86. Тираж 26 тыс. экз. А04713. Заказ № 886. Цена 25 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна», Киев, Анри Барбюса, 51/2.

25 коп.

ПОЛИТИЗДАТ · 1973